Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – филиал РАНХиГС

На правах рукописи

Цыганкова Евгения Владимировна

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ (1861-1917 гг.)

Специальность – 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Тараборин Роман Сергеевич

Екатеринбург
2024

Содержание

Введение ……3

Глава 1. Формирование института судебной экспертизы в ходе развития процессуального права Российской империи…….31

1.1. Правовые предпосылки дифференциации судебной экспертизы в качестве самостоятельного института: «сведущие люди» в российском законодательстве XVIII – первой половины XIX вв. ……31

1.2. Судебная реформа 20 ноября 1864 г. и организационно-правовое оформление института судебной экспертизы ……57

Глава 2. Эволюция института судебной экспертизы в 1860-1910-е годы: законодательные и правоприменительные аспекты ……..94

2.1. Судебная экспертиза в составе уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства…… ……99

2.2. Кассационная деятельность Сената как инструмент коррекции правоприменения экспертного законодательства …….....130

Глава 3. Теория и практика экспертной деятельности в России в 1860-1910-е годы……...169

3.1. Разработка теоретических вопросов судебной экспертизы……169

3.2. Совершенствование организации экспертной деятельности, методов и средств её осуществления……..191

Заключение……214

Список использованной литературы……...219

Введение

Актуальность исследования. В современном обществе информация превратилась в ключевой ресурс развития во всех областях жизни. Решения, принимаемые отдельным человеком, группами людей, политическими силами, государственными и общественными институтами, в значительной, если не в решающей степени являются результатом интеллектуальной деятельности, основанной на получении, обработке и производстве информации. На фоне непрерывного увеличения её объемов, каналов передачи и усложнения методов обработки резко повысились значимость и актуальность информационной безопасности, понимаемой в широком смысле слова как защищённость информации от воздействий, способных нанести ущерб её владельцам или пользователям.

Важным аспектом такой безопасности является обеспечение достоверности информации, то есть полноты, целостности, точности и адекватности. Достоверность, независимо от того, идет речь об использовании информации отдельным человеком, каким-либо сообществом, государственным или общественным институтом, государством в целом, является необходимым условием совпадения или максимальной близости результатов, планируемых к достижению на основании данной информации, и реально полученных результатов.

К числу важнейших средств, обеспечивающих достоверность информации, следует отнести экспертизу.

Под экспертизой в современной науке понимают «специфический тип работы со знаниями, направленной не на получение новых знаний в той или иной области, а на применение уже имеющихся знаний для подготовки и принятия решений в самых различных сферах практики. Экспертиза проводится специалистами в той или иной области знания – экспертами»[1].

[1] Юдин Б. Г. Экспертиза // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1138.

Экспертиза информации должна выявить её подлинное содержание и соответствие реальности, тем самым превратив в необходимый источник для принятия решений конкретным лицом или органом, которому она поступила. Практически ни в одном виде деятельности государственных и общественных институтов в нынешнем российском обществе нельзя обойтись без экспертиз. Следовательно, научное исследование содержания и методов реализации экспертизы следует считать актуальной научной задачей для любой профессиональной деятельности, в которой она используется. Прежде всего это относится к правовой деятельности, так как именно в сфере права, в судопроизводстве экспертиза нашла свое первоначальное и самое длительное применение, в том числе и в российском обществе.

Формирование предпосылок дифференциации судебной экспертизы (знаний «сведущих людей») в России как вида профессиональной юридической деятельности и одного из средств обеспечения доказательности судебных решений происходило на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. Но становление судебной экспертизы в качестве института судопроизводственного права явилось непосредственным результатом отмены крепостного права, создавшей необходимые условия для осуществления в стране кардинальной реформы всей судебной системы.

На общий ход преобразований российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. значительное влияние оказывали процессы, происходившие в судебной сфере. Реформирование системы социальных отношений, столетиями основывавшихся на сословном неравенстве и крепостном праве, поставило немало новых сложных вопросов и явилось источником различных конфликтов и споров, в решении которых активная роль принадлежала суду. Но обоснованность и справедливость судебных решений часто непосредственно зависели от профессиональной оценки специалистами в различных областях знаний судебных аргументов той или иной стороны, как в уголовных, так и в гражданских делах.

В результате законодательной и правоприменительной деятельности государства, усилий, предпринятых профессиональным юридическим сообществом, в России за шестьдесят с небольшим лет сформировался и успешно развивался полноценный институт судебной экспертизы. На его теоретические основы и практические методы, особенно в области криминалистической экспертизы, во многом опиралась советская судебная экспертиза, их пролонгированное влияние до известной степени прослеживается в современной теории и практике судебной экспертизы в Российской Федерации.

Поэтому изучение организационно-правовых и научных оснований, практики применения, позволивших институту экспертизы в условиях переживавшего качественные перемены российского общества второй половины XIX – начала XX вв. сыграть существенную роль в развитии новой судебной системы, сохраняет научную и практическую актуальность для сегодняшнего дня, позволяя учитывать уроки прошлого в современной практике экспертной юридической деятельности.

Степень исследованности темы.

В отечественной юридической науке принято рассматривать историю русского (российского) права и соответственно историю его изучения в рамках трёх хронологических этапов: дореволюционного, советского и современного российского. Развитию юридической науки на каждом из этих этапов были присущи свои особенности, по-своему проявившиеся и в степени исследованности темы настоящей диссертации.

Дореволюционный историографический период

Обращение российской юридической науки к проблематике экспертизы или – в принятой тогда официальной терминологии – использования знаний «сведущих людей»[1] в судопроизводственном процессе происходило

[1] В российском процессуальном законодательстве эпохи империи использовался термин «сведущие люди». В юридической литературе и в юридико-бюрократическом лексиконе как синонимы применялись термины «сведущие люди» и «эксперты». В конце XIX – начале XX вв. термины «экспертиза» и «эксперты» стали включаться и в некоторые нормативные

синхронно со становлением, законодательным и практическим, экспертизы в качестве правового института. Это становление, осуществлявшееся в рамках создания новой судебной системы, явилось одним из многих последствий важнейшего преобразования, предопределившего все последующие процессы в российском обществе, – реформы 19 февраля 1861 г. Освобождение многомиллионной крестьянской массы делало неизбежным существенные изменения во всех межсословных и внутрисословных правоотношениях, что ставило в непосредственную повестку дня создание новой системы их регулирования, в первую очередь в ключевом звене – судебном. Эту причинно-следственную связь хорошо понимали сами авторы реформ Александра II, поэтому аграрная и судебная реформы разрабатывались параллельно, хотя первой отводился безусловный приоритет.

В дореволюционной юридической историографии общепризнанный характер имела точка зрения, что хотя определённые усилия по реформированию отдельных звеньев российской судебной системы предпринимались в последние годы правления Николая I и первые годы правления Александра II, но в практическую плоскость разработка общей реформы этой системы перешла после 19 февраля 1861 г., так как именно отмена крепостного права создала для такой реформы необходимые условия (Берендтс Э. Н., Кистяковский А. Ф., Филиппов М. А., Щегловитов И. Г. и др.)[1].

Следовательно, и процесс становления в России экспертизы именно в качестве института судопроизводства, а не второстепенного средства, ранее периодически применявшегося в судопроизводственном процессе, тоже следует рассматривать как часть процесса разработки общей судебной

правовые акты, но «сведущие люди» оставались в статьях Уставов уголовного и гражданского судопроизводства до революции 1917 г.

[1] Берендтс Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Пг.: Сенат. тип., 1915; Кистяковский А. Ф. О значении судебной реформы в деле улучшения уголовного правосудия. Киев: Университ. тип., 1870; Филиппов М. А. Судебная реформа в России. СПб.: Тип. А. Моригоровского, 1871. Т. I. Судоустройство. Ч. I.

реформы, вошедшего в активную фазу после отмены крепостного права и завершившегося изданием 20 ноября 1864 г. именного указа императора Александра II «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах»[1]. Именно в этих Уставах институт судебной экспертизы и получил своё законодательное оформление.

Таким образом, от его создания до прекращения действия в рамках ликвидации всей судебной системы Российской империи в 1917 г. прошло немногим более пятидесяти лет. Наверное, именно временная ограниченность существования дореволюционного института судебной экспертизы оказала главное влияние на степень изученности института судебной экспертизы в дореволюционной историографии, так как в ней не появилось работ, специально посвящённых исследованию данного института как юридического явления, а также истории его возникновения и развития на протяжении этих 50 лет.

Тем не менее, количество публикаций юристов, прежде всего процессуалистов, а также активно участвовавших в экспертной деятельности специалистов в судебной медицине и криминалистике, где в той или иной мере исследовались теоретические и практические аспекты судебной экспертизы, было достаточно велико, чтобы рассматривать совокупность этих публикаций как своеобразный историографический комплекс.

Представляется возможным для его содержательной характеристики выделить, конечно, не без некоторой условности, несколько групп по принципу включения в них работ, объединенных общим углом зрения на судебную экспертизу.

Первые две группы объединяет рассмотрение судебной экспертизы как одного из элементов судопроизводственного процесса – уголовного и гражданского.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ-2). Т. XXXIX. Отд. II. № 41473. С. 179-180.

Поскольку функции, место и роль, отводимые деятельности сведущих людей, в обоих видах судопроизводства во многом совпадали, то допустимо дать общую характеристику изученности судебной экспертизы в этих группах работ.

Все авторы исходили из действовавшего законодательства, поэтому обычно включали материал, посвящённый экспертизе, в главы своих работ, где рассматривались вопросы судебных доказательств. Характеризуя экспертизу как один из видов доказательств, они сосредотачивались на выявлении с большей или меньшей подробностью её отличий и особенных черт в сравнении с другими доказательствами, например, требований, предъявляемых к экспертам как специалистам, обладающим какими-либо особыми знаниями, к достоверности и значимости их мнений и особенно заключений для принятия судебных решений и т. п. аспектам процессуальной функции сведущих людей. В результате в работах по уголовному и гражданскому законодательству эксперты представали как участники судебного процесса, но участники второстепенные, роль которых в процессе определялась, во-первых, законодательством (щедро цитируемом всеми авторами), во-вторых, позицией, занятой в рамках этого законодательства конкретным судом (судьями). С оговорками в отношении работ некоторых видных процессуалистов (этот вопрос специально будет рассматриваться в подпараграфе 2.1.1) можно сказать, что в большинстве случаев освещение вопросов судебной экспертизы сводилось к более или менее пространному комментированию соответствующих статей действующих Уставов.

В качестве элемента уголовного судебного процесса судебная экспертиза рассматривалась в трудах С.И. Викторского, М.В. Духовского, П.В. Макалинского, Н. А. Неклюдова, С.В. Познышева, Н.Н. Полянского, Н.Н. Розина, В.К. Случевского, В.Д. Спасовича, Д.Г. Тальберга, Г. С. Фельдштейна, И.Я. Фойницкого, А.П. Чебышёва-Дмитриева, К.В. Шаврова и др.[1] В этой

[1] Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд. А. А. Карцева, 1912; Духовской М. В. Из лекций по уголовному процессу. М.: Тип. Общ-ва

группе работ отдельно следует выделить публикации Л. Е. Владимирова, так как автором был предложен оригинальный взгляд на характер и роль экспертизы в уголовном процессе, вызвавший широкую творческую дискуссию процессуалистов[1]. Тематическим своеобразием отличалась также работа С. К. Гогеля, поскольку автор сосредоточил внимание на особенностях применения экспертизы в уголовном процессе с участием присяжных заседателей[2]. Л. З. Слонимский среди других правовых вопросов рассмотрел роль экспертизы в уголовных и гражданских делах, связанных с умственным расстройством их участников[3]. Также в эту группу можно добавить едва ли не единственную из работ, предметно посвящённых конкретному виду

распространения полезных книг, 1895; Он же. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А. Н. Поплавского, 1910; Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: в 2 ч. Изд. 7-е. Пг.: Сенат. тип., 1915; Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. Т. I; Он же. Руководство к особенной части русского уголовного права. СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1876. Т. I-II; Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1913; Полянский Н. Н. Уголовный процесс: уголовный суд, его устройство и деятельность. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., измен. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО», 1914; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913; Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1861; Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Киев: Тип.-лит. Т-ва И. Н. Кушнарев и К°, 1891. Т. II. Вып. 1; Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Тип.-лит. В. Рихтер, 1915; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 4-е. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1912. Т. I; Изд. 3-е, пересмотр. и доп. СПб.: Сенат. тип., 1910. Т. II; Чебышёв-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб.: Изд. В. П. Печаткина, 1873; Шавров К. В. Экспертиза в уголовном суде // Вестник права. Журнал Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. 1899. № 7. С. 1-38 и др.

[1] Владимиров Л. Е. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве. Харьков: Универс. тип., 1870; Он же. Учение об уголовных доказательствах. Особенная часть. Кн. 1. Личный судейский осмотр и заключения экспертов. Харьков: Изд. кн. магазина Д. Н. Полуехтова, 1886; Он же. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и особенная. 3-е изд., измен. и законченное. СПб.: Изд. кн. магазина. «Законоведение», 1910. Взгляды этого юриста будут отдельно рассматриваться в подпараграфе 2.1.1.

[2] Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковна: Тип. Губерн. правления, 1894.

[3] Слонимский Л. З. Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1879.

специальной экспертизы (в данном случае бухгалтерской экспертизе), но на примере её использования именно в уголовном процессе[1].

Одним из наиболее существенных отличий уголовного судопроизводства от гражданского являлось наличие этапа предварительного следствия, на котором также могли привлекаться эксперты. Их применение на этом этапе имело ряд особенностей, поэтому несколько юристов (А.А. Арсеньев, А.А. Квачевский, В.Я. Фукс) сочли возможным в своих работах, отдельно анализируя этот этап, уделить внимание этим особенностям[2].

Экспертиза как элемент гражданского судебного процесса затрагивалась в трудах В.И. Адамовича, Е.В. Васьковского, Г.Л. Вербловского, А.Х. Гольмстена, А.И. Загоровского, К.И. Малышева, Е.А. Нефедьева, К.П. Победоносцева, П.П. Цитовича, И.Е. Энгельмана, Т.М. Яблочкова[3].

---

[1] Иванов С. Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе. СПб.: Изд. кн. склада «Коммерческая лит.», 1913.

[2] Арсеньев К. К. Судебное следствие. Сборник практических заметок. СПб.: Тип. В. Демакова, 1871; Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1869. Ч. III. О предварительном следствии. Вып. I; Фукс В. Я. Уголовно-судебная экспертиза на предварительном следствии и суде // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. IV. С. 15-54; Кн. V. С. 1-39.

[3] Адамович В. И. Очерк русского гражданского процесса. Вып. I. СПб.: Тип-лит. и фототип. В. И. Штейна, 1894; Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914; Вербловский Г. Л. Судопроизводство гражданское и уголовное в судебно-административных учреждениях. 2-е, пересмотр. и доп. изд. СПб.: Изд. Юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1898; Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 5-е, испр. и доп. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913; Загоровский А. И. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1892; Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. I. 2-е изд., испр. и доп.; Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 2-е. М.: Тип. Импер. Моск. ун-та, 1909; Победоносцев К. П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету Кассационных департаментов Сената. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872; Цитович П. П. Гражданский процесс. Конспект лекций. Изд. 4-е. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1884; Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Изд. 3-е, испр. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912; Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 2-е, доп. Ярославль: Книгоизд-во И. К. Гассанова, 1912.

Историографический интерес представляют также практические комментарии к Уставу гражданского судопроизводства К.Н. Анненкова и В.Л. Исаченко, где некоторое внимание было уделено и его экспертным статьям[1].

Третью тематическую группу составили работы специалистов в области судебной медицины. Судебно-медицинская экспертиза имела самую давнюю историю, её источники обнаруживаются даже в Древней Руси, но научно обоснованное законодательное применение получила в первой половине XIX в. При разработке Уставов уголовного и гражданского судопроизводства (равно как и при создании Свода законов Российской империи) законодательство о судебно-медицинской экспертизе (об участии врачей в качестве сведущих людей в основном в уголовном судопроизводстве, реже – в гражданском) было включено не непосредственно в уголовное и гражданское процессуальное право, а в состав особого – Врачебного – Устава. Место, занимаемое судебно-медицинской экспертизой в общей экспертной деятельности, её отличия от других видов экспертизы являлись предметом постоянной дискуссии медиков с юристами. Специалисты в судебной медицине отстаивали своеобразие своей экспертной деятельности, делая особый акцент на научные основания и техническую специфику получаемых с помощью этой экспертизы знаний о преступлении и преступниках, на неспособность судебной власти в лице судей, незнакомых с медицинской наукой, адекватно оценить заключения врачей-экспертов. Поэтому, по их мнению, суд должен принимать судебно-медицинские экспертные заключения как доказательства, не требующие и не допускающие (в отличие от заключений других экспертов) дополнительного обсуждения и проверки. Такая позиция с большей или меньшей убедительностью и при опоре на чисто

[1] Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства: в 6 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. II, IV, V; Исаченко В. Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу Устава Гражданского судопроизводства. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. II. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910; Он же. Мировой суд. Практический комментарий на первую книгу Устава Гражданского судопроизводства (Статьи 29-201). СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913.

медицинские аргументы обосновывалась как в общих работах по судебной медицине (Н. С. Бокариус, А. С. Игнатовский, Д. П. Косоротов, Ф. А. Патенко, В. И. Штольц и др.)[1], так и работах, посвящённых конкретным вопросам судебно-медицинской экспертизы (Ф. В. Вислоцкий, Б. Вронский, Ф. А. Патенко, М. М. Покровский, Н. Н. Щеглов и др.)[2]. К судебно-медицинской группе также можно отнести работы П. И. Ковалевского и В. Ф. Чижа, поскольку в них рассматривались вопросы судебной психиатрии[3].

В четвёртую группу работ входят издания по криминалистике – области юридического знания, быстро развивавшейся как раз во второй половине XIX в. и активно использовавшейся в экспертных целях в обоих видах судопроизводства. Авторы этих работ преимущественно сосредотачивали своё внимание на анализе конкретных методов и приёмов криминалистики, их практической разработке и совершенствовании (судебная фотография, почерковедение, исследование документов, дактилоскопия и т. д.), первичной

---

[1] Бокариус Н. С. Краткий курс судебной медицины. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и С-вья, 1911; Игнатовский А. С. Судебная медицина. Вып. I // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1911. № 1. Приложения. С. 1-424, XII; Он же. Судебная медицина. Вып. II // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1912. № 10. Приложения. С. 1-286, VIII; Косоротов Д. П. Учебник судебной медицины для студентов. Изд. 2-е., доп. СПб.: Тип. А. Э. Коллинс, 1914; Патенко Ф. А. Опыт руководства к судебно-медицинскому анализу. Вып. I. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и С-вья, 1904; Штольц В. И. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. СПб.: Изд. И. С. Леви, 1885 и др.

[2] Вислоцкий Ф. В. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства. Варшава: Тип. И. Унгра, 1872; Вронский Б. Судебно-медицинская экспертиза на трупах и свидетельские показания в уголовном процессе // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. VIII. С. 128-168; Патенко Ф. А. Химическая экспертиза в уголовном процессе // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. Кн. VI. С. 73-84; Покровский М. М. Судебно-медицинская экспертиза при гласном судопроизводстве. М.: Универс. тип. (М. Катков), 1877; Соколов А. А. Судебно-медицинская экспертиза по циркулярным указам правительствующего сената // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. IV. С. 132-153; Щеглов Н. Н. Материал к судебно-медицинскому исследованию огнестрельных повреждений. М.: Тип. Т. Рис, 1879 и др.

[3] Ковалевский П. И. Судебная психопатология. Изд. 2-е, доп. СПб.: Изд. «Русского Медиц. Вестника», 1900; Он же. Судебно-психиатрические очерки. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1896; Чиж В. Ф. Лекции по судебной психопатологии. СПб.: Изд. Г. Ф. Пантелеева, 1890.

систематизации, специфике использования в судебных процессах. Также подчёркивалось, что криминалистическая экспертиза, использовавшая достижения современной науки и новейший технический инструментарий, обеспечивала высокий уровень достоверности и доказательности, существенно повышая тем самым обоснованность выносимых судебных решений. Такие работы, заложившие основы отечественной криминалистики, были созданы Б. Л. Бразолем, Е. Ф. Буринским, И. И. Ганом, Ф. О. Гредингером, А. А. Жижиленко, В. И. Лебедевым, С. Н. Трегубовым, И. Г. Щегловитовым и др.[1] К ним следует добавить позднейшие публикации некоторых криминалистов (В. И. Громов, С. М. Потапов, И. Н. Якимов), профессионально сформировавшихся до революции, но сыгравших важнейшую роль в создании советской криминалистики[2].

Пятую группу составили дореволюционные публикации историко-правового характера, освещавшие в широком временном контексте, начиная с Древней Руси и до реформ Александра II, историю русского (российского) судоустройства, уголовного и гражданского судопроизводства. Использование работ Я. И. Баршева, П. И. Дегая, Ф. М. Дмитриева, К. Д. Кавелина, Н. И. Ланге, В. А. Линовского, И. А. Максимовича, М. М. Михайлова, С. В. Пахмана, К. Г. Стефановского, К. Е. Троцины,

[1] Бразоль Б. Л. Очерки по следственной части: История. Практика. Пг.: Гос. тип., 1916; Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб.: Тип. Тов-ва «Труд», 1903; Ган И. И. Дактилоскопия // Журнал министерства юстиции. 1904. № 4, апрель. С. 180-189; Он же. О способе применения фотографии на предварительном следствии // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 7, сентябрь. С.84-96; Гредингер Ф. О. Судебно-фотографическое исследование документов // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 6, июнь. С. 1-24; Жижиленко А. А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование. СПб.: Невская тип., 1900; Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1909; Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступления. Практическое руководство для судебных деятелей. Пг.: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1915; Щегловитов И. Г. Судебная экспертиза документов // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. Кн. VI. С. 45-72 и др.

[2] Громов В. И. Дознание и предварительное следствие: Теория и техника расследования преступлений. 3-е изд., испр., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во, 1928; Потапов С. М. Судебная фотография. Учебное и практическое руководство. М.: ОГИЗ, 1936; Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: Изд. НКВД СССР, 1925.

П. Н. Чеглокова и др. позволяет проследить истоки формирования в национальной правовой мысли представлений об использования специальных знаний в судопроизводстве, выявить первые опыты такого использования, восстановить историю законодательного регулирования деятельности сведущих людей[1].

Шестую группу составили труды дореволюционных правоведов, посвящённые изучению судебной реформы 1864 г., в первую очередь – судебных уставов, поскольку именно в последних содержались нормы, определившие формирование института судебной экспертизы: авторские публикации И. А. Блинова, И. В. Гессена, Г. А. Джаншиева, М. А. Филиппова, И. Г. Щегловитова, а также коллективные труды, в которых участвовали многие ведущие юристы того времени[2]. В этих работах рассматривались

---

[1] Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841; Дегай П.И. Учебная книга российского гражданского судоустройства и судебного делопроизводства. СПб.: Тип. Фишера, 1847; Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1899; Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях // Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. IV. Этнография и правоведение. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. С. 205-420; Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). СПб.: Тип. А. Траншеля, 1884; Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849; Максимович И. А. Речь об уголовных наказаниях в России. Киев: Универс. тип., 1853; Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. СПб.: Тип. К. Крайя, 1848; Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М.: Универс. тип., 1851; Стефановский К. Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Февраль. С. 252-366; 1873. Сентябрь. С. 1-81; Троцина К. Е. История судебных учреждений в России. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1851; Чеглоков П. Н. Об органах судебной власти в России от основания государство до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань: Изд. И. Дубровина, 1855 и др.

[2] Блинов И. А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк. Пг.: Сенат. тип., 1914; Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Тип.-лит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905; Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891; Он же. С. И. Зарудный и судебная реформа. М.: Тип. Е. Гербек, 1889; Судебная реформа: в 2 т. / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М.: Книгоиздат-во «Объединение», 1915. Т. I-II; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. Пг.: Сенатская тип., 1914. Т. I-II; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Пг.: Сенатская тип., 1914. Доп. том; Филиппов

предпосылки и ход проведения судебной реформы, доказывалась её закономерность, были даны обоснованные характеристики сильных и слабых сторон судебных преобразований и их судьбы в последующие десятилетия.

Резюмируя анализ дореволюционной историографии по теме диссертации, следует заключить, что представленные в рассмотренных шести группах труды в своей совокупности воссоздавали реальную картину исторических предпосылок, самого процесса формирования и развития судебной экспертизы как важного элемента функционирования российской судебной системы, практического осуществления уголовного и гражданского судопроизводства. Но эта картина имела мозаичный характер, поскольку судебная экспертиза рассматривалась не как целостный институт процессуального права, а как отдельные элементы уголовного и гражданского процессов или отдельные виды судебных экспертиз. В то же время и собственно история формирования этой сферы профессиональных юридических знаний, её законодательной организации и практического применения не была изучена как единый процесс в рамках общей эволюции российского права, прежде всего его судопроизводственной составляющей.

Советский историографический период

В советской историко-правовой науке история становления и развития судебной экспертизы в Российской империи специально не исследовалась.

Например, в объёмном труде М. А. Чельцова-Бебутова, где отдельный раздел был посвящен рассмотрению истории суда и уголовного процесса в России (включая период империи), судебная экспертиза автором даже не упоминалась[1].

М. А. Судебная реформа в России. СПб.: Тип. А. Моригоровского, 1871. Т. I. Судоустройство. Ч. 1; Щегловитов И. Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года. Пг.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1915; Он же. К сорокалетию Судебных Уставов 20 ноября 1864 года // Вестник права. 1904. Кн. IX. С. 1-28 и др.

[1] Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М.: Госюриздат, 1957. Т. 1.

В работах, анализировавших экспертную деятельность в рамках советского уголовного процесса, как правило, имелись краткие обзорные экскурсы в историю дореволюционной экспертизы, но ограничивавшиеся, за редким исключением, простым перечислением учреждений и специалистов данного профиля и сопровождавшиеся критической, с классовых позиций оценкой взглядов Л. Е. Владимирова и В. Д. Спасовича[1].

В учебных изданиях 1940-1950-х гг. по советскому уголовному и гражданскому процессу подобные исторические экскурсы либо вообще отсутствовали, либо также имели чисто обзорный характер[2]. Этот подход не претерпел существенных изменений и в аналогичной юридической литературе 1960-1980-х гг.[3]

Практически единственной областью советской юридической науки, в которой было востребовано и продолжало применяться наследие дореволюционной судебной экспертной науки и практики, являлась криминалистика. Так, в работах, выходивших в 1940-1960-е гг., содержались достаточно подробные обзоры развития криминалистики в дореволюционной

---

[1] Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Мн.: Изд-во Белгосуниверситета, 1959; Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963; Никифоров В. М. Экспертиза в советском уголовном процессе. М.: РИО ВЮА, 1947; Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1964; Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1953; Чельцов М. А., Чельцова Н. В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1954 и др.

[2] Абрамов С. Н. Гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1950; Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954; Советский уголовный процесс. Учебник / Под ред. Д. С. Карева. М.: Госюриздат, 1956; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948; Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. Учебник. М.: Госюриздат, 1956 и др.

[3] См., напр.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989; Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. А. А. Добровольского, А. Ф. Клейнмана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970; Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. М. А. Гурвича. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1975; Советский гражданский процесс. Учебник для вузов / Отв. ред. М. С. Шакарян. М.: Юрид. лит., 1985; Советский уголовный процесс. Учебник / Под общ. ред. И. Д. Перлова. М.: Госюриздат, 1962; Советский уголовный процесс. Учебник / Под общ. ред. М. И. Бажанова и Ю. М. Грошевого. Киев: Высш. шк., 1978 и др.

России, признавалось, что в работах ученых-криминалистов того времени имелись достижения, использованные советской криминалистикой[1]. Такой подход сохранился и в публикациях последующих лет, в которых изложению достижений советской криминалистики обычно предшествовали краткие характеристики её развития во второй половине XIX – начале XX вв.[2] Объективный целостный взгляд на исторический опыт дореволюционной российской криминалистики представлен в работах И. Ф. Крылова[3].

Таким образом, в советский историографический период освещение истории дореволюционной судебной экспертизы не вышло за пределы обзоров, сопровождавшихся обязательными классовыми оценками. Положительным исключением являлись работы советских криминалистов, отдававшие должное дореволюционным предшественникам, среди которых были и их непосредственные учителя.

Современный историографический период

Для современной юридической науки характерным явлением стал отказ от односторонних оценок дореволюционной юридической науки и практики, стремление авторов, обращаясь к истории отечественного права, восстановить объективную картину его развития на протяжении всей российской истории.

Эти явления нашли отражение в учебной и научной литературе по истории права и государства России. В ней подробно освещались основные вопросы развития материального и процессуального гражданского и

---

[1] Винберг А. И. Введение в криминалистику. Предмет, метод, система курса и история советской криминалистики. М.: РИО ВЮА, 1950; Он же. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956; Он же. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Госюриздат, 1949; Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. Экспертиза документов. М.: Госюриздат, 1960; Криминалистика. Учебник / Под ред. С. А. Голунского. М.: Госюриздат, 1959.

[2] См., напр.: Криминалистика. Учебник / Отв. ред. А. Н. Васильев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971; Криминалистика. Учебник / Отв. ред. И. Ф. Крылов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976; Криминалистика. Учебник / Под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова. М.: Юрид. лит., 1968.

[3] Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Он же. Избранные труды по криминалистике. СПб.: Юрид. ф-т СПбГУ, 2006; Он же. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

уголовного законодательства, суда и судопроизводства эпохи Российской империи, включая правовые преобразования второй половины XIX в.[1]

Появился целый ряд исследований по истории российской судебной системы, включавших историю уголовного и гражданского судопроизводства, изучение взглядов российских дореволюционных процессуалистов[2].

В указанных работах достаточно подробно представлена картина развития уголовного и гражданского права (материального и процессуального) и соответствующего судопроизводства, однако история судебной экспертизы в них сколько-нибудь заметного отражения не нашла. Не произошло этого и в изданной в последние десятилетия учебной литературе по уголовному и гражданскому процессу и судопроизводству, поскольку в ней всё внимание сосредоточивалось на изучении действующего права РФ, исторические экскурсы, если и включались, то имели самый общий характер[3].

---

[1] Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004; История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю. П. Титова. М.: Проспект, 2000; История отечественного государства и права: учебник / Отв. ред. И. А. Исаев. М.: Проспект, 2012; История отечественного государства и права: Учебник / Под ред. О. И. Чистякова. М.: ЮРАЙТ, 2010. Т. 1; Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1997 и др.

[2] Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, проблемы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003; Амплеева Т. Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.). Кн. II. Императорская Россия. М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2008; Бабенко В. Н. Судебная система России: История и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНИОН РАН, Рос. прав. академия, 2007; Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007; Она же. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). М.: Наука, 1993; Жданов Ю. Н., Емелин А. С. Судебные уставы России 1864 г. (Опыт истории и современность): Учеб. пособие. М.: МЮИ МВД РФ, 1998; История суда и правосудия в России: в 9 т. / Отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. М.: Норма, 2017-2020. Т. 1-5; История судебной системы России: учеб. пособие / Под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб.: «Наука», ООО Изд-во «Альфа», 2000; Смыкалин А. С. История судебной системы России: учеб пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012; Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. М.: Статут, 2009. Т. 3. История развития отечественной цивилистической процессуальной и административной процессуальной мысли в персоналиях.

[3] См., напр.: Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / Отв. ред. А. А. Мохов. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017; Гражданское процессуальное право: учебник: [в 2 т.] / Под ред. П. В Крашенинникова. 2-е изд., перераб.

Научное историко-правовое исследование проблем судебной реформы, уголовного и гражданского судоустройства и судопроизводства в России второй половины XIX – начала XX вв. явилось предметом значительного количества диссертационных работ современных российских историков права, выполненных по специальности 12.00.01 (в прежней номенклатуре научных специальностей, действовавшей до 2021 г.): Р. И. Абушова, М. О. Акишева, Т. Ю. Амплеевой, А. А. Волчковой, В. В. Захарова, М. Г. Коротких, С. В. Лонской, Н. А. Назаровой, М. В. Немытиной, Л. С. Нестеренко, В. В. Радуто, Е. В. Рощиной, С. Ю. Серебренникова, Н. В. Стус, В. Н. Тарасова[1]. Однако место и роль экспертизы в

и доп. М.: Статут, 2022. Т. 1. Общая часть; Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017; Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. И. А. Колоколова. М.: Изд-во Юрайт, 2015; Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В. П. Божьева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2014; Уголовно-процессуальное право: учебник / Под общ. ред. В. М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2015 и др.

[1] Абушов Р. И. Генезис института мировых судей в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2009; Акишев М. О. Судебная реформа Петра I: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2005; Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.): автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2009; Волчкова А. А. Институт судебных следователей в дореволюционной России (Историко-правовой анализ): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2005; Захаров В. В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832-1917 гг.: Историко-правовое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2009; Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Л., 1990; Лонская С. В. Мировой суд в России (1864-1917): историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 1998; Назарова Н. А. Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2007; Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1999; Нестеренко Л. С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2012; Радуто Р. В. Развитие уголовного судопроизводства в России в XIX веке. Историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010; Рощина Е. В. Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2006; Серебренников С. Ю. Развитие гражданского судопроизводства в Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010; Стус Н. В. Уголовно-судебное право России в XII-XIX вв.: историко-юридическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2015; Тарасов В. Н. Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2015.

судопроизводстве того времени во всех перечисленных диссертациях не затрагивались.

Некоторые вопросы развития судебной экспертизы в дореволюционной России были рассмотрены в охватывавших более широкие хронологические рамки, включая советский и современный периоды правовой истории, диссертационных исследованиях М. О. Доловой, А. А. Мохова и Д. О. Цыпкина[1]. В работах Н. М. Алехиной и О. Г. Печниковой нашли отражение исторические аспекты развития в дореволюционной России медицинских знаний и их использования в экспертных (судебно-медицинских) целях[2].

Ряд работ российских правоведов было непосредственно посвящено судебной экспертизе, её современному состоянию, роли судебной экспертизы в судопроизводственном процессе. Как правило, авторы включают в эти работы небольшие исторические разделы, в которых в обзорном порядке характеризуют либо в целом развитие института экспертизы (сведущих лиц) в дореволюционной России[3], либо использование специальных знаний и сведущих людей в тогдашнем уголовном процессе[4].

---

[1] Долова М. О. Развитие науки гражданского процессуального права России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2017; Ковтков Д. И. Кассационное производство в гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2015; Мохов А. А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.15. СПб., 2006; Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898-1963 гг. (Концепции, учреждения, ученые): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2009.

[2] Алехина Н. М. Состояние и развитие судебно-медицинского дела в России в межвоенный период (1918-1941): автореф. дис. … канд. мед. наук: 07.00.10. М., 2002; Печникова О. Г. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здравия» в России в XVI – начале XIX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2015.

[3] Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2007; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Учебник. М.: Норма, 2003; Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002; Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза: учебник и практикум. М.: Изд-во Юрайт, 2015; Стукалин В. Б. Основы судебной экспертизы: учеб пособие. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011 и др.

[4] Гришина Е. П. Актуальные вопросы теории и практики участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2006; Исаева Л. М. Специальные познания в

Более подробно история дореволюционной судебной экспертизы освещалась в работах по криминалистике.

Среди них следует особо отметить труд Р. С. Белкина по истории криминалистики. В первой главе автором был дан обзор деятельности криминалистических судебно-экспертных учреждений дореволюционной России, а во второй – подробно освещена деятельность и теоретические представления создателей советской криминалистики, профессиональное становление которых происходило ещё до революции (И. Н. Якимов, В. И. Громов)[1]. Важные сведения и обоснованные оценки, касающиеся дореволюционной криминалистики, также содержались в подготовленном этим учёным энциклопедическом издании по криминалистике[2].

Различные аспекты исторического развития криминалистики в России, в том числе в историографическом ракурсе и на значительном источниковом материале, достаточно полно рассматривались в работе С. Ю. Косарева[3].

В ряде современных учебных изданий по криминалистике определённое внимание уделено историческим аспектам формирования криминалистической науки и практики в России не только советского, но и дореволюционного времени. В них, как правило, имеются более или менее подробные исторические обзоры становления и развития криминалистики в дореволюционной России, взглядов и деятельности создателей этой отрасли профессиональных знаний, признаётся их позитивное влияние на формирование и развитие криминалистики в СССР[4].

уголовном судопроизводстве. М.: ЮРМИС, 2003; Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд-во РУДН, 2000; Чарыков А. В., Чарыков В. И. Вопросы теории и законодательного регулирования института эксперта и специалиста в российском уголовном процессе. Курган: Изд-во КГУ, 2016; и др.

[1] Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М.: НОРМА, 1999.

[2] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000.

[3] Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006.

[4] Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003; Ищенко Е. П. Криминалистика: Курс лекций. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ», АСТ-МОСКВА, 2007; Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика. Учебник. Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. М.: «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2010;

Однако в многочисленных диссертационных исследованиях, выполненных в последние десятилетия почти полностью на современном российском материале по специальностям 12.00.09 и 12.00.12 (по номенклатуре научных специальностей, действовавшей до 2021 г.) и посвящённых изучению экспертной, в том числе криминалистической, деятельности, авторы крайне редко обращались к опыту этой деятельности, накопленному в дореволюционной России. Даже в тех случаях, когда авторы считали необходимым этого опыта коснуться, они ограничивались краткой характеристикой лишь некоторых его аспектов, непосредственно относившихся к основной изучаемой в диссертации проблеме[1].

Наконец, в некоторых историко-правовых диссертационных исследованиях (В. В. Калиниченко, В. В. Медведев, Л. А. Тарасова и др.), не затрагивавших экспертную и криминалистическую тематику, тем не менее рассматривались важные проблемы развития российского государства и суда,

---

Криминалистика. Учебник / Отв. ред. И. Ф. Крылов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976; Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005; Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012; Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Волынского. М.: Изд-во «Спарк», 1998 и др.

[1] См., напр.: Бикмаева Н. Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России (XIX – конец XX века): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2006; Исаева Л. М. Криминалистическое учение о специальных знаниях сведущих лиц: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2009; Кокорев Р. А. Использование медицинских знаний в расследовании преступлений против личности: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2017; Колиев В. В. Экспертно-криминалистическая деятельность в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Ростов н/Дону, 2011; Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.12; 12.00.09. М., 2013; Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2016; Новиков А. А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Калининград, 2007; Павлова Е. В. Исследование и оценка прокурором заключений и показаний экспертов при судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2022; Петрухина А. Н. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2012; Спиридонов М. С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Ульяновск, 2021; Харченко Д. А. Судебная экспертиза в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2006.

позволявшие более полно представить контекст формирования и функционирования судопроизводственного процесса в России эпохи империи[1].

Таким образом, можно констатировать, что при исследовании современных проблем экспертной деятельности прослеживается очевидная тенденция в лучшем случае ограничиваться простыми упоминаниями её существования и в дореволюционной России. На наш взгляд, это может быть объяснимо тем, что в настоящее время экспертиза как вид профессиональной юридической деятельности и юридического знания (экспертология или экспертика[2]) находится на принципиально ином уровне, нежели это было в начале XX в. и даже в советский период. Очевидная качественная дистанция между экспертизой прошлого и настоящего неизбежно придаёт оттенок формальности обращению к опыту дореволюционной экспертизы.

Обобщая результаты историографического анализа степени исследованности темы настоящей диссертации, можно констатировать, что изучение проблемы формирования и развития института судебной экспертизы в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. остаётся некоторым пробелом в российской историко-правовой науке. Во-первых, она ещё не являлась предметом специального целостного историко-правового исследования. Во-вторых, историографическая изученность этого важного аспекта истории развития отечественного уголовного и гражданского судопроизводства и юридического знания носит фрагментированный, не

---

[1] Калиниченко В. В. Сенат в системе судебной власти Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2011; Медведев В. В. Формирование и эволюция полицейского государства в России (XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2009; Тарасова Л. А. Министерство юстиции в системе государственных органов и учреждений Российской империи (1802-1881 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2003 и др.

[2] См., напр.: Нестеров А. В. Экспертика: общая теория экспертизы. М.: Тип. НИУ ВШЭ, 2014; Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 10-18.

системный характер, за исключением, пожалуй, истории криминалистической экспертизы.

Исходя из полученных результатов историографического анализа, были определены основные параметры настоящего диссертационного исследования.

Объект исследования – судебная система Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Предмет исследования: процесс формирования и развития судебной экспертизы как института процессуального права в России второй половины XIX – начала XX вв.

Цель исследования – выявление закономерностей и особенностей становления и развития судебной экспертизы в Российской империи как института процессуального права и специального вида юридического знания.

Задачи:

– определить правовые предпосылки дифференциации судебной экспертизы («сведущих людей») в качестве самостоятельного института российского процессуального права эпохи империи;

– установить основные направления и организационно-правовые формы систематизации судебной экспертизы в процессуальном праве России в ходе разработки и реализации судебной реформы 20 ноября 1864 г.;

– установить основные тенденции и особенности эволюции института судебной экспертизы в ходе развития уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства 1860-1910-х гг.;

– проанализировать кассационную деятельность Сената как средства коррекции правоприменения экспертного законодательства;

– выявить общие черты и особенности развития отечественной теории судебной экспертизы;

– проанализировать практическую деятельность экспертных учреждений России в 1860-1910-е гг.

Теоретическую базу исследования составили работы современных российских правоведов, в которых рассматривались общие и частные проблемы теории и истории права и судопроизводства (И. А. Исаев, М. Н. Марченко, В. М. Сырых и др.), судебной экспертизы (Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, А. М. Зинин, А. В. Нестеров, Е. Р. Россинская и др.).

Методология исследования основана на сочетании общенаучных методов диалектики, системности и историзма с конкретно-правовыми методами, используемыми в юридических исследованиях историко-правовой направленности: историко-правовым, сравнительно-правовым, формально-юридическим, структурно-функциональным. Историко-правовой метод применялся для установления предпосылок и закономерностей дифференциации деятельности сведущих людей как составного элемента российского судопроизводства. Сравнительно-правовой метод обеспечил анализ содержания и особенностей процессов систематизации и эволюции экспертного законодательства, а также развития теории экспертной деятельности в работах российских правоведов. Формально-юридический (юридико-догматический) метод явился основным средством анализа законодательных источников. Структурно-функциональный метод был использован для выявления внутренней структуры и функциональной предназначенности экспертных правовых норм в системах уголовного и гражданского процессуального права.

Хронологические рамки исследования были определены в соответствии с общепринятой в современной историко-правовой науке периодизацией эволюции российской правовой системы, рассматривающей 1861-1917 годы в качестве отдельного целостного периода, основным содержанием которого являлось кардинальное, хотя и полностью не завершённое, преобразование правовой, включая судебную, системы Российской империи на основах буржуазного права. Именно в пределах этого периода судебная экспертиза обрела и реализовала свой правовой статус как институт процессуального права. Основания, содержание и формы данного

института были определены в процессе разработки в 1861-1864 гг. общей реформы судебной системы Российской империи, а его ликвидация произошла в результате крушения в 1917 г. вместе с империей и всей её правовой системы. Но так как предпосылки институционализации судебной экспертизы в российском праве формировались в ходе постепенной дифференциации этого вида юридической деятельности, главным образом на протяжении предыдущих полутора веков, а без их изучения нельзя адекватно оценить результаты таковой институционализации, то потребовалось ограниченное пределами одного параграфа расширение хронологических рамок на предшествующий этап российской правовой истории (XVIII – первая половины XIX вв.)

Информационная база исследования представлена комплексом законодательных источников, содержавших нормативные материалы материального и процессуального уголовного и гражданского права Российской империи, судебной экспертизы (Полное собрание законов Российской империи, собрания первое, второе и третье; Свод законов Российской империи 1832, 1842 и 1857 гг. – тт. X, ч. I и II; XIII; XV; издания 1900 и 1912 гг. – тт. XIII, XVI, ч. I и II; отдельные издания Уставов гражданского и уголовного судопроизводства 1864 г. и последующего времени). Источниками изучения формирования и развития теории судебной экспертизы являются публикации российских юристов второй половины XIX – начала XX вв. – специалистов в криминалистике, уголовном и гражданском судопроизводстве, уголовном следствии (С. И. Викторский, Л. Е. Владимиров, С. К. Гогель, М. В. Духовской, П. В. Макалинский, С. В. Познышев, Н. Н. Полянский, Н. Н. Розин, В. К. Случевский, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев, Д. Г. Тальберг, Г. С. Фельдштейн, И. Я. Фойницкий, В. Я. Фукс, А. П. Чебышёв-Дмитриев, И. Г. Щегловитов и др.).

Эмпирическая основа исследования представлена материалами судебно-экспертной статистики и правоприменительной практики судебной экспертизы.

Научная новизна исследования в целом определяется тем, что в диссертации осуществлено комплексное целостное научное исследование формирования и развития института судебной экспертизы в Российской империи.

Конкретными показателями научной новизны являются:

– установление правовых предпосылок формирования в середине XIX в. в России самостоятельного института процессуального права – института судебной экспертизы;

– определение правовых оснований института судебной экспертизы, созданных в ходе судебной реформы 1864 г.: признание судебной экспертизы неотъемлемым компонентом судопроизводственного процесса на обоих уровнях судебной системы (мировой суд и общие судебные установления); признание доказательственной силы мнений и заключений сведущих людей; условный характер использования сведущих людей в судопроизводстве (исключая преступления, повлекшие смертельные последствия), определяемый решением судебных инстанций о необходимости такого использования; сохранение в компетенции суда решений, как о привлечении к судопроизводству сведущих людей, так и о сравнительной значимости их мнений и заключений для принятия судебных решений;

– выявление основных тенденций эволюции экспертного процессуального (уголовного и гражданского) законодательства на протяжении 1860-1910-х гг.;

– установление роли кассационной деятельности Сената в коррекции правоприменения экспертного законодательства;

– определение сходства и различий в теоретических взглядах российских правоведов второй половины XIX – начала XX вв. на природу, содержание и функции экспертизы как элемента судопроизводственного процесса;

– выявление способов совершенствования организационно-правовой и практической деятельности судебной экспертизы.

Положения, выносимые на защиту:

1. К середине XIX вв. в России сложилась преимущественно автохтонная традиция использования в гражданском и уголовном судопроизводстве специальных знаний, которыми обладали сведущие люди, для разрешения имущественных и договорных споров и расследования преступлений против личности.

2. Правовые предпосылки для перехода к созданию в российском процессуальном праве института судебной экспертизы сформировались в рамках общей систематизации российского законодательства в первой трети XIX в. и нашли последовательное выражение в экспертных статьях Свода законов гражданских, Свода законов уголовных и Устава судебной медицины 1857 г.

3. Правовые основания института судебной экспертизы были разработаны в процессе подготовки и реализованы в ходе судебной реформы 1864 г., получив своё выражение в экспертных статьях Устава Гражданского судопроизводства и Устава Уголовного судопроизводства. Они включали: признание судебной экспертизы неотъемлемым компонентом судопроизводственного процесса на обоих уровнях судебной системы (мировой суд и общие судебные установления); признание доказательственной силы мнений и заключений сведущих людей; условный характер использования сведущих людей в судопроизводстве (исключая преступления, повлекшие смертельные последствия), определяемый решением судебных инстанций о необходимости такого использования; сохранение в компетенции суда решений, как о привлечении к судопроизводству сведущих людей, так и о сравнительной значимости их мнений и заключений для принятия судебных решений.

4. Эволюция экспертного законодательства и экспертной практики на протяжении пореформенного периода и первых десятилетий XX в. происходила под опосредованным воздействием социально-экономической трансформации российского общества в буржуазном направлении и приняла

формы внесения точечных изменений в действующие Уставы Уголовного и Гражданского судопроизводства и коррекции правоприменения экспертных статей Уставов посредством кассационной деятельности Сената.

5. В ходе разработки теории экспертной деятельности, предпринятой рядом российских правоведов-процессуалистов на протяжении 1860-х – 1900-х гг. и сопровождавшейся яркой дискуссией между специалистами в уголовном и гражданском судопроизводстве, вызванной позицией Л. Е. Владимирова, утверждавшего, что положение эксперта на суде сравнимо с положением судьи («научный судья»), был достигнут относительный консенсус на основе двух основополагающих точек зрения: на экспертизу как самостоятельный вид доказательств, используемый судом при вынесении своих решений; на роль и функции эксперта как представителя научного знания, расширяющего область компетенции суда и содействующего определению истины в судебном решении.

6. На протяжении более чем пятидесятилетнего действия Уставов Уголовного и Гражданского судопроизводства, разработки, реализации и совершенствования организационно-правовых форм правоприменения экспертного законодательства произошла консолидация института судебной экспертизы в качестве неотъемлемого элемента судопроизводственных процессов, содействовавшего в пределах его законодательных оснований и правоприменения функционированию судебной системы России в общем направлении, заданном всем комплексом реформ 1860-1870-х гг.

Теоретическая и практическая значимость исследования: реализация исследования по данной теме в теоретическом плане позволит уточнить и дополнить существующие в современной историко-правовой науке концептуальные представления о закономерностях и особенностях исторической эволюции процессуального права в Российской империи; в практическом плане исследование способно предоставить необходимый эмпирический материал для разработки исторического раздела общего курса

процессуального права, специальных учебных курсов по истории российской судебной экспертизы и российского процессуального права.

Апробация результатов диссертационного исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 5 научных статей в периодических изданиях, в том числе 4 публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки Российской Федерации[1].

Основные положения и результаты исследования автор представил на всероссийской конференции: Цыганкова Е. В. Предпосылки формирования института судебной экспертизы: «сведущие люди» в Своде законов Российской Империи 1832 года // Всероссийская научно-практическая конференция «Право в современном мире: формирование правовой экосистемы в постпандемийном мире». Екатеринбург, 2021. С. 365-370 (0,3 п.л.).

Структура работы определяется её целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, шести параграфов, заключения, списка использованной литературы.

[1] Цыганкова Е. В. Институт судебной экспертизы в российском гражданском законодательстве 1830-1850-х гг.// Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 196-198; Цыганкова Е. В. Систематизация экспертного законодательства в Уставе Гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 года // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 17-23; Цыганкова Е. В. Судебная экспертиза в уголовном законодательстве Российской империи (1830-1850-е годы) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 20-23; Цыганкова Е. В. Систематизация экспертного законодательства в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 3. С. 89-101.

Глава 1. Формирование института судебной экспертизы в ходе развития процессуального права Российской империи

1.1. Правовые предпосылки дифференциации судебной экспертизы в качестве самостоятельного института: «сведущие люди» в российском законодательстве XVIII – первой половины XIX вв.

В российской юридической литературе сложилось общее мнение, что начальные формы использования в суде «особых» («лекарских») знаний относятся к временам Древней Руси. Например, авторы, изучавшие историю уголовного права и судебной медицины, приходили к выводу, что в уголовных делах, связанных со смертоубийствами и телесными повреждениями, в древнерусском судопроизводстве использовались врачебные знания того времени и люди, владевшие такими знаниями («лекари»)[1]. Тем самым признаётся, что первой исторически оформившейся на Руси областью применения специальных знаний (экспертизы) следует считать медицину.

Эта практика сохранилась и приобрела более зрелые формы в Московском государстве. Так, в Москве примерно с 1620-х гг. действовал Аптекарский приказ. Врачи («лекари»), обычно иностранцы, служившие в этом приказе, помимо оказания врачебной помощи, также использовались для медицинского освидетельствования широкого профиля: от пригодности ратных людей к военной службе до причин смерти от отравлений[2].

Впервые законодательная фиксация использования в судебной системе специальных (не медицинских) знаний произошла в Соборном уложении 1649 г. В главе X. «О суде» были две статьи (ст. 272, 274), закреплявшие правовую норму, согласно которой при решении споров по обязательствам для

---

[1] Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. С. 81; Шершавкин С. В. История отечественной судебно-медицинской службы. М.: Изд-во «Медицина», 1968. С. 21.

[2] Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1891. С. 64, 66; Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. С. 192, 228; Соколовский М. К. Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904. С. 19; Шершавкин С. В. История отечественной судебно-медицинской службы. С. 24-29.

вынесения решения о качестве какого-либо имущества, оказавшегося предметом спора, следует прибегать к привлечению «сторонних людей», обладающих необходимыми знаниями[1]. Из текста этих статей вытекало, что мнение «сторонних людей» имело решающее значение для определения размера компенсации.

Значит, специальные знания в эпоху Московского государства использовались при решении не только уголовных, а и гражданских дел, то есть определённые предпосылки для дифференциации в судопроизводстве этого рода деятельности имелись и к началу XVIII в.

Однако полноценное их складывание и законодательное оформление применения специальных знаний произошли в эпоху Российской империи.

Внимание российской власти в ходе бурных преобразований, которыми ознаменовалось правление Петра I, обратилось в первую очередь к использованию в суде медицинских знаний.

Впервые законодательное определение медицинской (врачебной) экспертизы в качестве элемента уголовного судопроизводства произошло в созданном при активном участии Петра I Артикуле воинском (1715 г.).

Формально он предназначался для применения к военнослужащим в военных судах, но в силу включения в него политических и общеуголовных норм стал применяться и в общих судах по отношению к гражданским лицам. В соединении с «Кратким изложением процессов или судебных тяжеб» Артикул воинский продолжал действовать вплоть до издания Свода законов Российской империи 1832 г. По сути, эти документы выполняли функцию источника норм уголовного и уголовно-процессуального права[2].

В гл. XIX «О смертном убийстве» Артикула воинского в толковании, присоединенном к артикулу (статье) 154, устанавливавшему смертную казнь за предумышленное убийство, указывалось, что для точного определения

[1] Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Изд-во «Наука», 1987. С. 62.
[2] Ефремова Н. Н. Артикул воинский // Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. С. 60.

причин смерти необходимо привлечь специалистов во врачебном деле: «лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно розыскали, что какая причина к смерти его была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить»[1]. Также в нём определялись виды телесных повреждений, которые могли привести к смертельному исходу, и даны их описания. Всё это «показывает глубокое научное понимание сути судебно-медицинской экспертизы в ту пору»[2].

Нормы медицинской экспертизы также были установлены законодателем в другом документе специального применения – Морском уставе 1720 г. в гл. XV «О смертоубийстве» (Кн. V Устава) в ст. 108[3].

В законодательстве времени Петра I специальные медицинские знания привлекались и в принятии судебных решений по гражданским делам (вопросы расторжения брака, дееспособности в вопросах наследства, пригодности к определённому виду государственной службы и т. д.). Например, в Синодском указе 22 марта 1723 г. устанавливалось, что принятию окончательного решения, может ли на основании болезни одного из супругов быть расторгнут брак (формально это было в компетенции церковных властей), должно обязательно предшествовать медицинское освидетельствование больного супруга докторами[4].

Хотя в иных юридических документах XVIII в., регламентировавших вопросы процессуального права, прямых указаний на использование медицинской экспертизы обнаружить не удаётся, но имеются косвенные свидетельства такой практики. Так, к функциям созданных в 1737 г. в Санкт-Петербурге и Москве органов городского медицинского управления – «физикатов» было отнесено освидетельствование мёртвых тел на предмет

---

[1] Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ-1). Т. V. № 3006. С. 364-365.

[2] Шершавкин С. В. История отечественной судебно-медицинской службы. С. 34.

[3] ПСЗ-1. Т. VI. № 3485. С. 76-77.

[4] Там же. Т. VII. № 4190. С. 42.

определения причин смерти и представление соответствующих заключений. Всей такой деятельностью руководил высший орган – Медицинская канцелярия, заменившая в 1721 г. Аптекарский приказ[1].

В правления Анны Иоанновны и Екатерина II Медицинская канцелярия и сменившая её Медицинская коллегия находились в непосредственном ведении императорской власти[2]. Как отмечают современные исследователи, к концу XVIII в. практика использования медицинских знаний в уголовных и гражданских делах приобрела значительные размеры, охватывая: насильственные смерти; исследование вещественных доказательств, связанных с незаконным врачеванием; освидетельствование живых лиц на предмет телесных повреждений, психического состояния, годности к определённым видам деятельности и службы. Врачебные заключения в делах по насильственным смертям и телесным повреждениям имели обязательный характер, без них судебные приговоры не выносились[3].

Первый шаг в направлении законодательной систематизации судебно-экспертной функции медицины был сделан в 1797 г., когда Павел I утвердил доклад Медицинской коллегии об учреждении в губернских городах (за исключением двух столиц) подчинённых ей Врачебных управ, которые были бы «блюстителем здравия всей губернии по воинской и гражданской части». В сферу их деятельности было включено освидетельствование мёртвых тел на предмет выявления причин смерти для последующего – в случае обнаружения насильственной причины – представления этих данных судебным властям. Впервые в этом документе был регламентирован порядок медицинского освидетельствования[4].

Следующие значительные шаги в этом направлении произошли в годы правления Александра I, когда был осуществлён ряд последовательных

---

[1] ПСЗ-1. Т. VI. № 3811. С. 412-413.
[2] Там же. Т. VIII. № 5958. С. 630; Т. XVI. № 11964. С. 413.
[3] Шершавкин С. В. История отечественной судебно-медицинской службы. С. 55-73.
[4] ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17743. С. 289-291.

законодательных мер по централизации государственного управления медициной, включая её использование, как писал министр внутренних дел В. П. Кочубей, «в затруднительных случаях при следствиях по делам гражданским и уголовным встречающихся»[1].

В 1803 г. вместо Медицинской коллегии была создана Экспедиция государственной медицинской управы, в число дел которой входили «суждения в следственных, уголовных и гражданских делах, требующих знания медицинской науки»[2]. После образования в 1811 г. Министерства полиции в нём был создан Медицинский департамент, заменивший Экспедицию. К его функциям было отнесено «рассмотрение следствий о скоропостижно умерших и ревизия свидетельств в сомнительных случаях по делам гражданским и уголовным, когда потребуется заключение медицинского ведомства»[3]. В 1819 г. министерство полиции было присоединено к министерству внутренних дел, а затем в 1822 г. в ведение последнего перешло управление всей медициной[4]. С этого времени и до 1917 г. управление медицинской частью, а, значит, и судебной медициной, окончательно полностью сосредоточилось в Министерстве внутренних дел Российской империи.

Проведение бюрократической централизации облегчило назревшую разработку директивных документов в области судебной медицины.

Важнейшим шагом в этом направлении явилось утверждение именным указом Николая I от 19 декабря 1828 г. «Наставления врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел»[5].

В этом документе, подготовленном по указанию императора Медицинским советом Министерства внутренних дел, была впервые на столь высоком законодательном уровне подробно регламентирована деятельность

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. № 21105. С. 1107.
[2] Там же. С. 1102-1103, 1113.
[3] Там же. Т. XXXI. № 24687. С. 722.
[4] Там же. Т. XXXVIII. № 29057. С. 218.
[5] ПСЗ-2. Т. III. № 2531. С. 1167-1205.

врачей при проведении экспертизы, позволяющей установить причины смерти. «Осмотр мертвых дел и заключение по оному о причине смерти, – указывалось в § 1 Наставления, – есть одна из важнейших обязанностей судебного врача. На его мнении нередко основывается приговор, решающий честь, свободу и жизнь подсудимого»[1]. Такая формулировка означала, что медицинскому заключению о причинах смерти придавалось значение одного из главных доказательств, лежавших в основании судебного решения.

Текст Наставления содержал 177 параграфов, в которых самым подробным образом, «пошагово» определялись действия, как самого врача, так и должностных лиц администрации и полиции, организационно обеспечивавших проведение медицинской процедуры и порядок её документирования. Тщательно регламентировался порядок осуществления осмотра мёртвых дел в зависимости от конкретных условий, в которых тело обнаружено и исследуется врачом, подробно оговаривались все используемые медицинские приёмы, техника обследования различных частей тела и внутренних органов, подлежащие обнаружению характерные признаки, позволяющие делать заключения относительно причин наступившей смерти и т. д. Отдельные главы Наставления были посвящены правилам обследования мёртвых дел при имеющихся подозрениях на отравление и характеристике специальных средств, употребляемых для открытия ядов, методов их использования, и в качестве приложения были добавлены судебные медицинские таблицы ядов. Свидетельства медицинских чиновников со времени издания Наставления, справедливо подчёркивал В. А. Линовский, признавались «совершенным доказательством»[2].

Наставление, в разработке которого участвовали профессора Медико-хирургической академии, свидетельствовало о высоком уровне судебной медицины, достигнутом к этому времени в России, и выходило за рамки чисто

[1] ПСЗ-2. Т. III. № 2531. С. 1167.

[2] Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. С. 195.

законодательного регламента, приобретая функции и учебного пособия для подготовки врачей. Поэтому оно было разослано отдельным изданием в 1829 г. городовым и уездным врачам, а также во врачебные управы, впредь использовалось также в занятиях по судебной медицине на медицинских факультетах университетов[1].

Но в гражданском судопроизводстве единственный заметный законодательный шаг вперёд был сделан только в 1812 г. изданием Манифеста Александра I «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» – документа, по сути, определявшего порядок регулировании авторских прав на изобретения и открытия[2]. В § 18 устанавливалось, что судебное разбирательство по оспариванию привилегий производится в Совете Министерства внутренних дел «с приглашением к оному опытных людей по выбору спорющихся сторон в равном для каждой числе»[3]. Очевидно, «опытные люди» должны были исполнять в гражданском судопроизводстве те же функции, что медики в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, в результате всех рассмотренных законодательных решений была создана основа для первичной систематизации экспертной деятельности как элемента уголовного и гражданского судопроизводства.

Систематизация экспертного законодательства в Своде законов Российской империи

Законодательство, регламентирующее использование знаний сведущих людей в судопроизводстве, в первом издании Свода законов Российской империи 1832 года было сосредоточено в Кн. VI. «О судопроизводстве» и Кн. VII. «О мерах гражданских взысканий» в составе Свода законов гражданских (т. X. ч. I); Кн. II. «О судопроизводстве по преступлениям» в составе Свода законов уголовных (т. XV) и Уставе судебной медицины (т. XIII).

Но здесь необходимо одно дополнительное пояснение.

---

[1] Шершавкин С. В. История отечественной судебно-медицинской службы. С. 79.
[2] ПСЗ-1. Т. XXXII. № 25143. С. 355-356.
[3] Там же. С. 356.

Кроме указанных, 15 статей, также регламентировавших участие сведущих людей в судопроизводстве, содержались ещё в одном документе, включённом в состав Свода законов 1832 г. (т. XI. ч. I), – Уставе торгового судопроизводства, утверждённом императором 14 мая 1832 г.[1]

Однако в силу нескольких основных причин, изложенных ниже, нам представилось научно-оправданным это экспертное законодательство исключить из рассмотрения в рамках настоящего диссертационного исследования.

Во-первых, коммерческие суды, а указанное экспертное законодательство применялось только в них, являлись отдельным самостоятельным элементом судебной системы России, имевшим свою собственную историю возникновения и развития. Поэтому и Устав судопроизводства торгового 1832 г. отражал конкретную специфику организации и функционирования именно этих судов. Так, по оценке Г. Ф. Шершеневича, он представлял собой «особую систему судопроизводства, стоявшую рядом с системой общего судопроизводства»[2]. Во-вторых, количество коммерческих судов в России в отличие от судов, рассматривавших уголовные и гражданские дела, было крайне невелико: в 1832 г. они действовали в Одессе, Таганроге, Керчи, Измаиле, Архангельске и С.-Петербурге, к 1864 г. к ним добавились суды в Москве, Новочеркасске и Тифлисе, а из Измаила суд был переведён в Кишинев. Таким образом, к времени судебных реформ во всей империи действовали только 9 коммерческих судов, что вызвало к жизни проект их ликвидации и передачи торговых дел в ведение общих судебных установлений. Проект не был реализован, но в дальнейшем происходило последовательное сокращение количества коммерческих судов. В итоге с 1899 г. они действовали только в С.-Петербурге, Москве и Одессе. В 1876 г. был создан коммерческий суд в

[1] ПСЗ-2. Т. VII. № 5360. С. 293-294.
[2] Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. Изд. 4-е. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. С. 50.

Варшаве, но он разрешал дела не по Уставу торгового судопроизводства, а по Уставу гражданского судопроизводства[1]. Следовательно, область применения торгового судопроизводства (и экспертных статей в его составе) была весьма ограничена. В-третьих, в действовавшей до 1917 г. редакции Устава судопроизводства торгового (издания 1903 г.) без всяких изменений воспроизводились все 15 экспертных статей Устава 1832 г., была добавлена единственная новая статья чисто технического характера, то есть экспертиза в торговом судопроизводстве не претерпела никакой законодательной эволюции почти за 80 лет действия Устава.

Всё это позволяет исключить рассмотрение экспертной составляющей торгового процессуального права из проблематики настоящей диссертации.

Интенсивное развитие российского законодательства в 1830-1850-е гг. потребовало новых полных изданий этого важнейшего правового собрания в 1842 и 1857 гг., включивших изменения в российских законах, произошедшие за соответствующие периоды времени. Поэтому, чтобы проследить динамику развития экспертного законодательства за весь период, предшествовавший кардинальному преобразованию судебной системы России при Александре II, представляется логичным рассмотреть сначала его состояние в издании Свода 1832 г., а затем изменения, произошедшие в изданиях 1842 и 1857 гг.

Судебная экспертиза (сведущие люди) в Своде законов гражданских изданий 1832, 1842 и 1857 гг.

Свод законов гражданских 1832 г. состоял из 7 книг.

В Кн. VI две статьи с упоминанием сведущих людей находились в гл. V. «О доказательствах».

В ст. 1734, перечислявшей все «доказательства по делам тяжебным и исковым», которые используются в суде, под пунктом 4 были включены «показания сведущих людей»[2]. В ст. 1774 определялись условия участия

[1] Очерк истории С.-Петербургского коммерческого суда 1833-1908 и его современные деятели. Юбилейное издание. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. С. 2.

[2] Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В.

сведущих людей: «Если точное узнание встречающегося в деле обстоятельства предполагает особенные сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле, то надлежит истребовать о том показание и мнение сведущих людей»[1]. Значит, законодатель, во-первых, уравнял мнение сведущих людей с другими судебными доказательствами; во-вторых, оставил решение вопроса, нужны ли в данном случае «особенные сведения или опытность» на усмотрение суда.

В гл. V обнаруживаются ещё 4 статьи (ст. 1768-1771), которые формально нельзя отнести к экспертным по причине отсутствия в них термина «сведущие люди». Но в этих статьях регламентировалась процедура «сличения почерков», где обойтись без людей, обладающих специальными, если не знаниями, то навыками, вряд ли было возможно. В ст. 1768 устанавливалось, что, «если действительность письменного доказательства опровергается лживою подписью, то суд сличает спорные акты с другими, тем же лицом писанными или подписанными», а в ст. 1769-1771 детализировалось проведение такого сличения, однако не конкретизировались лица, проводящие данную процедуру. В этом можно усмотреть некоторый законодательный пробел.

Одна статья с упоминанием сведущих людей находилась в гл. XVI. «О судопроизводстве по спорам о привилегиях» (Кн. VI): в ст. 2346 была воспроизведена формулировка § 18 из Манифеста Александра I 1812 г.[2]

Но, как и в предыдущем случае, здесь тоже обнаруживается статья, где формально сведущих людей нет, но де-факто их привлечение подразумевается. В ст. 2339 устанавливалось, что в делах о праве собственности «сочинителей, переводчиков и издателей», «в случаях сомнительных требуются заключения университетов»[3]. Очевидно, что

Канцелярии, 1832 (далее – СЗ-1832). Т. X. Свод законов гражданских и межевых. Ч. I. Законы гражданские. С. 404.

[1] Там же. С. 412.

[2] Там же. С. 559.

[3] Там же. С. 558.

руководство университета, к которому обратился бы судебный орган, для подготовки заключения использовало таких сотрудников, которые являлись де-факто сведущими людьми именно в данных делах.

Таким образом, правильнее будет определить общую численность статей в Кн. VI, фактически определявших действия сведущих людей, в 8.

В Кн. VII 14 статей, содержавших указания на использование специальных знаний, вошли в состав гл. III. «Об оценке». В ней устанавливались правила и процедура оценки различных видов имуществ, судебным решением определённых как меры взыскания по гражданским искам. Содержание главы повторяло параграфы из «Высочайше утвержденного Положения о порядке описи, оценки и публичной продажи имуществ» от 25 июня 1832 г.[1]

Определяющее значение имела ст. 2961, где устанавливалось, что «для оценки, смотря по предметам оной, ниже означенным, отряжаются люди, имеющие сведения о достоинствах имуществ, или по торговле, или по постоянному владению, или по занятиям службы, или по упражнениям в художествах и ремеслах»[2].

Последующие статьи (ст. 2963-2972, 2976-2978), детализировали, во-первых, категории людей, привлекаемых для оценки разных видов имуществ, во-вторых, некоторые правила оценки (не менее двух человек, присяга для некоторых участников оценки и т. д.)[3]. Ко всем указанным в статьях категориям участников (например, «ценовщики», архитекторы, мастера-кораблестроители, художники и т. д.) применимо употребление термина «сведущие люди», но только к их участию в конкретной оценке имущества. Следует отметить, что в число таких фактических сведущих людей включались и чиновники (инженерного и горного ведомств). Значит, на

[1] ПСЗ-2. Т. VII. № 5464. С. 436-458.
[2] СЗ-1832. Т. X. Ч. I. С. 684.
[3] Там же. С. 684-686.

данном этапе развития законодательства ведомственная экспертиза уравнивалась с негосударственной (частной) экспертизой.

В целом рассмотренные статьи в составе т. X. ч. I Свода законов 1832 г. позволяют заключить о наличии определённой системности правовых норм, определявших участие сведущих людей в гражданском судопроизводстве, и их преемственности предшествовавшему законодательству.

Дальнейшее развитие данной части процессуального законодательства, нашедшее воплощение в статьях Сводов изданий 1842 и 1857 гг. происходило под опосредованным воздействием роста рыночного гражданского оборота недвижимых и движимых имуществ. Соответственно увеличивалось количество гражданских исков и тяжб, для разрешения которых возрастала значимость привлечения специальных знаний и владеющих ими людей.

Поэтому в гражданско-процессуальной части этих изданий Сводов прослеживается, с одной стороны, преемственность в сохранении оправдавших себя на практике правовых норм, с другой стороны, совершенствование норм, по всей видимости, наиболее востребованных практикой меняющихся имущественных отношений.

Первая тенденция нашла своё выражение в идентичном воспроизведении в 1842 и 1857 гг. ранее рассмотренных статей книг VI и VII Свода законов гражданских. Но так как за эти годы увеличился общий объём Свода, а в издании 1857 г. т. X был разделён на два полутома, второй из которых составила Ч. II. «Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских», то изменилась нумерация статей. Например, ст. 1734 и 1774 (1832) стали соответственно ст. 2321 и 2361 (1842), ст. 314 и 357 (1857)[1]. Ст. 2339 (1832) – ст. 3095 (1842) и ст.1046 (1857)[2] и т.д.

[1] Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1842 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842 (далее – СЗ-1842). Т. X. Ч. I. С. 391, 396; Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857 (далее – СЗ-1857). Т. X. Ч. II. С. 67, 75.

[2] СЗ-1842. Т. X. Ч. I. С. 521; СЗ-1857. Т. X. Ч. II. С. 206.

Вторая тенденция проявилась в совершенствовании законодательства о привилегиях на основе «Положения о привилегиях» (1833), существенно расширившего и уточнившего законодательство 1812 г.[1]

Наиболее интересным в этом отношении явилось причисление к сферам «открытий, изобретений и усовершенствований» наряду с искусствами и ремеслами, также и мануфактур, иначе говоря, промышленного производства. В результате выдача привилегий была перенесена в ведение Департамента мануфактур и внутренней торговли, входившего с 1819 г. в состав Министерства финансов. Согласно Положению, «исследование споров по предметам привилегий и вообще разбирательство, до сего относящееся» осуществлялись в зависимости от места нарушения привилегии в Мануфактурном совете при Департаменте в Санкт-Петербурге, в его отделении в Москве, а в губерниях – в коммерческих и уездных судах. Согласно § 36 Положения, расследующий нарушения орган «для учинения следствия на месте» выделяет «опытнейших» своих членов «или приглашает столько же посторонних сведущих людей»[2].

Формулировка, содержавшаяся в этом параграфе, была без изменений перенесена в Свод законов гражданских издания 1842 г., составив ст. 3103 гл. XVII Кн. VI. «О судопроизводстве», и полностью повторена в ст. 1054 ч. II в издании 1857 г.[3]

Произошедшие изменения, на наш взгляд, заслуживают отдельного анализа, так как они несколько ограничили роль сведущих людей в экспертной оценке нарушений привилегий.

По смыслу ст. 2346 в Своде 1832 г. участие «опытных людей» носило, во-первых, фактически обязательный характер, поскольку устанавливалось, что судебное разбирательство производится «с приглашением» таких людей,

[1] ПСЗ-2. Т. VIII. Отд. I. № 6588. С. 691-696.
[2] Там же. С. 695-696.
[3] СЗ-1842. Т. X. Ч. I. С. 522; СЗ-1857. Т. X. Ч. II. С. 207.

а иной порядок (без их участия) в статье не оговаривался; во-вторых, выбор опытных людей оставался за участниками гражданского спора.

В статьях Сводов 1842 и 1857 гг. оба этих условия участия сведущих людей уже отсутствовали. Из содержания статей следовало, что судебное разбирательство может происходить как с участием сведущих людей, так и силами только «опытнейших» членов Мануфактурного совета и его отделения. Правда, на уровне коммерческих и уездных судов обязательность участия «трех сведущих людей» сохранялась.

Если по законодательству 1832 г. все разбирательства происходили в Петербурге (в Министерстве внутренних дел), то теперь они переносились в провинцию, а в двух столицах, где, видимо, случались наиболее существенные споры о привилегиях, власть могла по своему желанию ограничиться кадровым потенциалом членов Мануфактурного совета, то есть по преимуществу чиновников министерства.

Можно предположить, что таким образом законодатель реагировал на увеличение количества подобного рода гражданских споров и их относительную значимость. Вряд ли это способствовало повышению степени объективности расследования спорного вопроса.

В статьях, предусматривавших участие сведущих людей в оценке имуществ, изменения произошли только в Своде 1857 г. на основе нового «Положения о порядке описи, оценки и публичной продажи имуществ», утверждённого Николаем I в июле 1849 г.[1]

Основные нормы, определявшие участие сведущих людей в оценке имуществ, остались без изменений, составив содержание ст. 1950 (идентичной содержанию ст. 2961 и 3892 в предшествующих изданиях Свода)[2].

Но в других статьях впервые в Своде был употреблён термин «эксперт» и введена не только профессиональная, но и социальная градация участников оценки имуществ.

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXIV. Отд. I. № 23405. С. 552-602.
[2] СЗ-1857. Т. X. Ч. II. С. 352.

Так, в ст. 1952 появилась формулировка: «Оценка движимых имуществ для продажи оных с публичного торга производится в городах чрез особо отряжаемых для сего каждый раз людей (экспертов), имеющих сведения о достоинстве продаваемых имуществ или по торговле, или по упражнению в художествах и ремеслах, или же по занятиям службы»[1]. В ст. 1958 указывалось, что эксперты для оценки привлекаются из «ученых, художников и вообще лиц, состоящих в государственной службе», но они также могут привлекаться из «купеческого, мещанского и других городских сословий», при этом рекомендовалось, чтобы «исполнение сей обязанности разделялось между лицами городских сословий сколь возможно уравнительно»[2].

Таким образом, с одной стороны, был сделан первый шаг в направлении официального узаконения в законодательстве термина «эксперт», с другой стороны, расширялся круг лиц, потенциально способных выполнять эти функции, что, можно предположить, являлось косвенной реакцией на социальные сдвиги в обществе.

Наконец, изменения коснулись одной из статей, определявших процедуру «почерковедческой экспертизы». Нельзя не отметить, что в этом виде деятельности сведущих людей российское гражданское процессуальное законодательство заметно отставало от европейского, в частности, от считавшегося образцовым французского законодательства. Например, в Гражданско-процессуальном кодексе Франции 1806 г. имелась тщательно регламентированная процедура проверки (верификации) подписей на актах (отдельная X глава Первой книги Кодекса, состоявшая из двадцати одной статьи). В ст. 196 прямо указывалось, что «судья, который разрешил провести верификацию, предписывает, что она будет произведена тремя экспертами», а из содержания других статей следовало, что экспертами являются не судебные работники, а специально приглашаемые специалисты, обладающие знаниями

[1] СЗ-1857. Т. X. Ч. II. С. 352.
[2] Там же. С. 354.

и опытом в определении идентичности подписей, их решение принимается по большинству голосов[1].

Допустимо предположить, что не без влияния французского кодекса к ст. 2355 Свода 1842 г., идентичной ст. 1768 в Своде 1832 г., добавилось примечание: «Предварительное сличение подписи с другими актами, тем же лицом писанными и подписанными, поручается секретарям и приказно-служителям. Для несомнительности акта должно быть приемлемо в соображение большинство голосов свидетельствующих лиц»[2].

Самые существенные изменения в «почерковедческой экспертизе» произошли в Своде издания 1857 г. 17 июня этого года императором Александром II было утверждено мнение Государственного совета «О порядке сличения почерков письма на актах, подлежащих сомнению». Согласно этому документу, заменялись ст. 2355-2358 в Своде законов гражданских 1842 г. и одновременно ст. 1076, 1190 в Законах уголовных 1842 г.[3] Положения, содержавшиеся в этом документе, были полностью повторены в виде ст. 348-355 в ч. II Свода законов гражданских 1857 г.[4]

Во-первых, увеличилось общее количество статей: если в предыдущих Сводах их было пять, то в Своде 1857 г. – восемь; во-вторых, что гораздо более значимо, кардинально изменилось содержание правовых норм.

Теперь почерковедческая экспертиза предусматривала: ст. 349 – выбор актов или других бумаг для сличения сомнительной подписи по согласию тяжущихся, а в случае отсутствия согласия – судом с предпочтением, отдаваемым официальным актам; ст. 350 – проведение сличения почерков назначенными судом, «сведущими в том языке, на коем писаны и подписаны сличаемые документы, достойными веры людьми, не отведенными ни которыми из тяжущихся, когда можно секретарями присутственных мест,

[1] Code de procedure civile. P.: L'imprimerie imperiale, 1806. P. 46-53.
[2] СЗ-1842. Т. X. Ч. I. С. 395.
[3] ПСЗ-2. Т. XXXII. Отд. I. № 32002. С. 554-556.
[4] СЗ-1857. Т. X. Ч. II. С. 73-74.

учителями чистописания или другими преподавателями из находящихся в том месте или по близости учебных заведений, и вообще лицами, которые по заключению надлежащих присутственных мест могут в сем случае быть признаны сведущими. Число сих сведущих должно быть не менее трех и не более девяти», процедура производилась непосредственно в суде или под контролем его представителя и оформлялась в виде заключения; ст. 351 – принесение перед участием в сличении сведущими людьми присяги; ст. 353 – перенос сличения в присутственное место другого города или губернии, если в данном месте, где проходит суд, сведущих людей не обнаружится; ст. 354 – «сходство почерка признается доказанным тогда лишь, когда оно признано единогласно или же большинством голосов экспертов, производивших рассмотрение и сличение, и утверждено единогласно судом», в случае возникновения сомнений в экспертном заключении, допускается проведение по решению суда повторной экспертизы в ином публичном или присутственном месте.

Из содержания данных статей можно сделать вывод, что теперь устанавливалась чётко регламентированная процедура почерковедческой экспертизы с участием сведущих людей (официально также называемых «экспертами»), приобретшая вид, весьма близкий используемому в европейских процессуальных кодексах.

Резюмируя анализ «экспертных статей» Сводов законов гражданских изданий 1832, 1842 и 1857 гг., можно заключить, что к началу правления Александра II в российском гражданско-процессуальном законодательстве была осуществлена систематизация положения и функциональной роли сведущих людей в рамках действующей судебной системы. Однако очевидно, что при переходе к новой судебной системе, где предполагалось придать гражданскому процессу состязательный характер, неизбежно потребовалось бы совершенствование действующих норм с точки зрения повышения значимости специальных знаний в доказательственной базе, используемой судом для принятия решений.

Судебная экспертиза (сведущие люди) в Своде законов уголовных и Уставе судебной медицины изданий 1832, 1842 и 1857 гг.

В уголовно-процессуальном законодательстве экспертные статьи оказались в составе двух разных томов Свода законов Российской империи – т. XV и т. XIII.

В первом случае они были систематизированы в составе Книги II. «О судопроизводстве по преступлениям» (издания 1832 и 1842 гг.) и Книги II. «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» (издание 1857 г.). Во втором случае Устав судебной медицины, регламентировавший судебно-медицинскую экспертизу, входил в состав Свода уставов благочиния в изданиях 1832 и 1842 гг. и Уставов о народном продовольствии, общественном призрении и врачебных в издании 1857 г.

Несмотря на формальное разделение, оба вида экспертизы понимались составителями Свода законов как взаимосвязанные, способные быть одновременно применяемыми в соответствующем судебном деле. Об этом свидетельствовали отсылки в статьях Свода законов уголовных к Уставу судебной медицины. Поскольку весь уголовный процесс регулировался именно Сводом законов уголовных, то следует считать Устав судебной медицины дополнением к этому Своду, конкретно к его экспертным статьям.

Такая взаимосвязь видна, например, в гл. II «Об исследовании происшествия и осмотре», входившей в состав Раздела II. «О предварительном следствии» (Кн. II. «О судопроизводстве по преступлениям»).

В ст. 826 устанавливалось, что «во всех случаях, когда причина смерти неизвестна и есть признаки, заставляющие подозревать, что она приключилась от насилия или отравы», надлежало провести медицинский осмотр «по правилам, предписанным в Кн. III Свода учреждений и Уставов врачебных»[1]. В ст. 828 указывалось (со ссылкой на указ Николая I от 9 апреля 1829 г.[2]), что

[1] СЗ-1832. Т. XV. С. 255. Книга III указанного Свода, входившего в состав Уставов благочиния (т. XIII), и содержала Устав судебной медицины.
[2] ПСЗ-2. Т. IV. № 2814. С. 244.

в затруднительных случаях, когда возникнут разногласия между чиновниками и врачами или вызовут сомнения медицинские заключения и потребуются особенные медицинские познания, необходимо получить заключение Губернской врачебной управы[1].

В гл. III. «О силе доказательств и улик» (Раздел IV. «О производстве дел уголовных в первой степени суда») в ст. 1042 устанавливалось, что «свидетельство медицинских чиновников приемлется совершенным доказательством, когда сие свидетельство, быв учинено на законном основании, содержит ясное и положительное удостоверение об освидетельствованном предмете и не противоречит достоверным обстоятельствам дела»[2].

Значит, законодатель рассматривал медицинское заключение (экспертизу) одним из доказательств в уголовном процессе, иначе говоря, считал судебную медицину средством, применяемым в этом процессе, а врачей – сведущими людьми.

Общие положения о привлечении сведущих людей к уголовному судопроизводству вошли непосредственно в Свод законов уголовных: глава III. «О собрании доказательств» в составе Раздела III. «О формальном следствии». До Свода 1832 г. в уголовно-процессуальном законодательстве участие сведущих людей не предусматривалось.

В Своде законов уголовных 1832 г. появились статьи, почти идентичные общим положениям об участии сведущих людей в гражданском судопроизводстве (ст. 1734 и 1774 Свода законов гражданских). Так, в ст. 929 «показания сведущих людей» указывались как 4-й пункт в перечислении приемлемых для суда доказательств, а ст. 943 отличалась по содержанию от ст. 1774 только добавлением в последнем предложении – «соображаясь с правилами, изложенными в главе об исследовании происшествия и осмотре»[3].

---

[1] СЗ-1832. Т. XV. С. 255.
[2] Там же. С. 309.
[3] Там же. С. 282, 285.

Обращает внимание отсутствие в обеих этих статьях ссылок на Полное собрание законов. Значит, данные правовые нормы впервые употреблялись в уголовном законодательстве, а их почти полное содержательное сходство со статьями в Своде законов гражданских позволяет заключить, что они были включены в Свод законов уголовных по аналогии с гражданским судопроизводством, чтобы обеспечить единообразие судебных процедур.

Прямых упоминаний сведущих людей в других статьях Кн. II не было. Но в ст. 935-937, где определялись правила проверки подписей в документах в случае возникавших сомнений в их достоверности, использованные формулировки (например, «стараться удостовериться чрез сличение почерка») подразумевали, как и в ранее рассмотренных статьях Свода законов гражданских, проведение почерковедческой экспертизы, но без указания её конкретных исполнителей[1]. Сходный характер имела и ст. 1040 (сличение почерка для определения доказательности проверяемого документа)[2].

В последующих изданиях Свода законов уголовных этот законодательный пробел был восполнен. Так, в 1842 г. среди статей, посвящённых проверке подписей (ст. 1074, 1075 и 1077 были полностью идентичны ст. 935, 936, 937), появилась новая ст. 1076: «Почерк руки, в случаях сомнения, предоставляется сличать секретарям присутственных мест»[3]. В издании Свода законов уголовных 1857 г. формулировка ст. 205, соответствовавшей ст. 1076, приобрела ещё бóльшую точность: «Сличение почерка руки, в случаях сомнения, предоставляется тем же лицам, которыми на основании Законов гражданских такое сличение производится в гражданских делах»[4].

Таким образом, в вопросе почерковедческой экспертизы законодатели пришли в 1857 г. к унификации судебных гражданских и уголовных процедур.

---

[1] ТСЗ-1832. Т. XV. С. 283-284.
[2] Там же. С. 309.
[3] СЗ-1842. Т. XV. С. 213.
[4] СЗ-1857. Т. XV. С. 39.

В то же время статьи, регламентировавшие общие положения об участии сведущих людей в судопроизводстве, в последующих редакциях Свода законов уголовных никаких изменений не претерпели. Статьям 826, 828, 929, 943, 1042 Свода 1832 г. полностью соответствовали: в издании 1842 г. – ст. 954, 956, 1068, 1083, 1192[1]; в издании 1857 г. – ст. 79, 81, 197, 212, 328[2] (уменьшение нумерации было связано с выделением законов о судопроизводстве во вторую часть с отдельной нумерацией статей и страниц).

В целом следует заключить, что общее число экспертных статей было в Своде законов уголовных меньше, чем в Своде законов гражданских, а происходившие содержательные изменения развивались в направлении сближения уголовного и гражданского законодательств.

Что касается судебно-медицинской экспертизы, то во всех трёх изданиях Свода законов Российской империи нормы судебно-медицинской экспертизы, входившие в состав Устава судебной медицины (т. XIII), имели практически идентичный характер, а сам Устав до конца существования Российской империи в 1917 г. оставался основополагающим законодательным актом, регулировавшим практическую сторону судебно-медицинской экспертизы.

Согласно ст. 35 в Кн. I. «Свод учреждений лечебных» (ч. II. т. XIII), «судебно-медицинские исследования в случаях уголовных» надлежало проводить на основании Устава судебной медицины и «вообще в тех случаях, где по делам может оказаться необходимость в суждении по правилам судебной медицины или же сомнение и неясность в самих лекарских свидетельствах, губернские начальства требуют предварительного заключения Врачебной Управы»[3]. Такая формулировка означала, что на местах именно эти управы отвечали за проведение данной экспертизы.

[1] СЗ-1842. Т. XV. С. 192, 193, 212, 214, 232-233.
[2] СЗ-1857. Т. XV. С. 16, 17, 38, 40, 59.
[3] Там же. С. 8-9.

Свод Устава судебной медицины 1832 г., составивший целиком содержание Кн. III (ч. II. т. XIII) открывался ст. 1024, гласившей: «Судебно-медицинские исследования требуются или по делам управления, или по делам гражданским, или наконец по делам уголовным. Здесь излагаются правила о производстве судебно-медицинского исследования в случаях уголовных»[1]. Таким образом, закон устанавливал, что Устав судебной медицины – это юридический документ, предназначенный для использования именно в уголовном судопроизводстве.

Содержание Устава составляло «Наставление о производстве судебно-медицинского исследования в случаях уголовных» из 10 глав и 177 статей (ст. 1025-1201), содержание которых полностью повторяло содержание соответствующих 177 параграфов Наставления 1828 г.[2] Это соответствие подтверждалось примечанием к ст. 1025, указывавшим, что «на сем Наставлении [1828 г.] основаны все последующие статьи»[3]. Постатейное сравнение текстов Наставления 1828 г. и Наставления 1832 г. свидетельствует о практически полной идентичности этих двух законодательных актов.

«Практически» потому, что в текстах всё же имелись незначительные разночтения, не влиявшие на содержание. Например, в § 3 Наставления 1828 г. перечисление пунктов шло под латинскими буквами – от a) до h), а в соответствующей ст. 1027 Наставления 1832 г. – под русскими буквами от а) до з). Аналогично и в других случаях, когда первоначально в тексте употреблялись латинские буквы, они заменялись на русские буквы. В ст. 1046 при указании на необходимость присяги, приносимой врачами, на государственной службе не состоящими, было добавлено (в сравнении с § 22), что эта присяга необходима в тех случаях, когда «истинная причина смерти еще не доказана и сомнительна»[4].

---

[1] СЗ-1832. Т. XIII. Ч. II. Кн. III. С. 258.
[2] Там же. С. 258-325.
[3] Там же. С. 258.
[4] Там же. С. 264.

Представляется важным, анализируя содержание Устава судебной медицины (под таким названием этот документ далее присутствовал в российском законодательстве и практике судопроизводства), отметить некоторые его особенности.

Первые две главы Устава носили общий характер, регламентируя процедуру назначения и проведения медицинской экспертизы мёртвых тел. Так, в ст. 1033 устанавливалось, что «врач, производящий судебное исследование, яко чиновник, долженствующий по сему предмету иметь особенные сведения, считается в сем случае первым лицом»; в ст. 1037 определялось, что акт осмотра тела или свидетельство «есть обстоятельный ответ на сделанный Присутственным местом вопрос, относительно всего того, что оказалось и открылось при осмотре мертвого тела и от чего смерть последовала»; в ст. 1039 определялось, что свидетельство (акт осмотра тела) должно состоять из введения, исторической части, мнения и заключения; в последующих статьях оговаривалось конкретное содержание каждого из этих разделов, причем особо подчеркивалось, что во мнении должно «различать то, что никакому сомнению не подлежит, от того, что только вероятно»; в ст. 1047 допускалась возможность переосвидетельствования тела «при возникшем подозрении о несправедливости сделанного осмотра»[1].

Практика применения этих статей Устава выявила, что врачи, призываемые для свидетельств тел по уголовным делам, зачастую в своих заключениях касались предметов, подлежащих ведению суда, то есть выходили за рамки медицинской экспертизы. Это вызвало сенатский указ 14 февраля 1844 г., где различным Присутственным местам и судам первой степени вменялось, «чтобы они, назначая свидетельство мертвых тел, по возможности каждый раз означали в требованиях своих цель, для которой предпринимается оно, и предлагали при том врачам ясные и определительные вопросы, на которые им отвечать должно»[2].

---

[1] СЗ-1832. Т. XIII. Ч. II. Кн. III. С. 260, 261, 263-264, 264.
[2] ПСЗ-2. Т. XIX. Отд. I. № 17611. С. 88-89.

Основное содержание Устава носило специальный медицинский характер, регламентируя, в сущности, порядок патологоанатомического исследования.

Гл. III-VII были целиком посвящены изложению правил исследования частей тела и внутренних органов на предмет определения причин смерти, включая главу о правилах вскрытия младенцев, найденных мёртвыми (ст. 1070-1127)[1]. Две главы аналогичного содержания рассматривали медицинские действия (и используемые при них средства), производимые в случаях подозрения на отравление: глава VIII. «Правила, как поступать при исследовании мертвых тел, когда имеется подозрение об отравлении» и глава IX. «О противудействующих средствах (reagentia), употребляемых для открытия ядов»[2]. Можно предположить, что значительный объём этих двух глав свидетельствовал об определённой распространенности данного вида насильственных смертей в тогдашней России.

В заключительной гл. X «Об исследовании повреждений вообще» центральное место было отведено определению роли медицинской экспертизы в случаях, когда телесные повреждения могли стать причиной смерти. От врачей требовалось в таких случаях предоставление суду точного знания, было ли нанесённое повреждение смертельным, именно оно явилось причиной смерти, или оно только могло, но не у всех, а у некоторых людей и при определённом их состоянии повлечь смертельный исход (деление на «неизбежно смертельные и случайно смертельные» повреждения). Врачебное судебное заключение рассматривалось как средство «привести судью в возможность судить о намерении преступника, то есть, было ли убийство умышленным или неумышленным (ст. 1194-1195); заключение врача «о причинах особой смертельности повреждений» должно было быть таким, «дабы чрез объяснение сие привести судью в состояние судить о намерение

[1] СЗ-1832. Т. XIII. Ч. II. Кн. III. С. 272-295.
[2] Там же. С. 295-320.

виновника смерти и определять ему наказание, соразмерное преступлению» (ст. 1200)[1].

Таким образом, можно заключить, что Устав судебной медицины, подробно регламентировав все этапы и медицинскую технику проведения экспертизы мёртвых тел, фактически зафиксировал роль судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве как важнейшего источника доказательств, используемых в суде при принятии решений. В этом отношении на врача, выполнявшего функции судебного эксперта, налагалась особая ответственность, поскольку на его мнении «не редко основывается приговор, решающий честь, свободу и жизнь подсудимого» (ст. 1025)[2].

Устав судебной медицины 1832 г., что, безусловно, свидетельствовало о его высоком качественном уровне, продолжал воспроизводиться в последующих изданиях Свода законов Российской империи с внесением лишь незначительных изменений. Кроме выше упоминавшихся, эти изменения имели и чисто технический характер в силу новой нумерации статей в связи с увеличением объёма других входивших в состав XIII-го тома уставов, а также сокращением общего числа глав с десяти до девяти. Последнее было связано с исключением в 1842 г. из текста Устава прежней главы IX. «О противудействующих средствах (reagentia), употребляемых для открытия ядов» и соответственно переименованием в изданиях 1842 и 1857 гг. главы X. «Об исследовании повреждений вообще» в главу IX.

В результате общее число статей в Уставе судебной медицины составило не 177 статей, как в 1832 г., а 132 статьи: соответственно ст. 1303-1434 в издании 1842 г.[3] и ст. 1735-1866 в издании 1857 г.[4] Но содержание всех статей полностью совпадало с их содержанием в Уставе судебной медицины 1832 г. В изданиях 1842 и 1857 гг. Устав судебной медицины продолжал составлять

[1] СЗ-1832. Т. XIII. Ч. II. Кн. III. С. 321-322, 325.
[2] Там же. С. 258.
[3] СЗ-1842. Т. XIII. Ч. II. Кн. III. С. 236-270.
[4] СЗ-1857. Т. XIII. Ч. III. Кн. III. С. 323-358.

Кн. III в составе Учреждений и Уставов врачебных по гражданской части, но в 1857 г. изменилась нумерация этой части тома: она стала III, а не II в результате изменения состава всего XIII тома: с 1857 г. он именовался «Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные».

Из анализа содержания всех правовых норм, определявших место и роль сведущих людей в уголовно-процессуальном праве, следует заключить, что центральное место в законодательстве отводилось судебно-медицинской экспертизе. Но если Устав судебной медицины, разработанный на передовом для медицинской науки того времени уровне, вполне можно было без каких-либо изменений инкорпорировать в новое законодательство, то экспертиза как составная часть всего уголовного судопроизводства должной системностью не обладала. Значит, перед создателями судебных уставов в этой части законодательного творчества первоочередной становилась задача обеспечения в рамках планировавшегося ими перехода к смешанной системе уголовного судопроизводства необходимого уровня системности и взаимосвязи всех экспертных правовых норм.

Суммируя в целом результаты исследования, проведённого в данном параграфе, следует считать установленным следующее:

1) в российском праве к середине XIX в. сформировалась собственная традиция применения специальных знаний (сведущих людей), как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве, отразившая общую преемственность в развитии русского (российского) права;

2) законченные, хотя и не до конца систематизированные формы, экспертная составляющая гражданского и уголовного процессуального права получила в издании Свода законов Российской империи 1857 г.;

3) в соответствующих статьях изданий Свода законов гражданских, Свода законов уголовных и Устава судебной медицины 1857 г. были определены и конкретизированы место и функциональная роль сведущих людей (экспертов) в судопроизводстве как специалистов, предоставляющих на

основе своих профессиональных знаний необходимые доказательства, используемые судом в принятии решений по гражданским и уголовным делам;

4) в своей совокупности экспертные статьи, вошедшие в состав этих изданий, сформировали необходимые правовые предпосылки для перехода к созданию самостоятельного института процессуального права – института судебной экспертизы.

1.2. Судебная реформа 20 ноября 1864 г. и организационно-правовое оформление института судебной экспертизы

Мнения о необходимости существенного реформирования суда и судопроизводства начали распространяться в обществе и отчасти в бюрократических кругах ещё в последние годы правления Николая I.

Их основным источником служило само состояние российского суда, характерными чертами которого признавались неэффективность и коррумпированность, превращавшие судебную систему в не менее серьёзное препятствие на пути развития общества, чем крепостное право. Крайне резкие оценки состояния судебной системы при Николае I были свойственны практически всем дореволюционным исследователям: «наши старые судебные места, беспорядочно нагроможденные друг на друга, представляли собою неимоверно запутанную систему судоустройства» и «главной язвой, разъедавшей старые суды, было поголовное взяточничество, в котором повинны были решительно все»[1]; дореформенные суды «представляли из себя учреждения действительно ужасные, внушавшие презрение, но в то же время и страх, правому и неправому. Подкупность и взяточничество судебных органов были общеизвестны»[2]; «это был притон всевозможных злоупотреблений, которые делали из суда западню для свежего человека. Все дореформенное судопроизводство и судоустройство было организовано на

[1] Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. I. С. 208, 213.

[2] Давыдов Н. В. Судебные реформы 1866 года // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В. В. Каллаша: в 6 т. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. Т. VI. XIX век. Вторая половина. С. 165.

совершенно противоположных началах, необходимых для отправления правосудия»[1]; «не было стороны нашего быта в такой мере дискредитированной и признанной всеми несостоятельной, как наша судебная часть»[2].

Такие оценки присущи и современным историкам права: «пожалуй, ни один из органов государственного аппарата не находился в столь скверном состоянии, как судебные органы», в судебной реформе «были заинтересованы все, кроме разве что судейских чиновников, имевших немалый доход от неправосудия и не желавших приспосабливаться к новым порядкам»[3].

Но на пути реформирования существовавшей судебной системы имелось главное препятствие – крепостное право. Нахождение значительной части населения России (39,2% по результатам десятой ревизии 1857 г.)[4] в частной юрисдикции дворян-помещиков изначально обрекало на провал любую попытку сколько-нибудь значительной реформы судебной системы. «О правильной организации и деятельности суда не может быть и речи там, – подчёркивал, например, видный юрист, сенатор Э. Н. Берендтс, – где большинство населения не имеет человеческой свободы, является объектом права других лиц и поставлено почти в уровень с вещами»[5].

Поэтому российские дореволюционные историки и правоведы были единодушны в признании ключевой роли, которую в преобразовании судебной системы сыграла ликвидация крепостного права.

«Крестьянской реформой изменился базис государственного здания, – отмечал, например, И. И. Иванюков. – Изменение базиса государственного

---

[1] Кизеветтер А. А. История России в XIX веке: в 2 ч. М.: Тип. В. И. Воронова, 1916. Ч. II. С. 117.

[2] Блинов И. А. Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. I. С. 40.

[3] Чистяков О. И., Новицкая Т. Е. Реформы Александра II. С. 24.

[4] Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну.: в 3 т. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. Т. 2. С. 61.

[5] Берендтс Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Пг.: Сенат. тип., 1915. С. 5.

здания вызвало реформу всех государственных учреждений»[1]. Падение крепостного права, считал М. А. Филиппов, изменило главные начала общественной жизни и согласно с этим потребовало «изменить все судоустройство и судопроизводство, т. е., создать юстицию на началах, которые бы удовлетворяли настоящему положению нашего общества»[2]. Поэтому раньше осуществления крестьянской реформы, подчёркивал А. Ф. Кистяковский, «дело преобразования суда не могло совершиться»[3]. Аналогичной точки зрения придерживался А. А. Корнилов: «Только после того, как отменой крепостного права был расчищен путь для судебной реформы, она могла состояться»[4]. «Если мы возьмём судебную реформу, осуществленную уставами 1864 года, – утверждал влиятельный член готовивших отмену крепостного права Редакционных комиссий Н. П. Семенов, – то увидим, что она была вызвана освобождением крестьян». Дарование, продолжал он, «гражданской полноправности более чем двадцати миллионам личностей, при наступлении новых порядков и отношений, требовало настоятельно реформы в нашем судоустройстве и судопроизводстве»[5]. «Если бы в 1861 году не состоялось освобождение крестьян с землей, то ни в каком случае не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебные уставы», – признавал один из главных авторов судебной реформы С. И. Зарудный[6].

То, что судебную реформу нельзя было провести без освобождения крестьян и именно реформа 1861 г. явилась решающим шагом на пути создания новой судебной системы, кардинального обновления всех

---

[1] Иванюков И. И. Падение крепостного права в России. СПб.: Изд. Тов-ва «Общественная польза». 1903. С. 4.

[2] Филиппов М. А. Судебная реформа в России. Т. I. Судоустройство. Ч. I. С. 20.

[3] Кистяковский А. Ф. О значении судебной реформы в деле улучшения уголовного правосудия. Киев: Университет. тип., 1870. С. 2.

[4] Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. Ч. II. С. 195.

[5] Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: в 3 т. СПб.: Изд. М. Е. Комарова, 1889. Т. I. С. 1.

[6] Цит. по: Джаншиев Г. А. С. И. Зарудный и судебная реформа. С. 84.

институтов судоустройства и судопроизводства констатируется и в современной юридической литературе[1]. Отражающим общую позицию российских историков права можно считать следующую оценку: «Если судебную реформу было невозможно провести без раскрепощения крестьян, то и раскрепощение требовало, по мнению даже самих помещиков, преобразования судебной системы»[2].

На взаимосвязь отмены крепостного права и судебных преобразований практически сразу обратил внимание новый император. Например, уже 6 июня 1857 г. Александром II был внесён в Государственный совет проект Устава гражданского судопроизводства (готовившегося с 1840-х гг.)[3]. Всего к началу 1861 г., то есть одновременно с завершением подготовки аграрной реформы, на рассмотрение Государственного совета было представлено 14 законопроектов, разработанных в 1857-1861 гг., в которых предлагались различные изменения в структуре судебной системы и организации судопроизводства[4].

Однако безусловный приоритет правительство Александра II отдало ликвидации крепостного права – преобразованию, способному создать необходимые социальные условия и для кардинального реформирования суда. Поэтому только после введения в действие «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» работа над судебной реформой смогла приобрести последовательно системный характер.

Среди множества вопросов, решавшихся разработчиками судебной реформы, использование в судопроизводственном процессе знаний сведущих

---

[1] См., напр.: Виленский Б. В., Чистяков О. И. Введение // Российское законодательство X-XX веков. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. Судебная реформа. С. 8; История суда и правосудия в России: в 9 т. / Отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. М.: Норма. 2019. Т. 4. Краковский К. П. Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864-1881 годы). С. 118.

[2] Чистяков О. И., Новицкая Т. Е. Реформы Александра II // Реформы Александра II. М.: Юрид. лит., 1998. С. 25.

[3] Блинов И. А. Ход судебной реформы 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. I. С. 105.

[4] Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд. С. 434.

людей (экспертизы), безусловно, не относилось к числу первостепенных. Но по мере кристаллизации основного направления судебных преобразований и определения институционального каркаса нового суда, структуры и содержания нового судопроизводственного процесса решению этого вопроса было также отведено определённое место.

Для его объективной оценки необходимо, как нам представляется, принять во внимание, что из двух потенциально возможных направлений проведения судебной реформы (консервативного, ориентированного на частичные видоизменения и улучшения существующей системы, и кардинального, ориентированного на переход – с естественным учётом российских судебных традиций – к суду современного западноевропейского образца)[1] выбор был сделан в пользу второго направления.

Но такой выбор предполагал, что при разработке нового законодательства следует учитывать опыт материального и процессуального западноевропейского законодательства первой половины XIX в. Оно развивалось под сильным воздействием правовых новаций наполеоновской Франции, в гражданском праве – Гражданского кодекса (Code civil) 1804 г. и Гражданско-процессуального кодекса (Code de procédure civile) 1806 г.; в уголовном праве – Уголовного кодекса (Code pénal de l'Empire français) 1810 г. и Уголовно-процессуального кодекса (Code d'instruction criminelle) 1808 г. Так, процессуальное законодательство Сардинии, Бельгии, Голландии, Испании, ряда германских государств было создано на основе французских кодексов.

Избежать влияния европейской правовой традиции вряд ли было возможно, и, как отмечал, например, К. И. Малышев, «наша судебная реформа есть плод не только русского исторического опыта, но и знакомства с историей и современными учреждениями Запада, в особенности государств французской группы»[2].

---

[1] Набоков Влад. Работы по составлению судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. I. С. 303-353.

[2] Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. I. С. 63.

В январе 1862 г., санкционируя общее направление преобразования российского суда, Александр II, в частности, указал, что реформа должна основываться на главных началах, «несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части в России»[1].

Но для создателей новой российской судебной системы такой подход ни в коей мере не означал слепого копирования. «Франция, как и всякое другое государство, в своих учреждениях имеет и много хорошего, и много дурного, – указывал, к примеру, С. И. Зарудный. – Правильное воззрение на французские учреждения, т. е. указание на хорошее, как на хорошее, и на худое, как на худое, без всякого сомнения, полезно, но воззрение одностороннее, прославление французских учреждений едва ли имеет практическое значение»[2].

Такой рациональный подход предопределил ориентацию на российские законодательные традиции, реализованные в Своде законов Российской империи 1857 г., с их творческим дополнением лишь по мере необходимости новациями европейского происхождения.

Оценивая реальные результаты подобной ориентации, И. Г. Щегловитов приходил к выводу, что по своему содержанию российские судебные уставы продолжали отечественную правовую традицию и учитывали особенности современного состояния российского общества, едва только избавившегося от столетий крепостного права. Создатели российских судебных уставов, подчёркивал он, принимали из иностранных источников «только то, что повелевается выработанными веками общечеловеческими требованиями в качестве основы правосудия»[3]. Прямых заимствований в судебных уставах, отмечал И. Я. Фойницкий, «очень мало, почти совсем незаметно», на каждый

[1] Цит. по: Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., доп. СПб.: Тип.-лит. Б. М. Вольфа, 1907. С. 402.
[2] Цит. по: Джаншиев Г. А. С. И. Зарудный и судебная реформа. С. 65.
[3] Щегловитов И. Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года. С. 64.

процессуальный институт «легла печать самобытности, каждый из них имеет самостоятельную русскую физиономию, приноровленную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий»[1].

Конкретным примером реализации рационального подхода создателей судебной реформы к использованию опыта европейского процессуального законодательства может служить сравнение содержания экспертных статей в Уставах гражданского и уголовного судопроизводства 1864 г. и во французских процессуальных кодексах.

В предыдущем параграфе уже отмечалось, что в известной мере опыт регламентирования почерковедческой экспертизы в Code de procedure civile был учтён российским законодателем в издании Свода законов гражданских 1842 г.[2] Однако сравнение экспертных статей Устава гражданского судопроизводства 1864 г. и статей французского кодекса иных примеров прямого или косвенного влияния нормативных установлений последнего не обнаруживает. Аналогичное сравнение экспертных статей Устава уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуального кодекса Франции 1808 г.[3] показывает, что российское законодательство имело значительно бóльший объём и содержание и в нём отсутствовали какие-либо прямые заимствования.

Поэтому есть основания говорить, что институт судебной экспертизы в Уставах 1864 г. имел национальный характер и основывался на российской экспертной традиции предыдущих лет и предыдущем законодательстве.

В длительном процессе разработки судебных уставов ключевую роль сыграли «Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России» (29 сентября 1862 г.), охватившие судоустройство, уголовное и гражданское судопроизводство[4]. Положения были опубликованы

[1] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 4-е. Т. I. С. 43.
[2] См.: с. 45-46 настоящей диссертации.
[3] Code d'instruction criminelle. Novembre et decembre 1808 // Bulletine des Lois. N° 214 bis.
[4] ПСЗ-2. Т. XXXVII. Отд. II. № 38761. С. 147-174.

и получили высокую оценку в значительной части общества, их сразу сравнили по значимости с Положением 19 февраля 1861 г.[1]

Количество положений, в которых речь шла непосредственно о сведущих людях, было невелико: 4 – в уголовно-судопроизводственной и 3 – в гражданско-судопроизводственной части.

В шести из семи этих положений сведущие люди упоминались вместе со свидетелями: «Судебный следователь не приводит к присяге ни сведущих лиц (экспертов), ни свидетелей …» (п. 46 ч. II. Уголовное судопроизводство); «Обнаруженные при предварительном следствии доказательства повторяются и дополняются в суде: … 2) отобранием показаний от подсудимого, сведущих лиц, свидетелей и участвующих в деле лиц» (п. 66 ч. II); «Сведущие лица и свидетели прежде допроса их приводятся к присяге в заседании суда по установленному вероисповеданием каждого из них обряду» (п. 67 ч. II); «С виновных взыскиваются следующие расходы … вознаграждение сведущих лиц, свидетелей и других лиц, когда они призываются к следствию и суду вдали от места их жительства» (п. 155 ч. II); «Казна по тяжбам своим освобождается от платежа судебных издержек, кроме лишь вознаграждения свидетелям и сведущим людям» (п. 100 ч. III. Гражданское судопроизводство), «К третьему разряду судебных издержек относятся … 4) вознаграждения сведущим людям и ценовщикам; 5) вознаграждение свидетелям» (п. 130 ч. III)[2].

Единственный пункт, относившийся только к сведущим людям, – п. 52 ч. III: «При назначении сведущих людей (экспертов) к участию в их избрании допускаются сами тяжущиеся, и каждой стороне предоставляется право отводить их по указанным в законе причинам»[3].

Анализ всех этих положений позволяет заключить следующее:

---

[1] Блинов И. А. Ход судебной реформы 1864 года. С. 145-147.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXVII. Отд. II. № 38761. С. 157, 158, 165, 172, 174-175.
[3] Там же. С. 168.

– во-первых, рассмотрение сведущих лиц в одном процессуальном ряду со свидетелями соответствовало положениям действующих Свода законов гражданских и Свода законов уголовных, согласно которым заключения сведущих людей и показания свидетелей в равной мере признавались в качестве доказательств в суде; значит, подтверждалось, что такой процессуальный статус сведущих лиц будет выдержан и в новых уставах;

– во-вторых, участие сведущих людей в уголовном судопроизводстве предусматривалось, как на стадии предварительного следствия, проводимого судебным следователем (судебная реформа должна была отделить от предварительного следствия полицию, в чьей компетенции оно пока находилось), так и на стадии судебного следствия;

– в-третьих, по сравнению с прежним гражданским судопроизводством право тяжущихся принимать участие в отборе сведущих лиц (прежде фиксируемое только в гражданских делах о привилегиях) распространялось на все дела и дополнялось правом в рамках закона давать сведущим лицам отвод;

– в-четвёртых, создатели уставов ещё не сделали окончательного выбора в терминологии, допуская употребление в качестве синонимов двух определений: «сведущие люди» и «эксперты».

Таким образом, даже эти немногочисленные положения, определявшие лишь некоторые, но, видимо, значимые с точки зрения авторов документа функции сведущих людей (экспертов) в будущей системе судопроизводства, свидетельствовали, что в новой системе сохранится преемственность функциональной роли сведущих людей с предыдущим законодательством, но произойдёт и её расширение.

Издание 20 ноября 1864 г. именного указа императора Александра II «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах»[1] завершило процесс разработки судебной реформы, принявший после отмены крепостного права системный характер.

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41473. С. 179-180.

Судебная экспертиза в Уставах гражданского и уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г.

В каждом из Уставов количество экспертных статей (так далее в тексте будут называться статьи, регламентировавшие участие в судопроизводстве сведущих людей) достигло несколько десятков, и они были включены в обе (первую и вторую) Книги Уставов, регламентировавшие отдельно порядок производства в мировых судебных установлениях и в общих судебных местах (Окружные суды, Судебные палаты). В своей совокупности экспертные статьи Уставов создали единый законодательный фундамент для формирования судебной экспертизы в качестве полноценного института российского процессуального права.

Адекватная оценка качественного уровня этого нового процессуального института и его значения в обеспечении достоверности и обоснованности судебных решений по гражданским и уголовным делам невозможна без детального анализа содержания всех экспертных статей, так как только тогда возможно установить системность этого института, соотношение в нём правовой преемственности и правовой новизны.

Но прежде всего следует установить внешние формальные показатели экспертного законодательства в Уставах. Если за критерий верификации экспертных статей взять присутствие в них термина «сведущие люди», то в Уставе Гражданского судопроизводства (далее в тексте диссертации – УГС) содержались 44, а в Уставе Уголовного судопроизводства (далее в тексте диссертации – УУС) – 63 экспертные статьи. Значит, в УГС эти статьи составили 3,1% от всех (1400) статей, а в составе УУС – 5,0% от всех (1254) статей[1].

Следует учесть, что в отличие от Положений 29 сентября и от некоторых статей Сводов 1857 г. создатели Уставов использовали только термин «сведущие люди». По всей видимости, в основе такого предпочтения лежали

[1] Подсчитано по: ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 215-306; № 41477. С. 306-401.

рациональные соображения. Создатели Уставов не могли не учитывать, что в гражданский и особенно уголовный процессы в связи с отменой крепостного права, обретением мировым и судом общей юрисдикции всесословного характера (кроме решения гражданских дел и незначительных уголовных дел, возложенных для крестьянского сословия на волостные суды), а также и в результате непрерывно происходивших в обществе социально-экономических процессов, будет вовлечено немало малообразованных и даже неграмотных жителей страны. Для них определение «сведущие люди» было знакомо и понятно, но того же вряд ли можно было ожидать в отношении иностранного слова «эксперт». Конечно, в юридической литературе и практике и в это время, и в дальнейшем чаще использовались термины «эксперт», «экспертиза», «экспертная деятельность», «судебная экспертиза», но, как уже отмечалось, в официальном языке государственного законодательства Российской империи вплоть до самого её крушения в 1917 г. оставались именно «сведущие люди».

С точки зрения юридической науки второй половины XIX – начала XX вв. судебная экспертиза представляла собой единый вид юридической деятельности, обладавший процессуальной общеприменимостью, хотя и определёнными особенностями практической реализации в гражданском и уголовном процессах. Однако в условиях, когда в России создавалась принципиально новая судебная система, законодателю наиболее важной представлялась задача обеспечения максимально возможных в рамках общеимперского права конкретизации и детализации правовых норм. Это побудило в ряде случаев предпочесть единичное общему и тем самым в известной мере сохранить казуальность, присущую прежнему процессуальному законодательству.

Такая юридическая линия нашла достаточно последовательное выражение в регламентации участия сведущих людей в судопроизводстве, где на первый план вышло своеобразие экспертной деятельности в каждом из видов судопроизводства, а то, что их объединяло, – оказалось на втором плане.

Устав гражданского судопроизводства вводил состязательный характер гражданского процесса, при котором дело рассматривалось и решалось непосредственно в суде. Устав уголовного судопроизводства вводил смешанную систему, когда судопроизводство осуществлялось в два этапа (за исключением малозначительных дел, подлежавших рассмотрению в мировом суде): предварительное следствие, имевшее следственно-розыскной характер, и судебное разбирательство (следствие), имевшее преимущественно состязательный характер. Это различие тоже следует принимать во внимание при сопоставлении экспертного законодательства в Уставах.

Каждый Устав состоял из трёх книг, где последовательно регламентировались: порядок производства в мировых судебных установлениях; порядок производства в общих судебных местах; изъятия из общего порядка судопроизводства. Экспертные статьи находились в первых двух книгах, за единичным исключением – в кн. III УУС.

Порядок производства в мировых судебных установлениях

На этом уровне судопроизводства в УГС участие сведущих людей определялось 6 статьями, в УУС – 5 статьями.

В УГС сведущие люди были востребованы: для определения цены имущества, показанной в иске, в случае возникновения спора относительно этой цены на стадии предъявления иска (ст. 56); для проведения осмотра на месте (ст. 119, 122, 123, 124); в случае вынесения заочного решения по существу дела (ст. 148)[1].

В первом из этих случаев (ст. 56) их участие было обязательным (цена «определяется чрез сведущих людей в назначенный для того мировым судьей срок»), в других – зависело от решения судьи или самих тяжущихся. Например, в ст. 119 устанавливалось, что «осмотр на месте с участием или без участия сведущих людей производится как по просьбе одной из сторон, так и по усмотрению мирового судьи»; в ст. 122 – «мировой судья может по просьбе

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 310, 315, 317.

тяжущегося или по своему усмотрению потребовать заключение сведущих людей о таком предмете, для оценки или рассмотрения которого необходимы особые сведения»; в ст. 148 – «до постановления заочного решения по существу дела судья может сделать распоряжение о допросе свидетелей, на которых сделана ссылка, об осмотре на месте или об истребовании заключения сведущих людей, если по обстоятельствам дела признает это необходимым». Тяжущимся, помимо отмеченных возможностей, предоставлялось право выбора сведущих людей «по взаимному согласию» и право давать им отвод. Но если взаимного согласия не следовало, то выбор осуществлялся мировым судьей (ст. 123). К числу обязательных, но, в сущности, формальных (или технических) условий закон относил число сведущих людей (от одного до трех – ст. 123) и изготовление протокола об осмотре и показаниях сведущих людей, который подписывался всеми участниками (мировой судья, тяжущиеся, свидетели, сведущие люди) – ст. 124.

Таким образом, очевидно, что в большинстве случаев законодатель оставил вопрос об участии сведущих людей на усмотрение мирового судьи, который мог, но не был обязан привлекать их к осмотру на месте и в ситуации заочного решения по делу. В то же время предоставление права тяжущимся инициировать участие сведущих людей и отводить их кандидатуры, безусловно, свидетельствовало о стремлении законодателя к обеспечению прав участников гражданского дела. Наконец, совместное упоминание свидетелей и сведущих людей (ст. 124, 148) дает основания полагать, что на этом уровне гражданского судопроизводства продолжилась законодательная традиция, известная по Сводам законов гражданских, рассмотрения свидетелей и сведущих людей как равнозначных – для получения доказательной базы – участников судопроизводства.

В УУС содержалось отсутствующее в УГС общее определение, касавшееся привлечения сведущих людей: «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-

либо занятии, приглашаются сведущие люди» (ст. 112)[1]. Очевидно, что это положение с незначительными изменениями перешло в УУС из Свода законов уголовных 1857 г. (ст. 212), но, если в последнем оно относилось к разделу «о собрании доказательств», то теперь – к общей процедуре разбирательства у мирового судьи. Поскольку из других статей первой книги УУС никаких дополнительных пояснений этого положения не вытекало, то по смыслу всей книги следовало – определение, является ли данное дело «тем случаем», когда потребуются «специальные сведения или опытность», находилось полностью в компетенции самого мирового судьи. Следовательно, участие сведущих людей на этом уровне тоже носило возможный, но не обязательный характер.

Ст. 113 УУС сближалась по смыслу со ст. 56 УГС, но только до известного предела: «Как количество вреда или убытков, так и цена похищенного, при разногласиях о том сторон, определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или по выслушании мнения сведущих людей»[2]. Значит, здесь участие сведущих людей не было обязательным и самому судье надлежало решать, достаточно ли предъявленных доказательств для решения дела или следует заслушать и учесть мнение сведущих людей.

Три других статьи, содержавшихся в первой книге УУС, носили формальный (процедурный) характер, так как ст. 114 устанавливала ответственность сведущих людей «за неявку к осмотру, освидетельствованию или обыску» (денежное взыскание по решению мирового судьи на сумму не свыше 25 рублей), а ст. 192, 193 регламентировали вознаграждение сведущим людям за участие в мировом судопроизводстве (оплата путевых издержек при вызове на расстояние более пятнадцати верст)[3].

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 223.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 223, 229.

Таким образом, определяющая роль мирового судьи в принятии всех решений, касающихся сведущих людей, в УУС представала однозначнее, чем в УГС. Однако можно обратить внимание на то, что введение денежного штрафа за неявку означало, что сведущие люди участвуют в «осмотре, освидетельствовании или обыске», но специальных статей о таком их участии, как в УГС, не имелось. Из ст. 112 и других положений, определявших роль и функции мирового судьи, допустимо заключить, что вопрос о привлечении сведущих людей к вышеназванным судебным действиям также решался им единолично. Кроме того, отсутствие всяких упоминаний об инициации участия сведущих людей со стороны, как пострадавшего, так и обвиняемого, придавал позиции мирового судьи относительно приглашения сведущих людей императивный характер.

Рассмотренный законодательный материал позволяет сделать общий вывод о том, что на стадии мирового судопроизводства в обоих его видах участие сведущих людей в целом не имело обязательного характера, а решалось мировым судьёй по своему усмотрению в зависимости от конкретного дела. В случаях, когда участие сведущих людей признавалось необходимым, то сделанное ими заключение о конкретном предмете гражданского иска рассматривалось как одно из доказательств в пользу той или иной тяжущейся стороны, но его значимость для решения дела определял также единолично сам мировой судья.

Порядок производства в общих судебных местах

Количество статей, содержавших положения, регулировавшие участие сведущих людей в судопроизводстве, осуществлявшемся на уровне Окружных судов и Судебных палат, составило в УГС – 38 статей, в УУС – 58 статей.

Большинство этих статей, кстати, превышавшее половину всех экспертных статей, содержавшихся в каждом из двух Уставов, находилось в составе одного раздела: в УГС – в Книге II. Раздел I. «Производство в окружных судах» (23 статьи), в УУС – в Книге II. Раздел II. «О предварительном следствии» (37 статей).

Остальные статьи распределялись следующим образом: в УГС – Раздел IV. «О судебных издержках» (5 статей); Раздел V. «Об исполнении судебных решений» (10 статей); в УУС (Книга II) – Раздел III. «О порядке придания суду» (1 статья); Раздел IV. «О производстве в окружных судах» (11 статей); Раздел V. «О порядке обжалования решений общих судебных установлений» (2 статьи); Раздел VI. «Об исполнении уголовных приговоров» (5 статей). Ещё 2 статьи находились в составе Кн. III. «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства».

Оценивая экспертный смысл такого соотношения, следует учесть различие гражданского и уголовного судопроизводств, поскольку именно из него в конечном итоге происходила и разница в роли судебной экспертизы, нашедшая формальное выражение в различном распределении экспертных статей внутри УГС и УУС, а содержательное – в характере функций сведущих людей в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Предметом гражданского судопроизводства являлась защита частных (гражданских) прав, чаще всего имущественных, в случае возникшего спора относительно этих прав; предмет уголовного судопроизводства – это преследование преступлений, как имущественных, так и против личности. Различие в предмете обусловливало различие в характере судопроизводства.

В гражданском процессе преобладает частное начало, он начинается и совершается по инициативе частного лица, возбуждающего судебный спор подачей иска о защите своих гражданских прав. Гражданский процесс своей целью имеет удовлетворение частных интересов, защиты частных прав, причем суд рассматривает только те доказательства, которые представлены тяжущимися сторонами. Согласно ст. 367 УГС, суд «ни в каком случае не собирает сам доказательств или справок, а основывает решения исключительно на доказательствах, представленных тяжущимися»[1].

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 333.

Поэтому в гражданском судопроизводстве основная судебная функция сведущих людей определялась законодателем как поверка, определение степени достоверности доказательств, представленных тяжущимися сторонами в суде. Об этом однозначно свидетельствовал тот факт, что все 23 статьи, включённые в раздел I УГС, находились в составе главы IX. «О поверке доказательств»: Отделение II. «Осмотр на месте» (1 статья), Отделение III. «Заключение сведущих людей» (19 статей) и Отделение IV. «Поверка письменных доказательств» (3 статьи).

Уголовный процесс начинался (за редким исключением) по почину государственной власти и отправлялся в общегосударственных интересах; суд в уголовном процессе активен, он может в большей или меньшей степени участвовать в сборе доказательств и не ограничен теми доказательствами, которые представлены сторонами процесса. Следовательно, уголовный процесс шире гражданского, уголовный суд обладал большей свободой приёмов исследования и оценки доказательств. Принципиальное отличие уголовного процесса от гражданского, непосредственно влиявшее на экспертную деятельность, заключалось в наличии в нём стадии предварительного следствия, когда судебным следователем осуществлялся основной сбор доказательств о совершении преступлений (в том числе сопровождавшихся смертельными исходами и телесными повреждениями). Значимость таких доказательств для последующего судебного разбирательства была чрезвычайно велика. Отсюда возникала потребность в широком использовании специальных (включая медицинские) знаний, чтобы обеспечить необходимую достоверность полученных доказательств до собственно судебной стадии.

Недостаточная развитость технических средств и приёмов, связанных с расследованием уголовных преступлений (криминалистика, которой предстояло сыграть существеннейшую роль в расследовании преступлений такого рода, в середине XIX в. не только в России, но и в Европе находилась

на начальном этапе своего формирования[1]), диктовала необходимость максимально оперативного сбора доказательственной базы на месте преступления. Поэтому сведущие люди, обладавшие специальными знаниями, которых, как правило, не имелось у судебных следователей, были максимально востребованы именно на этапе предварительного следствия.

Исследуя обнаруженные полицией или судебным следователем на месте преступления предметы и предоставляя по результатам своего исследования заключение, сведущие люди тем самым определяли, может или нет данный предмет или какие-либо связанные с ним явления рассматриваться как доказательства. Иначе говоря, если в гражданском судопроизводстве эксперт определял достоверность доказательства, то в уголовном производстве – также и само его наличие.

О такой направленности уголовной экспертизы свидетельствовало внутреннее распределение 37 статей, вошедших в Раздел II. 31 из них была включена в Отделение I. «Осмотр и освидетельствование» (Глава IV. «Об исследовании события преступления»). 2 статьи находились в Отд. II. «Допрос обвиняемого» (Глава V. «О представлении обвиняемого к следствию и допрос его»), 1 статья в Главе VII. «О вызове и допросе свидетелей», 2 статьи в Главе XI. «Об ответственности полицейских чинов и судебных врачей по следственным действиям», 1 статья в Главе XII. «О порядке обжалования следственных действий вообще».

Отсюда можно заключить, что именно анализ содержания 23 статей УГС и 35 статей УУС позволяет наиболее точно определить правовые основания реализации предназначенной сведущим людям функциональной роли в гражданском и уголовном судопроизводствах.

Статьи такого рода в УГС, устанавливавшие общие принципы участия сведущих людей в судопроизводстве, ведущемся на уровне окружных судов,

[1] См., напр.: Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы; Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. Пути развития криминалистики. М.: Изд-во «Прогресс», 1974.

по своему содержанию были практически идентичны соответствующим статьям на уровне мирового судопроизводства (ст. 119 и 122).

Так, в ст. 507 устанавливалось, что «суд может по просьбе тяжущегося или по своему рассмотрению назначить осмотр на месте с участием или без участия сведущих людей», а ст. 515 – «суд может по просьбе тяжущегося или по своему усмотрению потребовать заключение сведущих людей о таком предмете, коего рассмотрение или оценка требует особых ученых, технических или хозяйственных сведений»[1].

Следовательно, закон вводил единообразие на обоих уровнях гражданского судопроизводства: исключительное право определять необходимость участия сведущих людей принадлежало суду.

Определяющая роль суда хорошо прослеживалась и в остальных статьях Отделения III. Суд определял предметы, по которым следовало готовить заключение, участников его подготовки и срок предоставления заключения в суд (ст. 516), назначал сведущих людей в случае отсутствия взаимного согласия тяжущихся относительно их кандидатур (ст. 518), устанавливал форму заключения («заключение сведущих людей должно быть письменное, с объяснением тех доводов, на коих оно основано») (ст. 525), в случае необходимости дополнить исследование или разъяснить заключение сведущих людей мог «потребовать от них дополнительного объяснения или же заключения вновь назначенных на их место» (ст. 526), налагал денежное взыскание на принявших назначение сведущих людей «за неявку без уважительных оправданий или за непредставление заключения в назначенный срок» и заменял их на других сведущих, «если есть к тому возможность» (ст. 528). Кроме того, суд «в делах, требующих пространного и сложного исследования», мог одного из своих членов назначить наблюдать за ходом исследования (ст. 517) и член суда, назначенный для проведения исследования «чрез сведущих людей», получал право самолично назначать сведущих людей,

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 342.

если исследование проводилось не в том же месте, где находится суд, и отсутствовало взаимное согласие тяжущихся относительно выбора сведущих людей (ст. 524). Количество сведущих людей устанавливалось в 3 человека, но по взаимному согласию тяжущихся или в случае малоценности иска могло быть назначено одно сведущее лицо (ст. 519)[1].

Единообразие судопроизводства на уровне мировых и окружных судов законом было установлено и в отношении прав тяжущихся. По их просьбе суд мог назначить осмотр на месте с участием или без участия сведущих людей, а также потребовать заключение сведущих людей о предметах иска, сведущие люди могли быть избраны по взаимному согласию тяжущихся, наконец, тяжущимся предоставлялось право отзыва сведущих людей, но с определёнными ограничениями: нельзя было отводить тех, кто избран во взаимному согласию (ст. 521), назначенных судом можно было отводить только в течение трех дней после назначения или, если откроются новые обстоятельства, до начала исследования (ст. 522), причины отвода сведущих людей устанавливались теми же, что и для свидетелей (ст. 523)[2].

Права же самих сведущих людей, устанавливаемые законом, представали достаточно ограниченными. Они могли отказаться (по тем же причинам, что и свидетели[3]) от участия в суде (ст. 520) и по их письменному или устному требованию, предоставленному одновременно с заключением, они получали право на вознаграждение (ст. 529); само вознаграждение осуществлялось за счёт тяжущихся: либо инициатора просьбы об освидетельствовании, либо в равной мере обоих, если они просили об освидетельствовании, или если исследование назначалось судом (ст. 532), а размер суммы вознаграждения определялся судом, после чего оно подлежало

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 342-343. В ст. 517 сведущие люди не упоминались, по формальному признаку мы не включаем ее в общее число 22-х статей Отделения I.
[2] Там же. С. 342. Отвод одной из тяжущихся сторон свидетелей регламентировался ст. 373 (наличие родственных связей, опекунство, усыновление, тяжба с одним из участников, получение выгоды от решения дела). – Там же. С. 333.
[3] Отказ свидетелей регламентировался ст. 370 (наличие родственных связей или получение выгоды от решения дела). – Там же. С. 333.

немедленному исполнению (ст. 530)[1]. Вместе с тем, как уже отмечалось, сведущие люди могли подвергнуться денежному взысканию (от 50 копеек до 25 рублей) и быть заменены на других сведущих людей (по общим правилам), наконец, им запрещалось жаловаться на размер определённого судом вознаграждения (ст. 531)[2].

Два положения, содержавшихся в рассмотренных статьях, заслуживают, на наш взгляд, дополнительного анализа.

Во-первых, в ст. 525 оговаривалось, что «когда сведущие люди принадлежат к числу малограмотных или нехорошо владеющих русским языком», то возможна замена письменного заключения словесным, но с его обязательной записью в протоколе и подписыванием сведущими людьми; во-вторых, в ст. 520 устанавливалось, что «только те лица обязаны принять на себя исследование, которые по званию своему, ремеслу или занятию предполагаются имеющими особые сведения»[3]. Здесь можно зафиксировать некоторое противоречие между потенциальным допуском к участию в качестве сведущих людей «малограмотных» и вышеназванными требованиями к профессиональному уровню таких людей. Но, пожалуй, ещё важнее, что законодательные требования к сведущим людям носили самый общий характер и не был конкретизирован круг лиц (по профессиональным, образовательным, социальным и иным критериям), из состава которых могли избираться сведущие люди для участия именно в гражданских делах.

В целом содержание всех рассмотренных статей, с одной стороны, подтверждало решающую роль суда в принятии решения о проведении судебной экспертизы и в его реализации, с другой стороны, свидетельствовало, что законодатель постарался обеспечить определённые права участникам процесса – самим тяжущимся и сведущим людям.

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 342-343.
[2] Там же.
[3] Там же.

Тем не менее, по нашему мнению, определяющее значение для статуса сведущих людей и судебной экспертизы в УГС имела ст. 533, которая устанавливала, что «суд не обязан подчиняться мнению сведущих людей, несогласному с достоверными обстоятельствами дела»[1]. Из такой формулировки закона следовало, что определение достоверности доказательной базы в конечном итоге полностью находилось в компетенции судей. Значит, самое квалифицированное заключение самых квалифицированных сведущих людей могло быть судом сочтено не соответствующим тому, что он сам (его члены) считает «достоверными обстоятельствами дела». Но назначение судебной экспертизы как раз было связано с потребностью в специальных знаниях, в невладении которыми, назначив экспертизу, суд де-факто признавался. Поэтому подобное ограничение достоверности заключения экспертов представлениями о достоверности доказательств, принадлежавшими самим судьям, создавало правовую коллизию, потенциально чреватую недооценкой судом мнений, основанных на знаниях, относящихся к профессиональной сфере деятельности, в которой компетентность судей была недостаточной.

Остальные статьи, касавшиеся судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве в окружных судах, регламентировали частные аспекты.

Так, при поверке письменных доказательств суд имел право назначить, согласно общим правилам, сведущих людей для «приведения в ясность многочисленных или запутанных расчетов» (ст. 538); поручить поверку письменного перевода с иностранного языка «штатному переводчику или сведущему лицу», в крайнем случае, отослать в учебное заведение, преподаватели которого в таком случае де-факто также выступят в роли сведущих людей (ст. 540); наконец, «сличение подписи или почерка на актах может быть поручено сведущим людям, которые избираются и дают свое заключение на общем основании» (ст. 553)[2].

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 343.
[2] Там же. С. 343-344.

Привлечение сведущих людей сохранилось (как это было и в Своде законов гражданских) на стадии исполнения судебных решений в связи с оценкой подлежащего взысканию за долг имущества.

Их функции определялись в шести статьях гл. IV. «Об обращении взыскания на движимое имущество» Раздела V. «Об исполнении судебных решений», сформулированных гораздо более кратко, чем в издании Свода 1857 г. Кроме того, термин «сведущие люди» заменил все ранее использовавшиеся в законодательстве обозначения профессиональной принадлежности участников оценки имуществ.

Ст. 1001 устанавливала, что в случае спора относительно оценки взыскиваемого движимого имущества должник или взыскатель обладает правом требовать проведение оценки через сведущих людей, приняв издержки на себя; назначение сведущих людей должно было происходить по взаимному согласию, а в случае его отсутствия, они назначались судебным приставом (ст. 1002); сведущие люди не приводились к присяге (ст. 1003), получали вознаграждение (ст. 1006), но также могли подвергаться взысканиям за уклонение от проведения оценки без законных для этого оснований (ст. 1005)[1].

При обращении взыскания на недвижимое имение участие сведущих людей регламентировалось ст. 1003-1006 (на это указывала ст. 1094[2]), но с выделением особой их функции, касавшейся оценки стоимости имения. Потребность в выполнении этой функции сведущими людьми возникала в случае несогласия взыскателя на сделанную ответчиком оценку стоимости. В таком случае либо по взаимному согласию, либо в случае его отсутствия – по решению судебного пристава назначались сведущие люди (ст. 1123), которые и должны были, следуя установленным правилам (ст. 1124) произвести «определение среднего количества чистого дохода, полученного с имения за пять лет или за все время владения» (ст. 1122)[3].

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 373.
[2] Там же. С. 379.
[3] Там же. С. 381-382.

Наконец, регламентировано было и вознаграждение сведущих людей (раздел IV. «О судебных издержках»). Согласно статьям этого раздела, специальные сборы по производству дела могли использоваться «в пользу» сведущих людей, свидетелей, судебных приставов и тяжущихся (ст. 843), а вознаграждения сведущим людям в установленных для этого денежных пределах и компенсация им путевых издержек (ст. 860, 862) происходили за счёт одного или обоих тяжущихся (ст. 865)[1]. При распределении судебных и канцелярских пошлин и сборов в ст. 877 специально оговаривалось, что «деньги, представляемые для командировки членов суда или для вызова свидетелей, сведущих лиц и духовных лиц, передаются по принадлежности»[2]. Тем самым закон гарантировал материальное обеспечение участия сведущих людей в судебном процессе.

По сравнению с рассмотренными статьями УГС экспертные статьи УУС, в которых основное место сведущим людям отводилось на стадии предварительного следствия, имели существенные отличия.

В первую очередь, они были связаны с включением в УУС медицинской экспертизы, которая в Законах уголовных 1857 г. отсутствовала, поскольку регулировалась Уставом судебной медицины, отнесённым к Уставам врачебным. Сам этот устав не отменялся, но, принимая во внимание, что УУС вводился в действие не одновременно на всей территории империи, а постепенно, он сохранял действие там, где не действовал УУС, а там, где действовал, заменялся соответствующими статьями УУС с добавлением несовпадающих статей Устава судебной медицины (в основном касавшимися технологии патологоанатомического исследования).

26 из 31 статьи, касавшихся регламентации участия сведущих людей на этапе предварительного следствия, были включены в Отделение I. «Осмотр и освидетельствование».

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 362-363.
[2] Там же. С. 364.

Им предшествовала ст. 315, входившая в состав подотделения «Осмотр и освидетельствование чрез следователя», содержавшая общее определение всей процедуры: «Осмотры и освидетельствования производятся в присутствии понятых или непосредственно судебным следователем, или чрез сведущих людей»[1]. Из этой формулировки следовало, что участие сведущих лиц в данной следственной процедуре возможно, но не обязательно.

Последующие статьи данного подотделения (ст. 316-324) регламентировали действия следователя без упоминания сведущих людей, но второе подотделение носило название «Осмотр и освидетельствование чрез сведущих лиц вообще». Открывавшая его ст. 325 вносила ясность в вопрос о том, в каких случаях действуют предыдущие статьи, а в каких нижеследующие: Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда «для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимые специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии»[2]. Следует заметить, что данная формулировка была очень близка, а по смыслу практически идентична ст. 212 из Законов уголовных 1857 г. (кн. II).

Следовательно, на этапе предварительного следствия процедура осмотра и освидетельствования, проводимого на месте (предполагаемого) преступления, могла проводиться двояким образом, но собственно судебная экспертиза проводилась на основаниях, которые были изложены в ст. 326-353, 355[3], охвативших как экспертизу «чрез сведущих людей», так и «чрез врачей», то есть судебно-медицинскую экспертизу.

Право принимать решение о том, каким образом будут проводиться осмотр и освидетельствование, принадлежало судебному следователю, что вытекало по смыслу ст. 249: «Предварительное следствие о преступлениях и проступках, подсудных Окружным судам, производится судебными

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 238.
[2] Там же. С. 238-239.
[3] Там же. С. 239-241.

следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей»[1]. Но если в отношении сведущих людей каких-либо ограничений для решения судебного следователя действовать самому или привлечь сведущих людей закон формально не вводил, оставляя за ним право решать, существует или нет в конкретном случае потребность в «необходимых специальных сведениях или опытности», то в отношении привлечения врачей такое ограничение однозначно существовало: «Для осмотра и освидетельствования мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого судебный следователь приглашает судебного врача» (ст. 336)[2].

В отличие от УГС в УУС было дано довольно подробное определение критериев сведущих людей: в таком качестве могли быть приглашаемы «врачи, фармацевты, профессоры, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» (ст. 326). Статус сведущих людей в доказательственной базе уголовного судопроизводства был определён как «достоверные свидетели» (ст. 327)[3]. Некоторым дополнением к списку сведущих людей служила ст. 410 (глава V. «О представлении обвиняемого к следствию и допросу его»), определявшая, что «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, непонятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке»[4].

В процедуре осмотра и освидетельствования сведущими людьми за судебным следователем сохранялась активная роль: во-первых, он проводил предварительный внешний осмотр предметов, которые должны были исследовать сведущие люди, и составлял протокол, где указывал обнаруженные им видимые признаки преступления и перемены,

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 233.
[2] Там же. С. 239.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 244.

произошедшие в положении предметов (ст. 330); во-вторых, словесно или письменно предлагал сведущим людям вопросы, подлежащие их разрешению (ст. 332); в-третьих, присутствовал, «когда к тому не встретится особых препятствий», при освидетельствовании, проводимом сведущими людьми (ст. 331); в-четвёртых, в случае сомнения в правильности заключения сведущих людей или при разногласиях в их мнении «требует заключения от других сведущих людей или о командировании их представляет высшему специальному установлению, или же отправляет туда самый предмет исследования, когда это возможно» (ст. 334); в-пятых, имел право подвергнуть сведущих людей, не явившихся без уважительной причины по его требованию к освидетельствованию, денежному взысканию (ст. 328)[1].

В то же время собственно действия сведущих людей в процессе экспертизы закон регламентировал фактически только одним положением в ст. 333: «Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины». Зато указывалось на их обязанность немедленно являться по требованию следователя и нести ответственность за неявку без уважительной причины (как понятые[2]) (ст. 328). Правда, в законе также предусматривалось, что взыскание за неявку может быть снято в отношении лиц, состоящих на государственной службе, которым прибыть помешали служебные занятия (ст. 329)[3].

Таким образом, согласно рассмотренным статьям, сведущие люди фактически оказывались в подчинении судебного следователя, их действия следователем направлялись и оценивались, то есть они были поставлены законом в более зависимое положение, чем в гражданском процессе.

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 239.

[2] Ответственность понятых за неявку в форме денежного взыскания не свыше 25 рублей устанавливалась в ст. 323. – Там же. С. 238.

[3] Там же. С. 239.

Иначе обстояло дело с участием иной категории сведущих людей – врачей, осуществлявших судебно-медицинскую экспертизу.

Включение судебно-медицинской экспертизы в УУС было логическим шагом в систематизации судопроизводства. Устав судебной медицины сохранялся в составе Уставов врачебных, но теперь оказывался в непосредственной связи, чего в Своде законов Российской империи не было, с уголовным судопроизводством. Конечно, с точки зрения правовой целостности рациональным представлялось бы прямое включение Устава судебной медицины в состав УУС, но, по всей видимости, создатели последнего предпочли не перегружать его содержание излишней детализацией собственно медицинских (патологоанатомических) процедур, которые составляли основное содержание Устава судебной медицины.

В подотделении «Осмотр и освидетельствование чрез врачей» закон сохранял активную роль судебного следователя, но в то же время ставил в более самостоятельное положение судебных врачей, поскольку сфера их компетенции обладала существенной спецификой и могла не совпадать с компетенцией следователя.

Следователь, во-первых, осуществлял ряд действий до прибытия судебного врача: принимал меры по возможному «оживлению» пострадавшего, а, убедившись в смертельном исходе, меры по сохранению тела, устанавливал личность погибшего и составлял протокол о принятых им мерах (ст. 340); во-вторых, в важных случаях он мог пригласить к освидетельствованию мёртвого тела нескольких врачей (ст. 338); в-третьих, во время освидетельствования мог заявлять (как и другие присутствующие) свои мнения о тех действиях и объяснениях врача, которые покажутся сомнительными (ст. 343); в-четвёртых, в случае, если личность умершего не была установлена, готовил материал с описанием примет умершего, места, где он найден, заключением врача о причинах смерти для передачи

подготовленного материала «кому следует для припечатания в местных губернских или полицейских ведомостях» (ст. 348)[1].

К функциям судебного следователя Устав относил допрос обвиняемого, предусматривая использование в нём знаний сведущих людей в двух случаях. В ст. 410 устанавливалось, что «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, непонятном для судебного следователя, приглашается лицо, сведущее в этом языке». В ст. 411 устанавливались правила допроса «при следствии над немыми и вообще лицами, не могущими передавать свои мысли на словах». В этом случае, во-первых, допрос должен был производиться «чрез посредство лиц, привыкших с точностью понимать их знаки», во-вторых, если следствие производится в городе, где есть заведение для воспитания глухонемых, то приглашался один из наставников этого заведения»[2].

Кроме того, в ст. 450 предусматривалось, что «при допросе свидетелей, объясняющихся на языке, непонятном для следователя, а равно при снятии показаний с немых, соблюдаются правила, постановленные в статьях 410 и 411»[3]. Следовательно, и в ст. 450 предусматривалось участие в допросе сведущих людей (переводчиков или толмачей).

Однако большинство остальных экспертных статей этого подотделения относилось непосредственно к врачам.

В ст. 337 устанавливалось, что обязанности судебного врача возлагались на уездных или городских и полицейских врачей, если же они по уважительной причине не могли участвовать в конкретном осмотре и освидетельствовании, то вместо них следователь приглашал «всякого другого военного, гражданского или вольнопрактикующего врача». По требованию врача судебный следователь должен был сообщить имеющиеся у него сведения, которые могли «служить указанием, на что врач должен при вскрытии тела обратить особенное внимание» (ст. 341); в своих действиях врач

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 239-240.
[2] Там же. С. 244.
[3] Там же. С. 247.

руководствовался правилами Устава судебной медицины, разъясняя по ходу осмотра присутствующим обнаруживаемые им факты и отвечая на их вопросы (ст. 342), а подготовленный акт осмотра должен был передать следователю не позже трёх суток (ст. 344). В ст. 349 специально указывались последствия преступных действий, которые врач «по возможности» должен определить, в ст. 350 устанавливалась возможность приглашения в качестве помощниц судебного врача в определённых случаях «повивальных бабок»[1].

Отдельное регламентирование предусматривалось законом на случай возникших при освидетельствовании разногласий и сомнений. После передачи свидетельства об этом во Врачебную палату именно ей принадлежало право разрешить возникшие сомнения, запросить дополнительные объяснения от врачей или назначить переосвидетельствование (ст. 345), которое проводилось другими врачами, но при возможности приглашался и врач, проводивший первоначальное освидетельствование (ст. 346, 347)[2].

Судебно-медицинская экспертиза предусматривалась законом и в случаях «освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумцем» (ст. 353, 355)[3]. Следователь, удостоверившись через освидетельствование врачом в безумии или умственном расстройстве обвиняемого, должен был передать дальнейшее производство дела с присоединением мнения врача прокурору. Освидетельствование такого обвиняемого производилось в окружном суде с участием члена Врачебной управы и двух назначенных ею врачей.

Две другие статьи, касавшиеся участия сведущих людей и врачей в предварительном следствии и входившие в Отделение II. «Розыскание предметов, обнаруживающих преступление» главы IV, имели скорее формальный характер. Ст. 373 лишь косвенно касалась сведущих людей, так

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 239-240.
[2] Там же. С. 240.
[3] Там же. С. 241.

как в ней на следователя накладывалась обязанность обеспечить сохранность вещественных доказательств, которые не могли быть отделены от места, где они обнаружены, до прибытия сведущих людей для их осмотра. Ст. 374 устанавливала обязанность врача или фармацевта должным образом упаковывать для последующей доставки «предметы, подлежащие химическому или микроскопическому исследованию»[1].

Более существенный характер имели дисциплинарные по своему содержанию ст. 489, 490 (глава XI. «Об ответственности полицейских чинов и судебных врачей по следственным действиям»). В них вводилась ответственность судебных врачей, вплоть до придания суду, «за неисполнение своих обязанностей по следствию» и «за противозаконные действия по следственной части». Но для придания суду необходимо было получить по всем специальным и техническим вопросам «предварительного заключения от надлежащего медицинского начальства». В ст. 492 (глава XII. «О порядке обжалования следственных действий вообще») устанавливалось, что сведущие люди (как и «другие, призываемые к следствию лица») «могут приносить жалобы лишь на притеснения и неправильные взыскания, коим они сами подверглись при следствии»[2].

Следовательно, можно заключить, что на этапе предварительного следствия сведущие люди и врачи выступали в роли экспертов, которые, наряду с судебным следователем, фактически участвовали в формировании доказательственной базы для последующего решения дела в окружном суде. В то же время роль судебных врачей была более самостоятельная, чем сведущих людей.

Поступлению подготовленного на этапе предварительного следствия дела в суд предшествовали заключение прокурора и решение Судебной

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 242.
[2] Там же. С. 250.

палаты, которые, в частности, включали указание свидетелей и сведущих лиц, которые должны были быть призваны в суд (ст. 538)[1].

Анализ содержания статей Раздела IV. «О производстве в Окружных судах» показывает, что на этом этапе сведущие люди уже не играли столь существенной роли, как на предварительном следствии. Теперь их основной функцией становилось подтверждение, пояснение и разъяснение результатов, которые были получены с их участием на этапе предварительного следствия.

Это доказывают следующие статьи:

– ст. 578: «стороны могут просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания»[2];

– ст. 581: «Подсудимые, защитники их, частные обвинители, гражданские истцы, свидетели и сведущие люди и все приглашаемые к судебному следствию лица вызываются в суд повестками, установленными для вызовов к предварительному следствию (ст. 376-386)»[3];

– ст. 630: прокурор или частный обвинитель и подсудимый или его защитник имеют право «отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей, предлагать им, с разрешения председателя суда, вопросы»[4];

– ст. 690-691: суд может «для объяснения освидетельствования или испытания, произведенного следователем или сведущими людьми», вызвать и потребовать «обстоятельного отчета в их действиях», или не вызывать сведущих людей, производивших судебно-химические или микроскопические исследования не в месте суда, а заменить их вызовом для таких объяснений местных врачей и фармацевтов[5];

– ст. 692: «по замечанию сторон, или присяжных заседателей, или по собственному усмотрению суд может назначить новое освидетельствование

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 253.
[2] Там же. С. 256.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 259.
[5] Там же. С. 263-264.

или испытание чрез избранных им или указанных сторонами сведущих людей с тем, чтобы они производили свои действия в заседании суда, если это возможно», или представляли обстоятельный отчет о них[1];

– ст. 694-695: право сторон до принятия сведущими людьми присяги давать отвод «по неимению ими тех качеств, которые требуются от них законом», и право суда, присяжных заседателей и сторон процесса предлагать сведущим людям после представления ими заключения вопросы[2].

К этим статьям содержательно примыкала ст. 879, относившаяся к стадии подачи апелляций на решение суда в Судебную палату. Согласно этой статье, по своему решению или по просьбе сторон процесса Судебная палата могла затребовать на рассмотрение апелляции сведущих людей и свидетелей[3].

Ряд статей регулировал некоторые формальные аспекты участия сведущих людей на судебном процессе в окружном суде. Так, в ст. 693-694 устанавливалось, что сведущие люди, участвующие непосредственно в судебном заседании, не могут быть избраны из числа других участников процесса, и они обязаны приносить присягу (в том же порядке, что и свидетели)[4]; ст. 628 предоставляла свидетелям и сведущим людям право иметь при себе в случае необходимости «памятные записки» для «более точного изложения их изустных показаний»[5]; ст. 836 устанавливала обязательность внесение сведущих людей в протокол судебного заседания, а ст. 894 – право сведущих людей подавать частные жалобы на наложенные на них взыскания[6].

Наконец, ст. 977-979, 986 устанавливали размеры возмещения судебных издержек сведущим людям, медицинским чинам на службе и вольнопрактикующим врачам и денежное вознаграждение сведущим людям (по определению суда и при поступлении соответствующего требования от

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 264.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 276.
[4] Там же. С. 264.
[5] Там же. С. 259.
[6] Там же. С. 274, 277.

них самих)[1]. На наш взгляд, включения в число экспертных статей заслуживала и ст. 980: «Содержателям или управляющим вольных аптек и лабораторий за употребленные ими при судебно-химических исследованиях реагенции плата производится по особой таксе, установленной Медицинским советом»[2]. Из этого следовало, что указанные лица привлекались судом к судебно-химическим исследованиям, значит, в таком случае они выступали в качестве сведущих лиц, привлеченных к судебному исследованию.

Заключительное упоминание сведущих людей в УУС касалось их возможного участия в делах, подлежавших рассмотрению в Книге III. «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства»: Разд. IV. «О судопроизводстве по преступлениям и проступкам, относящимся до разных частей административного управления», Гл. I. «О производстве по преступлениям и проступкам против имущества и доходов казны», Отд. III. «Предварительное следствие».

В ст. 1160 устанавливалось, что «по нарушениям, для исследования коих необходимы специальные знания, судебный следователь требует сведущих людей из числа служащих в казенном управлении; но ему не возбраняется пригласить вместе с должностными и частных лиц, известных своими специальными сведениями»[3]. То есть и в этом случае участие сведущих людей определялось решением следователя о том, требуются или нет в данном случае специальные знания. Но интерес представляет процессуальное уравнивание сведущих людей из числа служащих и частных лиц. Потенциально это создавало возможности для более объективного характера экспертизы, достигаемого посредством сопоставления мнений должностных и частных сведущих людей.

Ст. 1161, по нашему мнению, тоже должна быть отнесена к экспертным: «По делам о подделке монет и кредитных бумаг поддельные монеты и

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 284.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 299.

кредитные бумаги отсылаются на испытание: первые в Департамент Горных и соляных дел, а последние – в Экспедицию заготовления государственных бумаг»[1]. Очевидно, что исследования, проводившиеся в этих учреждениях, являлись делом специалистов в распознании подделок, которые и выполняли бы в данном случае функции сведущих людей.

Таким образом, анализ экспертных статей УГС и УУС 1864 г. доказывает, что участие сведущих людей в судопроизводстве приобрело в судебных уставах целостный, можно даже сказать – системный, характер.

Это проявилось, во-первых, в структурной концентрации данных статей в тех разделах Уставов, в которых использование специальных знаний имело особую значимость с точки зрения принятия с их учётом судебных решений (поверка доказательной базы в окружном суде – в гражданском судопроизводстве; осмотр и освидетельствование на этапе предварительного следствия – в уголовном судопроизводстве); во-вторых, в создании общей нормативной базы для экспертной деятельности сведущих людей в случае использования однородной экспертизы в обоих видах судопроизводства (почерковедческая экспертиза); в-третьих, в согласованности правовых норм, устанавливающих алгоритм реализации экспертной деятельности, определяющих права и обязанности сведущих людей в каждом из видов судопроизводства.

Вместе с тем систематизация, основанная на расширении общего количества правовых норм, регламентирующих судебную экспертизу, сохранила высокий уровень преемственности не только непосредственно с содержанием соответствующих статей Свода законов, но и со всей традицией использования знаний сведущих людей в российском праве.

Убедительным свидетельством наличия общей отечественной линии развития судебной экспертизы, следования традиции и воплощения этой традиции в Уставах служит правовая преемственность в определениях:

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 299.

– во-первых, функциональной предназначенности сведущих людей, как участников судопроизводства, наряду со свидетелями формирующих доказательственную базу судебных решений;

– во-вторых, основных правовых сфер применения знаний сведущих людей (договорные и имущественные отношения – в гражданском судопроизводстве; преступления, сопряженные с физическим насилием и влекущие смертельные и травматические последствия – в уголовном судопроизводстве).

Таким образом, обобщая результаты исследования, осуществлённого в первой главе диссертации, следует считать установленным:

– к середине XIX вв. в России постепенно сложилась преимущественно автохтонная традиция использования в гражданском и уголовном судопроизводстве специальных знаний, которыми обладали сведущие люди;

– основными сферами применения таких знаний и участия сведущих людей в судопроизводстве стали разрешение имущественных и договорных споров, с одной стороны, расследование преступлений против личности, с другой стороны;

– правовые предпосылки для систематизации законодательства о сведущих людях были в основном сформированы в рамках общей систематизации российского законодательства первой трети XIX в. и нашли последовательное выражение в экспертных статьях изданий Свода законов гражданских, Свода законов уголовных и Устава судебной медицины 1857 г.;

– правовые основания для формирования на основе действующего законодательства института судебной экспертизы были созданы в ходе судебной реформы 1864 г. и получили своё выражение в экспертных статьях Устава гражданского судопроизводства и Устава уголовного судопроизводства;

– эти правовые основания включали: признание судебной экспертизы неотъемлемым компонентом судопроизводственного процесса на обоих уровнях судебной системы (мировой суд и общие судебные установления);

признание доказательственной силы мнений и заключений сведущих людей; условный характер использования сведущих людей в судопроизводстве (исключая преступления, повлекшие смертельные последствия), определяемый решением судебных инстанций о необходимости такого использования; сохранение в компетенции суда решений, как о привлечении к судопроизводству сведущих людей, так и о сравнительной значимости их мнений и заключений для принятия судебных решений.

Формирование и развитие института судебной экспертизы на указанных основаниях явились в конечном итоге одним из частных опосредованных последствий общей индустриальной модернизации российского общества, происходившей на протяжении всей эпохи империи и сопровождавшейся существенной трансформацией социально-экономических отношений.

Эти процессы потенциально увеличивали количество противоречий, требовавших судебного разрешения, а сложность и содержательная новизна таких противоречий объективно повышали заинтересованность общества в использовании в правовой системе вообще и в судебной системе в частности методов и способов повышения её эффективности. Существенным ресурсом такого повышения и являлась судебная экспертиза, развитие которой в последующие десятилетия во многом определялось активным внедрением достижений науки и техники.

Глава 2. Эволюция института судебной экспертизы в 1860-1910-е годы: законодательные и правоприменительные аспекты

Уставы Уголовного и Гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. создали необходимые законодательные основания функционирования новой судебной системы. Но только в процессе применения это законодательство могло пройти практическую проверку на адекватность и эффективность установленных правовых норм достижению тех целей, решению тех задач, для которых оно создавалось. Правоприменительная проверка, которую Уставы 1864 г. прошли в 1860-1910-е гг., позволила подтвердить и развить их сильные стороны, но и обнаружить неточности и даже пробелы в содержании уставных норм, а также неверное употребление или ошибочную трактовку отдельных норм в судебных решениях.

Поэтому в основе дальнейшего развития на протяжении 1860-1910-х гг. института судебной экспертизы как важного элемента процессуального права лежало решение двух главных взаимосвязанных задач: 1) устранение неточностей и восполнение законодательных пробелов в экспертном законодательстве; 2) разъяснение судейскому корпусу подлинного смысла и способов применения экспертных правовых норм.

Исследуя эволюцию, которую в течение указанных пяти десятилетий претерпел институт судебной экспертизы, принципиально важно учесть, что определяющее, хотя и опосредованное, воздействие на эволюцию всего процессуального права, как и российского права в целом оказала резко ускорившаяся после 1861 г. системная, прежде всего социально-экономическая, трансформация российского общества в ходе его всесторонней индустриальной модернизации.

Ключевым звеном этой трансформации являлся переход от прежней, присущей аграрному обществу сословной социальной организации, к новой, присущей промышленному обществу классовой социальной организации. Он осуществлялся посредством двух взаимосвязанных, но неравномерных процессов: разложения, распада традиционной сословной структуры и

формирования новой классовой структуры. Одним из следствий относительной длительности и асинхронности этих процессов явилось возникновение в обществе значительной массы промежуточных, уже не в полной мере сословных и ещё не в полной мере классовых слоёв и групп. Для многих их членов в силу крайней неустойчивости материального положения и социального статуса в значительной мере утрачивалась регулирующая роль как прежних ценностных установок, так и новых, находившихся в стадии становления. Данная социокультурная ситуация создавала питательную почву для распространения различных асоциальных, девиантных форм поведения, а, значит, для роста всех видов преступности. Реагируя на такой рост правовыми средствами, государственная власть прибегала, среди прочих мер, и к внесению необходимых изменений в судебную систему, процессуальное законодательство и его правоприменение.

Будучи рассмотрена в таком ракурсе, преступность предстаёт в качестве экономического и социокультурного явления, опосредовавшего для всех институтов процессуального права, включая институт судебной экспертизы, общее воздействие системной трансформации российского общества.

Статистике преступности в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. присуща неполнота, связанная с недостаточно последовательным подходом власти к её сбору и систематизации. В частности, единая система составления статистических отчетов Министерства юстиции, содержавших сведения о преступности, была разработана и начала действовать только с 1871 г. а первый свод таких сведений был подготовлен на материалах 1872 г.[1]

Но другой источник позволяет достаточно определённо установить, что значительный рост преступности в Российской империи стал фиксироваться именно в 1860-е гг., то есть как раз по мере реализации реформ, которые, особенно крестьянская, подрывали основы сословной организации общества.

[1] Свод статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1873. С. 1-4.

Так, в 1860 г. за все виды уголовных преступлений (в европейских и азиатских губерниях, за исключением Царства Польского и Финляндии) были приговорены к различным наказаниям 72489 чел., а за последующие 7 лет (1861-1867) этот показатель лишь единожды оказался несколько меньшим, в остальных случаях заметно превышал данные предшествующего года. В среднем за 7 лет он составил 85686 чел., причем почти 2/3 приговоров были вынесены за имущественные преступления[1].

Устойчивой рост преступности наблюдался все последующие десятилетия, когда происходило ускорение системной трансформации российского общества.

Неодновременность реформы судебных учреждений в различных регионах империи и особый порядок судебно-статистической отчетности в некоторых из них ограничили получение репрезентативных данных по росту преступности в период 1870-1890-х гг. в основном пределами 33 губерний европейской части России. Они были обобщены и исследованы сотрудником Статистического отделения Министерства юстиции Е. Н. Тарновским.

В работе, охватившей период 1874-1894 гг., им был сделан вывод, что «общее число возникших дел как в общей, так и мировой юстиции, с 1876 по 1889 г. возросло на 57%, по 4% ежегодно, тогда как население за то же время увеличилось на 1,5% ежегодно или почти в три раза медленнее». Поскольку с 1889 г. деятельность мировой юстиции были существенно ограничена законом о земских начальниках, то, располагая данными лишь по общим судебным установлениям, Е. Н. Тарновский установил, что до 1894 г. продолжался рост рассматриваемых уголовных дел, но происходивший медленнее, не обгоняя прироста населения[2].

В другой работе, охватившей период 1899-1908 гг. и использовавшей статистические данные, относившиеся практически ко всему пространству

[1] Военно-статистический сборник. Россия. Вып. IV / Под общ. ред. Н. Н Обручева. СПб.: Воен. тип., 1871. С. 899, 904.
[2] Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-94 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 3. Март. С. 123-124.

империи (всем судебным округам), он констатировал новый существенный рост преступности. Например, неуклонно увеличивалось число лиц, осужденных в окружных судах за уголовные преступления: с 55840 чел. в 1899 г. до 92683 чел. в 1908 г., то есть рост за десятилетие составил 66%[1].

Обращение к анализу роста по отдельным видам преступлений, рассматривавшихся в различных судебных установлениях, позволяет сделать важный для нашего исследования вывод о том, что на протяжении 1860-1910-х гг. должен был происходить и рост использования судебной экспертизы, следовательно, лучше выявляться её сильные и слабые стороны.

Например, в 1866 и 1867 гг. были вынесены соответственно 493 и 468 приговоров по делам о подделке монет и ассигнаций, 1704 и 1616 приговоров по делам о смертоубийстве[2]. Но как раз в расследовании обоих этих видов преступлений процессуальное право 1864 г. предусматривало возможность, а в случае убийств и обязанность, практического использования экспертных знаний.

Ростом преступлений против личности, включая убийства, отмечен период 1874-1894 гг. За это время количество таких преступлений выросло в 2,3 раза[3]. Для периода 1899-1908 гг. Е. Н. Тарновским был установлен устойчивый рост следствий, проводимых судебными следователями (во всем судебным округам империи) по делам о мошенничестве, присвоении и подлоге (с 7,8 тыс. до 13 тыс.)[4]. В это же время наблюдался и устойчивой рост числа лиц, осужденных за убийство: 3299 чел. в 1899 г. и 6256 чел. в 1908 г.[5]

---

[1] Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 9. Ноябрь. С. 64.

[2] Военно-статистический сборник. Россия. Вып. IV. С. 903.

[3] Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-94 гг. С. 136.

[4] Он же. Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. С. 66.

[5] Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1899 году в судебных учреждениях, действующих на основании Уставов императора Александра II. В 3 ч. СПб.: Сенат тип., 1902. С. 28; Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1908 год. В 2 ч. СПб.: Сенат. тип., 1911. С. 10.

Во всех этих случаях с большой долей вероятности в судопроизводстве использовались знания сведущих людей.

Количество убийств, по которым выносились приговоры, а, значит, проводились расследования, как правило, использовавшие судебно-медицинскую экспертизу, оставалось на протяжении 1909-1912 гг. сравнительно стабильным, с некоторой тенденцией к росту. Так, число осужденных в общих судебных установлениях за убийство (включая детоубийство) составило: в 1909 г. – 6799 чел., в 1910 г. – 6777 чел., в 1911 г. – 7517 чел., в 1912 г. – 8134 чел. Показательно, что, хотя и сокращался, но оставался в целом довольно высоким уровень преступлений по подделке монет и кредитных знаков, в расследовании которых также, как правило, применялась экспертиза. За этот вид преступлений в 1909 г. были осуждены 420 чел., в 1910 г. – 402 чел., в 1911 г. – 342 чел., в 1912 г. – 288 чел.[1]

Наконец, следует принять во внимание, что происходил не только устойчивый количественный рост преступности, но она претерпевала и качественные изменения: способы и методы совершения таких преступлений, как, например, убийств (отравление, имитация самоубийства) или подлогов различных документов (использование химических средств) также совершенствовались, что в свою очередь требовало усовершенствования и судебной экспертизы, в частности, за счёт использования новых криминалистических средств[2].

---

[1] Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1909 год. В 2 ч. СПб.: Сенат. тип., 1912. С. 7-8; Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1910 год. В 2 ч. СПб.: Сенат. тип., 1913. С. 8; Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1911 год. В 2 ч. СПб.: Сенат. тип., 1914. С. 7; Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1912 год. В 2 ч. СПб.: Сенат. тип., 1915. С. 6-7.

[2] См.: § 3.2 настоящей диссертации.

Таким образом, рассмотренные фактические данные позволяют сделать общий вывод о воздействии роста преступности, являвшегося одним из следствий социально-экономической трансформации российского общества 1860-1910-х гг., на повышение значимости и применимости института судебной экспертизы. В свою очередь те или иные сложности, возникавшие в практическом применении уставных экспертных норм, влекли за собой коррекционную деятельность власти, как в отношении содержания самих норм, так и правильности их трактовок на местах, следствием чего явилась общая эволюция данного процессуального института.

В настоящей главе она исследуется под двойным углом зрения: во-первых, изменений, происходивших непосредственно в экспертном законодательстве, во-вторых, коррекции правоприменительной судебной деятельности, осуществлявшейся Правительствующим Сенатом в лице его Уголовного и Гражданского Кассационных департаментов.

2.1. Судебная экспертиза в составе уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства России

После Свода законов Российской империи 1857 г. власть в силу сложности и непрактичности полных переизданий предпочла осуществлять систематизацию текущей законодательной деятельности с помощью публикации годовых и сводных Продолжений Свода. В 1884 г. все изменения, произошедшие в составе обоих Уставов, были отдельно систематизированы в официальной публикации под общим названием «Судебные Уставы императора Александра Второго издания 1883 года»[1].

Но, с одной стороны, потребности судебной системы, с другой стороны, непрерывные изменения в текущем законодательстве, вызвали в 1892 г. новую частичную систематизацию процессуального права в форме издания дополнительного XVI т. к Своду законов Российской империи. В его первой части были помещены судебные Уставы 1864 г. со всеми последовавшими к

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1887 (далее – ПСЗ-3). Т. IV. № 2153. С. 227.

этому времени дополнительными узаконениями, а также Правила об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, где было введено Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. Во второй части было помещено дореформенное судебное законодательство, продолжавшее действовать в это время в 6 губерниях и двух генерал-губернаторствах империи, где Уставы 1864 г. не были введены в действие[1].

В дальнейшем все изменения, вносившееся в Уставы законодателем, находили отражение в различных Сводных Продолжениях, издававшихся вплоть до 1914 г. В этом году состоялось последнее в эпоху Российской империи официальное отдельное издание действовавших Уставов уголовного и гражданского судопроизводства.

Так как именно в изданиях 1892 и 1914 гг. были наиболее полно представлены происходившие законодательные изменения, в том числе и в области судебной экспертизы, то представляется научно оправданным рассмотреть законодательную эволюцию института судебной экспертизы на протяжении 1860-1910-х гг. с помощью подробного анализа содержания обоих Уставов в их изданиях 1892 и 1914 гг.

При этом следует учитывать, что общая позиция российской законодательной власти заключалась в поддержании максимальной стабильности нового процессуального права, что должно было облегчить адаптацию к его применению и судейского корпуса, далеко не всегда, особенно в первые десятилетия реализации реформы, обладавшего должным уровнем профессиональных знаний и умений, и массового правового сознания. Такая установка вела к тому, что к внесению изменений в действовавшие Уставы власть прибегала крайне редко, по всей видимости, только тогда, когда практика их правоприменения представляла для этого убедительные доказательства.

---

[1] Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830-1899. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 46; Майков П. М. О Своде законов Российской империи. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1905. С. 191-192.

Судебная экспертиза в Уставе Уголовного судопроизводства изданий 1892 и 1914 гг.

Сложность положения, создавшегося в правоприменении Устава уголовного судопроизводства, заключалась в значительной степени в том, что «в области уголовного процесса было все ново: не только учреждения и формы были новы, но самые основные начала были диаметрально противоположны началам дореформенного процесса»[1].

Это вызвало на первых порах осторожность судейского корпуса в широком использовании тех правовых институтов, которые ранее применялись редко и от случая к случаю, включая институт судебной экспертизы, столь существенно увеличивший своё представительство в законодательстве и – потенциально – в непосредственном судопроизводственном процессе.

Лишь по мере расширения его применимости и накопления необходимого опыта стали обнаруживаться некоторые, пусть и не слишком значительные, но пробелы или неточности, однако от их обнаружения до принятия законодательных решений оказывалась достаточно заметная временная дистанция.

Изменения экспертного законодательства, систематизированные в Уставе уголовного судопроизводства издания 1892 года

Мировое судопроизводство

Из 5 экспертных статей, относившихся к судопроизводству в мировых судебных установлениях (Книга I), 4 статьи (ст. 112, 113, 114, 192) в издании УУС 1892 г. были воспроизведены без изменений.

Последние затронули лишь ст. 193, где устанавливался порядок вознаграждения участников суда, в число которых входили и сведущие люди. Основанием изменений послужило утверждённое 11 января 1877 г.

[1] Гогель С. К. Правотворческая деятельность Сената в области уголовного права // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911 гг.: в 5 т. СПб.: Сенат. тип., 1911. Т. IV. С. 402.

Александром II мнение Государственного совета «О вознаграждении сведущих людей и переводчиков, призываемых в судебные установления»[1]. Согласно этому документу, ст. 193 получила новую формулировку: «Призываемые в судебные установления переводчики с иностранных языков и сведущие люди, не исключая и врачей, когда сии последние приглашаются к следствию или суду в месте их пребывания, получают вознаграждение за их труды по правилам, определенным в статьях 529, 530, 531, 860 и 862 Устава гражданского судопроизводства. Вознаграждение сие выдается из сумм, назначаемых по смете Министерства юстиции на путевые издержки чиновникам судебного ведомства и лицам, вызываемым судебными учреждениями в качестве свидетелей»[2]. Тем самым законодатель уравнял в вопросах вознаграждения сведущих людей, участвовавших в обоих видах судопроизводства, уголовном и гражданском, а также фактически причислил к людям, исполняющим экспертные функции, переводчиков. Как видно потребовалось больше десяти лет, чтобы власть убедилась в целесообразности такой коррекции законодательства, хотя, например, переводчики по необходимости использовались в уголовных делах и в дореформенных судах.

Некоторое время спустя был отдельно уточнён статус врачей в соответствие с новым содержанием ст. 193. В указе Сената 7 июня 1879 г. врачи, участвовавшие в судебно-медицинской экспертизе, были поделены на два разряда: должностных лиц (судебные врачи, члены врачебного отделения губернского правления), которые выполняли свои обязанности по долгу службы и без вознаграждения; врачи, приглашаемые к следствию как частные

[1] ПСЗ-2. Т. LII-I. № 56831. С. 54-55. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, согласно ст. 53 и 54 Основных государственных законов, являлось одной из форм издания законов в Российской империи. – СЗ-1857. Т. I. Ч. I. Основные государственные законы. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. С. 13-14.

[2] Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами министра юстиции / Под ред. М. Шрамченко. Изд. неофиц. (далее – УУС. Изд. 1892). СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1899. С. 263-264. Полностью идентичное воспроизведение в данной публикации официального текста УУС 1892 г. позволяет использовать его как источник.

лица, чьё участие имело материальное вознаграждение[1]. Следовательно, вознаграждение по силе ст. 193 могли получить лишь врачи, отнесённые Сенатом ко второму разряду.

Другое изменение, затронувшее участие сведущих людей в мировом судопроизводстве, было связано со ст. 140, где прежде сведущие люди не фигурировали. Она входила в число статей, регулировавших в Уставе 1864 г. порядок вынесения заочных приговоров за проступок, наказание за которое полагалось не свыше ареста (ст. 133-141)[2].

В 1888 г. министерство юстиции предложило внести в это законодательство изменение, направленное на упрощение вынесения заочных приговоров по малозначимым делам[3]. 15 февраля 1888 г. последовало утверждение Александром III мнения Государственного совета «Об изменении и дополнении правил Устава уголовного судопроизводства о заочном разбирательстве»[4], положения которого относились и к мировым судам, и к общим судебным местам. В законодательстве о мировых судах была изменена ст. 140: «С принятием отзыва мировой судья назначает день для нового разбирательства, о чем извещает стороны с объявлением последствий неявки. Из допрошенных уже свидетелей и сведущих людей вызываются к сему разбирательству лишь те, передопрос коих мировой судья признает необходимым»[5]. В результате в ст. 140 появились сведущие люди, которые прежде в ней не упоминались. Конечно, это изменение имело второстепенный характер, но оно позволило впредь относить ст. 140 к категории экспертных статей на стадии мирового судопроизводства, что увеличило число таких статей в издании 1892 г. до 6.

---

[1] Игнатовский А. С. Судебная медицина. Вып. I. С. 25-26. Данный сенатский указ не был включен в состав Полного собрания законов.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 225.
[3] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под общ. ред. М. Н. Гернета. М.: Скоропеч. А. А. Левинсона, 1916. Вып. V. С. 1380-1381.
[4] ПСЗ-3. Т. VIII. № 5009. С. 54-55.
[5] УУС. Изд. 1892. С. 174-175.

Но следует отметить, что вскоре применимость всех этих статей, как и мирового судопроизводства в целом, резко сократилась в силу введения в 1889 г. в 37 губерниях империи (из 77), главным образом находившихся в Европейской части, института земских участковых начальников[1]. В этих губерниях мировые суды в сельской местности прекратили свою деятельность, ранее входившие в их компетенцию незначительные уголовные (и гражданские) дела перешли в ведомство земских начальников. В губернских и уездных городах мировые судьи были заменены единоличными городскими судьями, в ведомство которых перешли и соответствующие уголовные дела[2].

Судопроизводство в общих судебных местах

Из 56 экспертных статей в Книге II различным изменениям подверглись 9 статей: ст. 326, 345, 353, 355, 692, 879, 977, 978, 979. Кроме того, в издание 1892 г. вошли четыре новые статьи, касавшиеся сведущих людей, – ст. 355^{1}, 834^{6}, 879^{1}, 978^{1}.

Изменения, вносившиеся в указанные статьи, были двоякого рода: редакторские, когда в тексте учитывались официальные изменения названия учреждений или выбирались лексически более точные частные формулировки, и содержательные, когда изменения в той или иной мере затрагивали собственно функции сведущих людей в судопроизводстве. Однако провести чёткое разделение между ними удаётся не всегда, так как эти два вида изменений могли совмещаться в одной статье.

Типичным примером редакторской правки правовых норм может служить учёт последствий структурных изменений, происходивших за истекший период времени в государственных учреждениях.

Так, в связи с тем, что в 1865 г. функции Врачебной управы в губерниях перешли в ведение Врачебного отделения Губернского правления[3], в ст. 345 было указано, что копия свидетельства об осмотре должна пересылаться не во

[1] ПСЗ-3. Т. IX. № 6195. С. 508.
[2] Там же. № 6196. С. 515, 525.
[3] ПСЗ-2. Т. XL. Отд. I. № 42180. С. 634.

Врачебную управу (как раньше), а во Врачебное отделение[1]. Очевидно, что это изменение носило чисто формальный характер, так как никак не затрагивало собственно функциональную роль врачей при осмотре мёртвого тела.

Не повлёк изменения роли врачей и ряд нормативных новшеств, вошедших в издание 1892 г. и касавшихся освидетельствования безумных и сумасшедших лиц, совершивших преступление. По всей видимости, власть была вынуждена обратиться к подробному регулированию этого вопроса в связи с возникновением в судопроизводственной практике коллизий, не находивших полноценного разъяснения в УУС 1864 г. (ст. 353-356).

Первое по времени изменение такого рода явилось следствием упомянутой выше реорганизации Врачебных управ.

В ст. 355 в новой формулировке освидетельствование должно было осуществляться «через врачебного инспектора или его помощника и двух врачей по назначению Врачебного отделения». Кроме того, в Санкт-Петербурге и Москве освидетельствование проводилось особым порядком, а именно: инспектором Врачебного управления градоначальства и двумя врачами, назначенными этим управлением (С.-Петербург), начальником Московского Врачебного управления и двумя врачами, назначенными этим же управлением. К ст. 355 также было добавлено примечание (основанное на указе 15 марта 1871 г. «О порядке освидетельствования безумных и сумасшедших в Окружных судах, находящихся не в губернском городе»[2]), согласно которому такое освидетельствование могло проводиться без участия врачебного инспектора или его помощника двумя врачами, назначенными губернским Врачебным отделением, но суд мог также приглашать и третьего врача по своему собственному усмотрению[3].

Согласно закону 27 апреля 1882 г. «О порядке освидетельствования состояния умственных способностей лиц, привлекаемых к уголовной

---

[1] УУС. Изд. 1892. С. 338.
[2] ПСЗ-2. Т. XLVI. Отд. I. № 49362. С. 204.
[3] УУС. Изд. 1892. С. 340-341.

ответственности»[1], изменения (примечания) вносились в ст. 353 и 692. В ст. 353: «В разъяснение статей 353-356 постановлено: правила, содержащиеся в статьях 353-356 сего Устава, применяются как к случаям совершения преступлений не в здравом рассудке или в умственном расстройстве, так равно и тогда, когда обвиняемый впадет в такое болезненное состояние после совершения преступного деяния»[2]. В ст. 692: «Освидетельствование состояния умственных способностей обвиняемых, обнаруживших признаки безумия или сумасшествия или болезненных припадков, приводящих в умоисступление или совершенное беспамятство, в промежуток времени между приданием суду и обращением приговора к исполнению, производится Окружным судом с соблюдением правил, изложенных в статье 355 и в примечании к оной»[3].

По тому же закону в Устав включалась новая ст. 355[1], где устанавливалось, что «когда по предварительному следствию откроются обстоятельства, дающие повод предполагать, что обвиняемый учинил преступное действие в припадке болезни, приводящем в умоисступление или совершенное беспамятство, а также если признаки означенной болезни или умственного расстройства обвиняемого окажутся после заключения предварительного следствия, но прежде придания суду, то обвиняемый подвергается освидетельствованию и делу о нем дается направление в порядке, определенном статьями 353-356 сего Устава»[4]. Эта статья дополнила содержание ст. 353 случаями, когда обвиняемый не был изначально безумцем или сумасшедшим, а совершил преступление в припадке душевной болезни или она обнаружилась у него позднее.

Изменения не затронули собственно экспертных функций врачей, привлекавшихся к этому виду освидетельствования, но имели несомненное

[1] ПСЗ-3. Т. II. № 826. С. 176-177
[2] УУС. Изд. 1892. С. 339-340.
[3] Там же. С. 538; ПСЗ-3. Т. II. № 826. С. 177.
[4] УУС. Изд. 1892. С. 342.

значение с точки зрения расширения их участия во всех возможных ситуациях, возникавшие в судопроизводстве, когда обвиняемый оказывался безумным или сумасшедшим. Данная экспертная ситуация приобрела законченность и одновременно законодателем была вновь подтверждена значимость врачебной уголовно-судебной экспертизы.

В то же время другое изменение – в ст. 326 ввело дополнительное ограничение круга сведущих лиц, участвовавших в судебно-медицинской экспертизе, посредством исключения из их числа женщин, получивших полное медицинское образование. Такое образование с 1872 г. осуществлялось на женских врачебных курсах сначала при Военно-медицинской академии, а затем при Николаевском военном госпитале. Высочайшим повелением 5 августа 1882 г., принятым по представлению военного министра, эти курсы были упразднены, но за обучавшимися было сохранено право своё образование полностью завершить[1]. В результате последний выпуск состоялся в 1887 г., и за всё время действия курсов полное образование получили свыше 600 женщин[2]. Поскольку им было предоставлено право заниматься врачебной деятельностью, то встал вопрос о пределах этого права. 2 августа 1890 г. императором были утверждены «Правила о правах лиц женского пола, окончивших образование на упраздненных женских врачебных курсах при Николаевском военном госпитале». Им было предоставлено «право свободной вольной практики по приглашению желающих пользоваться их советами», но было специально оговорено, что «к исполнению обязанностей врачей в Присутствиях по воинской повинности и в судебно-медицинской экспертизе» они не допускаются[3]. Следствием этого решения явилось дополнение ст. 326, где перечислялись категории сведущих людей, примечанием: «Женщины-врачи к судебно-медицинской экспертизе не допускаются»[4].

---

[1] ПСЗ-3. Т. II. № 1049. С. 375.

[2] Женские врачебные курсы // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Тип.-лит. И. А. Ефрона, 1894. Т. XI[A] . С. 864-865.

[3] ПСЗ-3. Т. X. Отд. I. № 7072. С. 635.

[4] УУС. Изд. 1892. С. 333.

Появление новой ст. 834[6] («С принятием отзыва суд назначает день для нового разбирательства, о чем извещает стороны с объявлением последствий неявки. Из допрошенных уже свидетелей и сведущих людей к сему разбирательству вызываются лишь те, передопрос коих суд признает необходимым»[1]), содержание которой было идентично содержанию ст. 140, явилось следствием ранее упомянутого закона 15 февраля 1888 г.[2] В результате процедура заочных приговоров обрела логическую законченность, что и было подтверждено созданием в Кн. II. Разд. IV. Гл. IX УУС нового Отд. V. «О заочных приговорах» (ст. 834[1]-834[9])[3].

Содержание ст. 879 Устава 1864 г. редакторами издания 1892 г. было включено в новую ст. 879[1], а ст. 879 приняла иное, чем прежде, содержание: «О дне, назначенном для слушания дела в Судебной палате, подсудимые и другие лица, участвующие в деле, уведомляются повестками по месту пребывания, показанному в деле, и могут явиться лично или чрез поверенных. Неприбытие подсудимых или участвующих в деле лиц не останавливает доклада и решения дела, за исключением лишь случаев, указанных в статье 879[1]»[4]. Таким образом, содержательно новой статьей следует считать именно ст. 879, вводившую новую правовую норму, в то время как в формально новой ст. 879[1] полностью воспроизводилась уже действовавшая с 1864 г. правовая норма. Оба изменения явились следствием утверждённого императором мнения Государственного совета «Об извещении сторон о времени слушания дел в Мировых съездах и Судебных палатах» (28 января 1892 г.)[5].

Два изменения явились следствием выше упоминавшегося (в ст. 193) закона «О вознаграждении сведущих людей и переводчиков, призываемых в судебные установления» (11 января 1877 г.)[6]. Добавление к сведущим людям

[1] УУС. Изд. 1892. С. 685.
[2] См.: с. 103 настоящей диссертации.
[3] ПСЗ-3. Т. VIII. № 5009. С. 55.
[4] УУС. Изд. 1892. С. 706.
[5] ПСЗ-3. Т. XII. № 8267. С. 47.
[6] ПСЗ-2. Т. LII. Отд. I. № 56831. С. 54.

переводчиков, осуществленное в ст. 193, было повторено в статьях, относившихся к судопроизводству в общих судебных установлениях.

Во-первых, в ст. 977 к прежнему перечислению лиц («сведущие люди, свидетели и другие лица»), вознаграждение которых производилось из приговорённых к платежу судебных издержек, были добавлены «переводчики с иностранных языков»[1]. Во-вторых, в УУС была введена новая ст. 978[1]: «Призываемые в судебные установления переводчики с иностранных языков и сведущие люди, не исключая и врачей, когда сии последние приглашаются к следствию или суду в месте их пребывания, получают вознаграждение за их труды по правилам, определенным в статьях 529, 530, 531, 860 и 862 Устава гражданского судопроизводства. Вознаграждение сие выдается из сумм, назначаемых по смете Министерства юстиции на путевые издержки чиновникам судебного ведомства и лицам, вызываемым судебными учреждениями в качестве свидетелей»[2].

Появление примечания к ст. 978 явилось следствием важного новшества в организации экспертного дела – создания (в соответствии с утверждённым императором 9 ноября 1892 г. мнением Государственного совета) Судебно-фотографической лаборатории при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты[3]. Согласно примечанию, на лиц этой новой структуры было распространено предусмотренное в данной статье возмещение экспертных издержек, относившееся к врачам, проводившим исследование не по месту их постоянного нахождения: «Присяжный фотограф и его помощник (Учр. суд. уст ст. 429[1]-429[3]) в случае призыва их для судебно-фотографических исследований не в месте их пребывания получают деньги на прогоны и содержание в пути по классу занимаемой ими должности»[4].

[1] УУС. Изд. 1892. С. 765.
[2] Там же. С. 766.
[3] См. подробнее: с. 194-195 настоящей диссертации.
[4] ПСЗ-3. Т. XII. № 9024. С. 632; УУС. Изд. 1892. С. 766.

Наконец, следует отметить одно изменение формального характера: в ст. 979 исчезло упоминание сведущих людей. Оно явилось одним из следствий ранее упоминавшегося закона 11 января 1877 г.[1], поскольку этот закон распространялся на возмещение издержек и тем сведущим людям, которые участвовали в судопроизводстве в общих судебных местах[2]. В итоге ст. 979 утратила экспертный характер.

Таким образом, после всех изменений общее число экспертных статей в Кн. II издания 1892 г. составило 59 статей.

В Кн. III изменения были внесены в ст. 1161, но они имели редакторский характер, заменив прежде указанные в ней учреждения, производившие исследования поддельных монет и кредитных бумаг. Это произошло в силу двух законодательных актов. Согласно первому от 28 ноября 1872 г., в эту статью было внесено изменение, установившее, что по делам о подделке кредитных бумаг последние должны посылаться для испытания «в то учреждение, из которого бумаги значатся выпущенными в обращение»[3]. 17 декабря 1885 г. императором были утверждены «Правила о С.-Петербургском Монетном дворе», в которых устанавливалось, что к его обязанностям, среди прочего, относилось «исследование по требованиям судебных установлений сомнительных пробирных клейм, монеты и орудий ее подделки»[4]. В результате этих законодательных решений в издании УУС 1892 г. ст. 1161 приобрела следующее содержание: «По делам о подделке монет и кредитных бумаг поддельные монеты и орудия их подделки отсылаются для исследования в С.-Петербургский Монетный двор, а кредитные бумаги – в то учреждение, из которого они значатся выпущенными в обращение»[5].

Из таких формулировок следовало, что исследованиями будут заниматься соответствующие специалисты в данных учреждениях, де-факто

---

[1] См.: с. 102 настоящей диссертации.
[2] УУС. Изд. 1892. С. 767-768.
[3] ПСЗ-2. Т. XLVII. Отд. II. № 51587. С. 1028.
[4] ПСЗ-3. Т. V. № 3381. С. 519.
[5] УУС. Изд. 1892. С. 866.

исполняя тем самым функции сведущих людей. Значит, эта статья заслуживает отнесения к экспертным статьям.

Таким образом, после всех изменений, произведённых законодателем в экспертном уголовно-процессуальном законодательстве на протяжении 1865-1892 гг., в УУС издания 1892 г. стало не 63, а 67 статей, относившихся с разной степенью функциональной значимости к использованию в уголовном судопроизводстве специальных знаний сведущих людей.

Изменения экспертного законодательства, систематизированные в Уставе уголовного судопроизводства издания 1914 года

Последующие, после официального издания 1892 г., изменения в экспертных статьях УУС, являвшиеся, как и прежде, главным образом реакцией законодателя на обнаруженные судебной практикой частные пробелы или неточности в действующих нормах, эти нормы лишь дополняли и уточняли, сохраняя их правовой смысл.

В УУС 1914 г. в сравнении с изданием 1892 г. такие изменения затронули 6 статей, кроме того, появились пять новых статей, а действие двух статей было дополнительно распространено на сведущих людей.

Мировое судопроизводство

Изменения, произошедшие в составе Кн. I, в основном явились следствием издания 15 июня 1912 г. закона «О преобразовании местного суда». В результате ликвидации института земских участковых начальников, осуществлённой этим законом, должно было произойти восстановление практически в прежнем (до 1889 г.) виде мирового судопроизводства. Последнее, однако, нуждалось в адаптации к переменам, произошедшим в обществе за два десятилетия его фактического отсутствия, и она была проведена законодателем в форме различных изменений в содержании статей изд. 1892 г. и введения новых статей. В УУС такие изменения произошли почти в 90 статьях, появились более 20 новых статей[1].

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37328. С. 694-705.

Изменения затронули две экспертные статьи – ст. 114, 192, и была добавлена новая статья 114¹, которую можно отнести к экспертным[1].

В ст. 114, где вводилось денежное взыскание не свыше 25 руб. для понятых и сведущих людей «за неявку к осмотру, освидетельствованию или обыску», во-первых, к этому определению было добавлено уточнение – «за неявку по требованию мирового судьи», во-вторых, к понятым и сведущим людям были добавлены «переводчики и толмачи»[2].

В ст. 192, устанавливавшей, что свидетели и сведущие люди, чтобы получить вознаграждение за путевые издержки, должны были «объявить о том по окончании допроса или того действия, для которого они призваны», эта норма была существенно уточнена следующим образом: свидетели и сведущие люди были «должны объявить о том до окончания назначенного на этот день судебного заседания»[3].

Оба изменения следует расценивать в качестве учёта в законодательстве интересов сведущих людей, так как решение вопросов об их передопросе или вознаграждении приобретало бóльшую определённость, и в вопросе вознаграждения к ним приравнивались переводчики и толмачи. Особенное значение имело изменение времени обращения за вознаграждением, поскольку, отмечалось в комментарии к этой статье, эксперты ранее часто пропускали момент его подачи[4].

Содержание новой статьи 114¹, вопреки её нумерации, никак не было связано со ст. 114: «Если окажется, что обвиняемый не имеет здравого рассудка или страждет умственным расстройством, то Мировой судья,

---

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37328. С. 697, 700, 703.

[2] УУС. Изд. 1892. С. 145-146; Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями. С объяснениями по решениям Уголов. Кас. Деп. Правительствующего Сената по 1916 год / Сост. Д. А. Каплан. Изд. 2-е, испр., доп. и вновь обраб. (далее – УУС. Изд. 1914). Екатеринослав: Тип. И. Е. Коган, 1916. С. 114. Полностью идентичное воспроизведение в данной публикации текста УУС 1914 г. позволяет использовать его как источник.

[3] УУС. Изд. 1892. С. 263; УУС. Изд. 1914. С. 206.

[4] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1914. Вып. II. С. 479.

удостоверясь в том, как чрез освидетельствование обвиняемого врачом, так и чрез расспрос обвиняемого и тех лиц, коим ближе известен образ действий и суждений его самого, его родителей и ближайших родственников, передает все производство по означенному исследованию прокурору Окружного суда для освидетельствования обвиняемого в сем суде»[1]. Возможность отнесения этой статьи к экспертным делает упоминание в ней врача, функционально выполнявшего в данном случае роль эксперта. По всей видимости, введение такой нормы в мировое судопроизводство являлось логическим продолжением присутствия аналогичных норм в судопроизводстве в окружных судах[2], а её нумерация носила, скорее всего, не принципиальный, а чисто технический характер.

Все три изменения имели, конечно, второстепенный характер. Но их значимость ещё в большей степени нивелировалась тем, что, согласно закону 26 июня 1913 г., преобразование местного суда вводилось в полном объёме с 1 января 1914 г. только в 10 российских губерниях (преимущественно юго-западных)[3]. На остальном пространстве империи в силу вступали лишь отдельные положения закона 15 июня 1912 г., среди которых экспертных статей, как, впрочем, и большинства других нововведений в мировом судопроизводстве, не оказалось.

Судопроизводство в общих судебных местах

Всего из 59 экспертных статей, входивших в состав Кн. II, изменения в сравнении с изданием 1892 г. произошли в 4 статьях (ст. 348, 691, 978, 986). Появились 3 новые статьи (ст. 356^5, 356^6, 643^1), относившиеся к сведущим людям, и на них было распространено действие ст. 643 и 644. В результате общее количество экспертных статей увеличилось до 64.

Наиболее значимый характер имели изменения, внесённые в ст. 691, 978 и 986, так как они закрепляли некоторые практические последствия

[1] УУС. Изд. 1914. С. 114.
[2] См.: с. 106 настоящей диссертации.
[3] ПСЗ-3. Т. XXXIII. Отд. I. № 39582. С. 643-644.

произошедшего в 1912 г. важнейшего качественного преобразования в организации экспертной деятельности в России – создания Кабинетов научно-судебной экспертизы[1].

Согласно закону 28 июня 1912 г. «Об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы», было внесено изменение в ст. 978 УУС в виде новой формулировки примечания к ней[2]: «Управляющий Кабинетом научно-судебной экспертизы и его помощники (Учр. Суд. Уст., ст. 429²) в случае призыва их для исследований не в месте нахождения Кабинета получают деньги на прогоны и содержание в пути по классу занимаемой ими должности»[3].

Согласно закону 4 июля 1913 г. «Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе», изменения вносились в ст. 691 и 986.

В ст. 691 (изд. 1892 г.) устанавливалось, что «сведущие люди, производившие судебно-химические или микроскопические исследования не в месте судебного следствия, не вызываются в заседание суда для объяснений, а заменяются местными врачами, фармацевтами или иными сведущими людьми». Норма была дополнена: «То же правило распространяется и на должностных лиц кабинетов научно-судебной экспертизы (Учр. Суд. Уст., ст. 429²) в случае рассмотрения дела не в месте нахождения кабинета»[4]. К ст. 986 было добавлено примечание: «В кабинетах научно-судебной экспертизы (Учр. Суд. Уст., ст. 429¹) исследования по делам уголовным производятся бесплатно»[5].

Изменение в ст. 348 имело чисто технический характер, так как касалось действий судебного следователя, а не врача, производившего исследование

[1] Создание и деятельность кабинетов научно-судебной экспертизы рассматривается в § 3.2 настоящей диссертации. См.: с. 196-212.
[2] О формулировке данной нормы в изд. 1892 г. см.: с. 109 настоящей диссертации.
[3] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37567. С. 991; УУС. Изд. 1914. С. 680.
[4] УУС. Изд. 1892. С. 538; УУС. Изд. 1914. С. 460.
[5] УУС. Изд. 1914. С. 682.

мёртвого тела. 23 марта 1912 г. император утвердил закон «Об изменении порядка производства публикаций по судебным и некоторым административным делам», в соответствие с пунктом VII которого в ст. 348, регулировавшей действия судебного следователя в случае, когда предварительные сведения не обнаружат кем был умерший, появилась новая формулировка. Если раньше судебный следователь передавал статью об этом для «припечатания в местных губернских или полицейских ведомостях», то теперь он «представлял суду об учинении публикации, который делает распоряжение о припечатании статьи о том в повременном издании, избираемом по его усмотрению»[1].

Три новые статьи устанавливали привлечение сведущих людей к освидетельствованию обвиняемого малолетнего или несовершеннолетнего на предмет его сумасшествия или безумия. Они явились следствием утверждённого императором 2 июня 1897 г. мнения Государственного совета «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости». Согласно этому документу, подробно регламентировались действия судебного следователя и Окружного суда, в частности, вводились дополнительные ст. 356^{1}-356^{6} и ст. 643^{12}.

В ст. 356^{5} устанавливалось, что на заседание суда «вызываются в качестве сведущих людей: врачи, воспитатели, учителя или вообще лица, занимающиеся или занимавшиеся воспитанием юношества», а также свидетели. В ст. 356^{6} – что «если откроются обстоятельства, дающие повод предполагать, что обвиняемый несовершеннолетний лишен здравого рассудка или страждет умственным расстройством, или что он учинил преступное деяние в припадке болезни, приводящей в умоисступление или совершенное беспамятство, то в распорядительном заседании производится освидетельствовании обвиняемого с соблюдением правил в статье 355 и

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 36739. С. 249; УУС. Изд. 1892. С. 338; УУС. Изд. 1914. С. 273.
[2] ПСЗ-3. Т. XVII. № 14233. С. 357-364.

примечании к ней изложенных»[1]. Ст. 355 предусматривала участие врачей, значит, это предусматривала и ст. 356[6]. В ст. 643[1] устанавливалось, что «правила статьи 643, а также статьи 644 применяются и в случае неявки по требованию суда лиц, указанных в статьях 356[4], 581 и 581[1]»[2]. В одной из указанных статей, а именно в ст. 581, в числе таких лиц упоминались сведущие люди[3]. Следовательно, правила ст. 643-644, где вводились штрафы за неявку в суд без законных причин свидетелей[4], теперь распространялись и на сведущих людей за аналогичное нарушение. По нашему мнению, это может служить, хотя и формальным, но всё же основанием для отнесения этих двух статей к экспертному законодательству.

Наконец, следует учесть, что ещё одна новая экспертная статья – ст. 1035[2°] была введена в УУС в 1904 г. в составе Кн. III. «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства»: Разд. II. «О судопроизводстве по государственным преступлениям». 7 июня 1904 г. император утвердил мнение Государственного совета «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного уложения». Среди прочего, в Отд. II. «Дознание», была введена новая ст. 1035[2°]: «Призываемые к дознанию свидетели, сведущие люди и переводчики получают вознаграждение по правилам сего Устава из сумм, назначаемых по смете Министерства внутренних дел»[5].

Таким образом, после всех рассмотренных изменений в Уставе уголовного судопроизводства 1914 г. общее число экспертных статей составило 74.

Резюмируя проведённый анализ эволюции экспертного уголовного законодательства на протяжении 1860-1910-е гг. необходимо в качестве

[1] ПСЗ-3. Т. XVII. № 14233. С. 362; УУС. Изд. 1914. С. 279.
[2] ПСЗ-3. Т. XVII. № 14233. С. 363; УУС. Изд. 1914. С. 424.
[3] УУС. Изд. 1914. С. 371.
[4] Там же. С. 424.
[5] ПСЗ-3. Т. XXIV. № 24732. С. 661; УУС. Изд. 1914. С. 706.

главного вывода выделить высокий уровень стабильности исходного Устава уголовного судопроизводства.

За 50 лет количество экспертных статей увеличилась лишь на 11 статей (с 63 до 74), то есть увеличение статей составило 17%. Ещё в большей мере об уровне стабильности свидетельствовал другой показатель – лишь 16 из 63 статей УУС издания 1864 г. (25%) подверглись за 50 лет изменениям, следовательно, правовые нормы ¾ статей этого издания сохранились в неизменном виде в издании 1914 г.

Отсюда можно сделать следующие два вывода: 1) о чрезвычайно высоком качественном уровне разработки экспертного законодательства в Уставе уголовного судопроизводства 20 ноября 1864; 2) в целом его соответствии потребностям практического использования института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве на протяжении почти 50 лет.

Ещё один вывод заключается в том, что изменения в экспертном законодательстве, включая и введение новых правовых норм (новых статей), не вносили принципиальных изменений в нормативно-правовую базу экспертизы, а дополняли и уточняли действующие нормы в соответствие с теми запросами, которые предъявляла к экспертизе практика судебного её правоприменения.

Судебная экспертиза в Уставе Гражданского судопроизводства изданий 1892 и 1914 гг.

Устав гражданского судопроизводства, по оценке дореволюционных цивилистов, представлял собой «цельный, тщательно разработанный и отделанный кодекс, последовательно проводящий принципы, целесообразность которых признана наукой и законодательным опытом западноевропейских государств»[1]. Качественный уровень его исполнения во многом обусловил сравнительно небольшое количество изменений, вносившихся в УГС на протяжении 1860-1910-х гг.

[1] Васьковский Е. В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. II. С. 396.

Как отмечалось в предыдущей главе, в Уставе гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. имелись 44 статьи, содержавшие различные нормы, определявшие правила участия в судопроизводстве сведущих людей: 6 – в Книге I. «Порядок производства в мировых судебных установлениях»; 38 – в Книге II. «Порядок производства в общих судебных местах». При этом, напомним, 23 статьи находились в составе одного раздела: Книга II. Раздел I. «Производство в окружных судах».

Изменения экспертного законодательства, систематизированные в Уставе гражданского судопроизводства издания 1892 года

В официальном издании Устава гражданского судопроизводства в составе т. XVI Свода законов Российской империи 1892 г. изменения экспертного законодательства в сравнении с 1864 г. произошли в 5 статьях: ст. 124 в Кн. I и ст. 528, 540, 860, 1005 в Кн. II.

Единственное изменение, относившееся к мировому судопроизводству – в ст. 124, выполненное в виде примечания, касалось не содержания статьи (оно оставалось неизменным), а использования штрафов за неявку сведущих людей: «Взыскания за неявку вызванных Мировыми судьями сведущих людей без уважительных оправданий, а равно за непредставление ими заключения в назначенный срок, обращаются в капитал на устройство мест заключения для подвергаемых аресту в мировых участках»[1]. Изменение вносилось согласно утверждённому императором 19 мая 1869 г. мнению Государственного совета. В соответствие с этим документом аналогичные примечания были добавлены ещё к двум статьям (ст. 91 и 383) УГС, в которых регламентировались аналогичные взыскания за неявку свидетелей[2].

---

[1] Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражд. Кассац. Департамента, Общ. Собрания и Соедин. Присутствия 1-го и Кассац. Департаментов Правительствующего Сената и Циркулярам Министерства Юстиции. Систем. сб. с алфавит. указателем / Сост. В. Гордон. Изд. неофиц. (далее – УГС. Изд. 1892). СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1899. С. 93. Полностью идентичное воспроизведение в данной публикации текста УГС 1892 г. позволяет использовать её как источник.

[2] ПСЗ-2. Т. XLIV. Отд. I. № 47107. С. 436; УГС. Изд. 1892. С. 82, 228.

По всей видимости, целью законодателя являлось не имевшее прямого отношения к судебной экспертизе более рациональное применение средств, получаемых от денежных взысканий за неявку в мировой суд. Подтверждением служит изменение, произведённое в ст. 528 в Кн. II, отличавшееся от рассмотренного только тем, что «взыскания, определяемые на основании сей (528) статьи, обращаются в капитал на устройство общих мест заключения»[1].

Но изменения в ст. 540 и 860 имели содержательный характер.

В ст. 540 устанавливались правила поверки переводов. Двумя актами Государственного совета 1870-х гг. расширялся круг специалистов, привлекавшихся к такой поверке в качестве сведущих людей.

Первый акт – «Об учреждении должности присяжных переводчиков при Окружных судах» (3 июня 1875 г.) изменил всю формулировку этой статьи: «Суд поручает поверку перевода штатному или присяжному переводчику, или сведущему лицу или же отсылает перевод вместе с подлинным актом в местную гимназию или ближайший университет, где есть преподаватели того языка, на коем писан акт, или, наконец, в Министерство иностранных дел»[2].

Второй акт – 11 января 1877 г. «О вознаграждении сведущих людей и переводчиков, призываемых в судебные установления» добавил в эту формулировку ещё два предложения: «Преподаватели гимназий или университетов и другие призываемые в судебные установления переводчики с иностранных языков получают вознаграждение за их труды и возмещение понесенных ими путевых издержек по правилам сего Устава о сведущих людях (ст. 529-531, 860 и 862)»; «Вознаграждение переводчикам Азиатского департамента и Присяжному переводчику производится по правилам, изложенным в Учреждении Судебных Установлений (ст. 426) и в Учреждении Министерств»[3]. По нашему мнению, правовое содержание этих

[1] ПСЗ-2. Т. XLIV. Отд. I. № 47107. С. 437; УГС. Изд. 1892. С. 285.
[2] ПСЗ-2. Т. L. Отд. I. № 54768. С. 574.
[3] ПСЗ-2. Т. LII. Отд. I. № 56831. С. 54-55; УГС. Изд. 1892. С. 288-289.

законодательных уточнений заключалось в фактическом включении переводчиков с иностранных языков, в том числе преподавателей гимназий и университетов, в число сведущих людей, но, естественно, не вообще, а лишь на время их экспертного участия в конкретном судебном процессе.

Ст. 860 содержательно осталась прежней, но к ней добавилось немаловажное примечание: «Вознаграждение Присяжному фотографу и его помощнику (Учр. Суд. Уст. ст. 429¹-429³) определяется на основании правил, постановленных в сей (860) статье»[1]. Это дополнение явилось следствием ранее упоминавшегося[2] законодательного акта 9 ноября 1892 г. «Об устройстве судебно-фотографической лаборатории при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты»[3]. Поскольку в ст. 860 речь шла о вознаграждении сведущим людям, то очевидно, что распространение нормы на присяжного фотографа и его помощника свидетельствовало об их причислении к этой же категории участников гражданского процесса.

Последнее изменение – в ст. 1005 – имело скорее редакторский характер. В статье устанавливались взыскания для лиц, призванных к оценке имущества, но уклонившихся без представления доказательств о законных к тому основаниях. В Уставе 1864 г. это взыскание осуществлялось по ст. 310 Уложения о наказаниях, а в издании 1892 – по ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями[4].

К рассмотренным изменениям следует добавить ещё одно (в сравнении с 1864 г.), явившееся результатом включения в состав УГС новой Книги IV. «Судопроизводство охранительное» (согласно утверждённому Александром II 14 апреля 1866 г. мнению Государственного совета «О порядке производства охранительного»). «Сущность 4-й книги у. г. с., – отмечалось в этом акте, – должна состоять исключительно в определении порядка производства дел по удостоверению или охранению прав частных лиц в тех случаях, когда по

[1] УГС. Изд. 1892. С. 459.
[2] См.: с. 109 настоящей диссертации.
[3] ПСЗ-3. Т. XII. № 9024. С. 632.
[4] УГС. Изд. 1892. С. 528.

действующим ныне законам гражданским требуется в удостоверение воли частных лиц содействие мест или лиц судебного действия»[1].

Среди статей Кн. IV находилась ст. 1415 (Глава I. «О вызове наследников умершего лица и об охранении его имения»), вводившая следующую норму: «Нотариус имеет право приглашать для содействия при составлении описи Судебного пристава, а при оценке, в случае надобности, призывать сведущих людей»[2]. Значит, участие сведущих людей в данной процедуре не имело обязательного характера, определяясь тем, считал это «надобным» нотариус или нет. Н о в случае положительного решения сведущие люди становились участниками судебного процесса, подлежавшего ведению – в зависимости от размера наследства (свыше пятисот руб. или нет) – Окружного суда или участкового мирового судьи (ст. 1409)[3]. Это даёт основание включить ст. 1415 в число экспертных статей УГС.

Таким образом, общее количество экспертных статей в УГС 1892 г. увеличилось с 44 до 45 статей.

Изменения экспертного законодательства, систематизированные в Уставе гражданского судопроизводства издания 1914 года

Дальнейшие изменения, происходившие в статьях УГС в период между двумя его официальными изданиями 1892 и 1914 гг., затронули оба вида судопроизводства, как в мировых, так и в общих судебных установлениях. Они имели различный характер: в Книге I была отменена ст. 56, но появились 6 новых дополнительных статей, частично относившихся к сведущим людям (ст. 109^{8}, 124^{1}-124^{3}, 155^{3}, 155^{5}); в Книге II не было отмен и появления новых статей, но в 5 статьях (ст. 517, 524, 540, 860, 1125) произошли изменения.

Мировое судопроизводство

Все изменения экспертных статей явились, как и в УУС, следствием закона 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда».

---

[1] ПСЗ-2. Т. XLI. Отд. I. № 43187. С. 372-376; УГС. Изд. 1892. С. 662.
[2] ПСЗ-2. Т. XLI. Отд. I. № 43187. С. 373; УГС. Изд. 1892. С. 670.
[3] УГС. Изд. 1892. С. 668.

Наиболее существенный характер, на наш взгляд, имело сокращение экспертного законодательства, вызванное отменой ст. 56[1].

В этой статье в УГС издания 1864 г. устанавливалось, что «в случае спора против показанной в исковой просьбе цены имущества она определяется чрез сведущих людей»[2]. В самом законе 15 июня причины отмены этой статьи (как и ряда других) не объяснялись, но обращение к предыстории разработки этого закона позволило установить, что отмена явилась следствием изменений, внесенных в ст. 274. Последняя не относилась к экспертным, в ней устанавливалось, что «в случае спора против цены иска о праве собственности на недвижимое имение ценою иска признается высшая из цен, показанных тою или другою стороною, но она ни в каком случае не может быть ниже цены, определенной в Уставе о пошлинах для обозначения стоимости недвижимых имуществ в крепостных актах»[3].

При обсуждении в феврале 1912 г. в общем собрании Государственного совета проекта преобразования местного суда было отмечено, что на практике споры о цене иска на недвижимое имущество часто используются ответчиками для затягивания решения дела по существу, что негативно сказывается на деятельности судебных установлений. Поэтому было сочтено полезным упростить содержание этой статьи и тем самым предотвратить впредь затягивание судебного процесса. В результате в законе «О преобразовании местного суда» ст. 274 был придан новый вид, в котором она и вошла в издание УГС 1914 г.: «Предъявленный спор против цены иска о праве собственности на недвижимое имение разрешается судом в первом заседании по делу по соображению доводов сторон и представленных ими к этому заседанию доказательств»[4].

---

[1] Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1914 года. С приложением алфавитного предметного указателя в виде конспекта, составленного Г. В. Бертгольдтом (далее – УГС. Изд. 1914. Бертгольдт). М.: Изд. Юрид. кн. маг. «ПРАВО» Ф. В. Бусыгина, 1915. С. 22.

[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 310.

[3] УГС. Изд. 1892. С. 179.

[4] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37328. С. 678; УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 86.

Но одновременно в общем собрании было отмечено, что новый порядок разрешения спора вступил в противоречие с нормой ст. 56, так как содержавшийся в ней способ решения спора (с использование сведущих людей) потенциально также вёл к затягиванию процесса. Это побудило Государственный совет в целях упорядочивания законодательства признать необходимым отмену ст. 56[1]. Следовательно, отмена ст. 56 не имела каких-либо собственно экспертных причин, проистекая из общего стремления законодателя упорядочить и, по возможности, ускорить ход судебного процесса. Однако отмена данной правовой нормы имела следствием исключение участия сведущих людей в решении достаточно важного гражданско-правового вопроса – спора об исковой цене имущества. Возникновение таких споров было весьма распространённым явлением, особенно в связи с новой волной трансформации аграрных (земельных) отношений (столыпинская реформа). Поэтому данное изменение законодательства можно расценить как, во всяком случае, спорное.

В то же время закон 15 июня отчасти и расширил участие сведущих людей в мировом судопроизводстве.

Так, в числе новых ст. 109[1]-109[9], устанавливавших правила решения в мировом суде спора о подлоге акта, в ст. 109[8] предусматривалась возможность привлечения экспертов: «Сверх способов, указанных в статьях 547, 549-553, исследование акта может быть произведено судебно-фотографическим, химическим или иным техническим способом. В случае надобности мировой судья может отослать акт для исследования к мировому судье ближайшего уездного или губернского города, а для судебно-фотографического исследования – в лабораторию при прокуроре С.-Петербургской судебной

[1] Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшим узаконениям. С систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего Сената и Министерства юстиции с приложением узаконений, цитируемых в Уставе или касающихся применения его, законов 12 марта 1914 г. и алфавитного предметного указателя / Сост. В. Гордон. Изд. 6-ое, испр. и значит. доп. Изд. неофиц. СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1914. С. 313-314.

палаты»[1]. Значит, в последнем случае функции экспертов распространялись на служащих этой лаборатории. Но в связи с образованием Кабинета научно-судебной экспертизы, в состав которого вошла указанная лаборатория, в ст. 109[8] законом 4 июля 1913 г. «Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе» было внесено изменение в последнее предложение: «В случае надобности мировой судья может отослать акт для исследования к мировому судье ближайшего уездного или губернского города, а равно в кабинет научно-судебной экспертизы». В такой форме ст. 109[8] и вошла в УГС 1914 г.[2]

Как видно, привлечение экспертов по-прежнему зависело от того, сочтёт ли это «надобностью» конкретный мировой судья, но в любом случае следует отметить официальное расширение сферы деятельности Кабинета научно-судебной экспертизы ещё на один вид дел, рассматриваемых в мировом судопроизводстве.

Ст. 124[1]-124[3] (содержание ст. 124 осталось прежним), введённые в УГС законом 15 июня 1912 г.[3], по нашему мнению, вносили существенные уточнения в положение сведущих людей среди других участников мирового судопроизводства. Поэтому полезно воспроизвести их полное содержание.

Ст. 124[1]: «Относительно порядка вызова и допроса сведущих людей, отказа их от представления заключений и последствий их неявки соблюдаются правила, установленные для свидетелей». При этом примечание, в издании УГС 1892 г. относившееся к ст. 124, без изменения его содержание было перенесено в примечание к ст. 124[1]. Ст. 124[2]: «Сведущие люди имеют право за вознаграждение за труд свой и отвлечение от занятий в размере не свыше двадцати пяти рублей, независимо от издержек на проведение исследования и путевых расходов на основании ст. 862. Вознаграждение это назначается мировым судьей по просьбе сведущих людей, заявленной до окончания

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37328. С. 686.
[2] Там же. Т. XXXIII. Отд. I. № 39702. С. 721; УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 37.
[3] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37328. С. 686.

назначенного на этот день судебного заседания сообразно с качеством труда, ценою рабочих дней, дальностью переездов, употребленным временем и другими уважительными обстоятельствами. Жалобы сведущих людей на определение мирового судьи относительно вознаграждения не допускаются». Ст. 124³: «Вознаграждение сведущих людей взыскивается первоначально с той стороны, которая просила об освидетельствовании, либо с каждой стороны поровну, если обе стороны о сем просили или если исследование назначено по усмотрению мирового судьи»[1].

В действовавшем до закона 15 июня УГС эти нормы отсутствовали, то есть предусматривалось вознаграждение сведущих людей за их участие в судопроизводстве лишь в общих судебных местах (ст. 529-532, 860), но не в мировом суде. Однако Сенат в своих решениях ранее разъяснял, что от сборов в пользу экспертов мировой суд не освобождён[2]. Поэтому принятие ст. 124¹-124³ позволило устранить имевшийся законодательный пробел и уравнять решение вопроса о вознаграждении экспертов на обоих уровнях гражданского судопроизводства, что потенциально повышало их заинтересованность в участии в мировом правосудии.

Новые ст. 155³ и 155⁵ вошли в число мер, предпринятых в законе 15 июня с технической целью упорядочивания составления протоколов судебных заседаний. В этом вопросе положение сведущих людей было восстановлено практически на том же уровне, который был до издания закона 1889 г. о земских участковых начальниках. Так, в ст. 155³ устанавливалось, что в протокол записываются «вызов сторон, свидетелей и сведущих людей, неявка их и последствия оной», а также «устранение и отвод свидетелей и сведущих людей, приведение их к присяге, сущность их показаний … осмотры, оценки и заключение сведущих людей». В ст. 155⁵ устанавливалось, что «вслед за составлением протокола участвующие в деле лица, свидетели и сведущие

[1] УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 40.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга, 1903. С. 1265.

люди, если они грамотны, подписывают те части общего протокола или те отдельные протоколы, в которых записаны их действия или объяснения»[1]. Значит, и в протокольной части мирового судопроизводства была вновь подтверждена процессуальная значимость сведущих людей.

Остальные четыре экспертные статьи мирового судопроизводства (ст. 119, 122, 123, 148) никаких изменений не претерпели[2]. Но в итоге общее их число в УГС издания 1914 г., несмотря на отмену ст. 56, увеличилось с 6 до 11.

Как нам представляется, данные изменения, уточнив некоторые аспекты участия сведущих людей в мировом процессе, в целом подтвердили, что законодатель, преобразуя местный суд, рассматривал участие экспертов как неотъемлемый элемент этого процесса.

Закон о преобразовании местного суда вводился, согласно закону 26 июня 1913 г., в полном объёме только в 10 российских губерниях. На всём остальном пространстве империи вводились только отдельные положения этого закона, но они в УГС – в отличие от УУС[3] – затронули и некоторые экспертные статьи. Так, в остальных российских губерниях в действовавшем Уставе также была отменена ст. 56 и введены в действие ст. 124^{1}-124^{3}, 155^{5}, то есть бóльшая часть произведенных изменений[4]. На наш взгляд, такая мера законодателя свидетельствовала о понимании им важности поддержания правового единообразия участия сведущих людей в мировом судопроизводстве во всем имперском пространстве.

Судопроизводство в общих судебных местах

Изменения, произошедшие в 5 (из 39 в составе УГС издания 1892 г.) экспертных статьях, относившихся к судопроизводству в общих судебных местах, имели различный характер.

---

[1] УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 50-51; ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37328. С. 687.
[2] УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 39, 40, 48.
[3] См.: с. 113 настоящей диссертации.
[4] Устав гражданского судопроизводства для местностей, в которых введен закон о преобразовании местного суда в неполном объеме / Сост. К. П. Змирлов. Изд. неофиц. СПб.: Изд. Юрид. кн. склада «ПРАВО», 1914. С. IX.

В двух случаях их источником было Высочайше утверждённое мнение Государственного совета от 23 декабря 1896 г. «Об изменении постановлений, определяющих порядок производства местных действий по гражданским делам общей подсудности», внёсшее, в частности, изменения в ст. 517 и 524. В ст. 517, предоставлявшей право суду назначить одного из своих членов для наблюдения в делах, «требующих пространного и сложного исследования», было добавлено: «Если исследование производится вне того города, где находится Окружной суд, то относительно производства онаго соблюдаются правила, изложенные в статьях 500[1]-500[3]». В ст. 524, где в издании 1864 г. устанавливалось, что для проведения исследования чрез сведущих людей не в том месте, где находится суд, назначается «член суда», определение «член суда» было заменено на «лицо, назначенное для производства исследования»[1].

Смысл этих изменений проясняется, если учесть изменение, внесённое тем же актом 23 декабря в ст. 500, и введение новой статьи 500[1]. В них устанавливалось, что поверка доказательств вне города, где находится Окружной суд, в зависимости от расстояния от города может быть поручена члену этого суда или местному уездному члену Окружного суда или участковому мировому судье[2]. Тем самым происходило расширение круга лиц, которым могла поручаться поверка доказательств в случаях, когда исследование через сведущих людей проводилось не в месте нахождения Окружного суда. Данные изменения не касались собственно функций сведущих людей, но вносили некоторые уточнения в порядок организации наблюдения за их деятельностью или поверки предоставленных ими сведений. Поэтому изменения в ст. 517 и 524 следует считать скорее содержательными, чем техническими.

Но два изменения, внесённые в ст. 540, имели очевидный технический характер, поскольку относились не к положению сведущих людей в

[1] ПСЗ-3. Т. XVI. Отд. I. № 13576. С. 804; УГС. Изд. 1892. С. 282; УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 124.
[2] ПСЗ-3. Т. XVI. Отд. I. № 13576. С. 804.

судопроизводстве (конкретно – к вознаграждению штатных и присяжных переводчиков), а к внутренней реорганизации министерства иностранных дел. В ходе первых таких изменений, произведённых 15 декабря 1897 г., Азиатский департамент министерства был переименован в Первый департамент[1]. Второе изменение было произведено 24 июня 1914 г. в соответствии с законом «Об установлении новых Учреждения Министерства иностранных дел и штата центральных установлений этого Министерства». В новом Учреждении, в частности, были перераспределены сферы компетенции Первого и Второго департаментов, в силу чего штатные и присяжные переводчики из прежнего Первого департамента перешли в ведение Второго департамента. То есть это было чисто технико-организационное преобразование, оно и нашло соответствующее отражение в ст. 540 УГС издания 1914 г.[2]

Ранее уже упоминавшееся создание Кабинета научно-судебной экспертизы (закон 28 июня 1912 г.) повлекло за собой правку ст. 860, где устанавливался порядок вознаграждения сведущим людям. В издании 1892 г. такое вознаграждение распространялось на присяжного фотографа и его помощника, и так как теперь эта лаборатория вошла в состав Кабинета, то, согласно новой формулировке, «вознаграждение за исследования, произведенные кабинетом научно-судебной экспертизы (Учр. Суд. Уст., ст. 429[1]), определяется на основании правил, постановленных в сей (860) статье»[3]. Тем самым регулировался один из немаловажных организационно-правовых аспектов деятельности нового экспертного учреждения.

В ст. 1125 имело место не изменение функций сведущих людей по оценке ими среднего количества чистого дохода от недвижимого имения, а уточнение критериев, которыми они должны были в такой оценке руководствоваться: исключался критерий стоимости «земель, отделенных по

[1] ПСЗ-3. Т. XVII. № 14770. С. 688.

[2] Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отдел первый. Второе полугодие. СПб.: Сенат. тип., 1914. № 154. Ст. 1737. С. 2571-2572; УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 127-128.

[3] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37567. С. 990; УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 181.

уставной грамоте под поселение и в пользование крестьянам»[1]. Такое уточнение имело значение для деятельности сведущих людей, поэтому данное изменение экспертной статьи надлежит отнести к содержательным.

Таким образом, в количественном отношении в издании УГС 1914 г. общее число экспертных статей составило 50, то есть увеличилось в сравнении с изданием 1892 г. на 5 статей, а 1864 г. – на 6 статей. Это увеличение, равно как и большинство изменений в конкретных экспертных статьях, имели преимущественно содержательный характер, являлись в большей или меньшей степени реакцией законодателя на практику правоприменения УГС.

Резюмируя проведённый анализ эволюции экспертного гражданского законодательства на протяжении 1860-1910-е гг. необходимо в качестве главного вывода выделить, как и в случае эволюции уголовного законодательства, высокий уровень стабильности исходного Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

За 50 лет количество экспертных статей увеличилась лишь на 6 статей (с 44 до 50), то есть всего на 13%. Различным изменениям за это же время подверглись лишь 8 статей (18%), то есть 82% статей УГС издания 1864 г. продолжали действовать в 1914 г. в том же самом нормативном виде.

Эти показатели служат формальным основанием повторить вывод, что и в случае УУС: Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. в его экспертной части был разработан на высоком качественном уровне, обеспечившем долговременность его правоприменения.

Об этом также свидетельствует, что изменения, произошедшие в действовавшем законодательстве (как в исходных, так и новых статьях) преимущественно его дополняли и уточняли, не внося принципиальных изменений, иногда имея и чисто технический характер.

Значит, справедливо будет, оценивая итоги всего исследования, осуществлённого в первом параграфе второй главы, прийти к общему выводу,

[1] УГС. Изд. 1899. С. 561; УГС. Изд. 1914. Бертгольдт. С. 228.

что законодательные основания института судебной экспертизы, созданного в российском процессуальном праве в ходе судебной реформы 1864 г., доказали свои эффективность и устойчивость даже в условиях кардинальных трансформаций социально-экономической, а с 1905 г. и политической российской действительности, которые происходили на протяжении 1860-1910-х гг. В то же время и текущую законодательную деятельность государства в сфере судебной экспертизы, позволявшую вносить необходимые изменения и дополнения в действовавшее законодательство с учётом запросов судебной правоприменительной практики, следует признать важнейшим фактором, обеспечившим полноценное функционирование института судебной экспертизы в качестве средства повышения достоверности и доказательности судебных решений по уголовным и гражданским делам.

2.2. Кассационная деятельность Сената как инструмент коррекции правоприменения экспертного законодательства

Процессуальное законодательство 1864 г. в силу присущей ему в многих институтах, включая институт судебной экспертизы, правовой новизны в практике правоприменения неизбежно столкнулось с трудностями, связанными, прежде всего, с отставанием от предъявляемых им требований образованности и компетентности значительной части судейского корпуса, особенно в провинции. Неверные употребления или трактовки судьями уставных правовых норм были особенно свойственны первым двум десятилетиям действия Уставов.

Предвидя возникновение подобных сложностей, авторы Уставов предусмотрели создание специального коррекционного механизма, придав высшему судебному органу страны – Правительствующему Сенату – кассационные функции.

В ст. 5 Учреждения судебных установлений 20 ноября 1864 г. устанавливалось, что «Мировые суды, их съезды, Окружные суды и Судебные Палаты рассматривают дела по существу; Правительствующий же Сенат в

качестве верховного кассационного суда, не решая дел по существу в общем порядке судопроизводства, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями Империи»[1].

Для реализации этих функций 16 апреля 1866 г. сенатским указом, изданным по Высочайшему повелению, были созданы Гражданский и Уголовный Кассационные Департаменты и Общее собрание этих департаментов Сената[2]. Задачей данных учреждений было рассмотрение и разрешение спорных дел, поступавших в Сенат по кассации с мест.

По принципу чистой кассации, положенному в основание кассационного производства, поверке в таких делах подлежали лишь те действия суда и приведённые в его решениях суждения, в которых жалобщик усматривал нарушение закона и стеснение его прав. Кассационные органы должны были установить правильность применения судами норм права, содержавшихся в законодательстве, и разъяснить в своём решении их смысл, то есть выполнить функцию их толкования. Каждое решение принималось по конкретному делу и в случае отмены приговора такое дело направлялось для пересмотра в другой конкретный суд или другое отделение того же суда[3].

Следовательно, кассационные решения Сената не обязывали остальные суды страны в схожих делах поступать в соответствии с ними. Как отмечал, например, Н. В. Давыдов, «решения Сената непременной, т. е. обязательной силы для судов не имеют, и значение их зиждется на юридической силе и убедительности даваемых ими разъяснений и толкований закона»[4].

Решения кассационных департаментов официально исходили от Правительствующего Сената, поэтому именно Сенат определялся их

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41475. С. 181.
[2] Там же. Т. XLI. Отд. I. № 43198. С. 386-388.
[3] Рейнке Н. М. Кассационная инстанция // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. II. С. 308, 318.
[4] Давыдов Н. В. Несколько лекций по уголовному процессу. 2-е изд. М.: Т-во скоропечати А. А. Левинсона, 1909. С. 60.

источником (стандартные формулировки решений: «На основании изложенных соображений Правительствующий Сенат определяет», «Вследствие вышеизложенного Правительствующий Сенат определяет» или просто «Правительствующий Сенат определяет»). Практически они разрабатывались в конкретном департаменте Сената и включались в ежегодно публикуемые «Решения Уголовного (Гражданского) Кассационного департамента».

Это издание предназначалось для всех судебных инстанций тех регионов страны, где официально вступили в действие УУС и УГС. Как правило, кассационные решения, принимавшиеся по конкретным судебным делам и ставшие благодаря публикации доступными, неформально учитывались судами на местах, предпочитавшими в спорных правоприменительных случаях ориентироваться на содержавшиеся в «Решениях» разъяснения и толкования конкретных правовых норм.

Поэтому деятельность Уголовного и Гражданского Кассационных департаментов Сената являлась важнейшим инструментом коррекции правоприменительной практики в российской судебной системе.

Порядок рассмотрения кассационных жалоб и протестов был установлен в соответствующих статьях обоих Уставов: ст. 916-933 в УУС[1] и ст. 792-815 в УГС[2]. Кассационные департаменты рассматривали кассации, поданные на окончательные решения территориальных судебных органов: Уголовный – на приговоры Мировых съездов (Съездов мировых судей) и Окружных судов (редко Судебных палат), Гражданский – на решения Мировых съездов (Съездов мировых судей) и Судебных палат (редко Окружных судов).

Среди большого объёма дел, рассматривавшихся Гражданским и Уголовным Кассационными департаментами, нашлось место и делам, в кассационных решениях по которым содержались разъяснения, касавшиеся

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 279-280.
[2] Там же. № 41477. С. 359-361.

правильного понимания и применения экспертных норм права. Такие разъяснения имели немаловажное значение, так как произошло существенное расширение – в сравнении с дореформенным временем – применимости судебной экспертизы, а далеко не все профессиональные судьи способны были правильно истолковать границы и конкретные формы такой применимости.

Чаще всего решения обоих Кассационных департаментов являлись реакцией на жалобы, в которых указывалось на ряд нарушений. Поэтому и разъяснения, в них представленные, обычно относились к нескольким статьям УУС и УГС. Но нами далее будут рассматриваться решения и разъяснения, непосредственно относившиеся именно к экспертным статьям.

Понятно, что далеко не все из реальных ошибок или нарушений, допускавшихся в судебных местах, доходили до кассационной инстанции, некоторые так и оставались неисправленными. Однако анализ решений, принимавшихся Кассационными департаментами, позволяет сформировать репрезентативную картину практической реализации уставного экспертного законодательства и деятельности высшего звена судебной власти по совершенствованию его применения в текущем уголовном и гражданском судопроизводственном процессе в России второй половины XIX – первых десятилетий XX вв.

Нижеследующий анализ решений Уголовного и Гражданского Кассационных департаментов Сената был структурирован, во-первых, по экспертным статьям УУС и УГС, разъяснения по применению которых в этих решениях содержались; во-вторых, по основным элементам, из которых состояли решения: 1) обоснование жалобы – указание судебных нарушений (конкретных статей Уставов), 2) оценка этого обоснования департаментом (признаётся нарушение или нет), 3) разъяснение применения статьи, 4) определение Правительствующего Сената (отменить приговор и отправить дело на новое рассмотрение или жалобу оставить без последствий). Столь подробный анализ диктовался, как практическим неиспользованием в историко-правовой литературе при изучении экспертной деятельности данных

источников, так и возможностью с его помощью представить репрезентативную картину реальных сложностей, возникших в правоприменении экспертного законодательства.

Кассационная практика по экспертным статьям Устава уголовного судопроизводства

Анализ комплекса ежегодных изданий «Решений Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената» за 1866-1914 гг. позволил выявить 47 кассационных решений, содержавших (как правило, среди прочих) разъяснения по применению судами экспертных статей УУС.

В 15 решениях разъяснения были даны по применению экспертных статей, находившихся в составе Кн. I. «Порядок производства в мировых судебных установлениях», в 29 решениях – в составе Кн. II. «Порядок производства в общих судебных местах», в 3 решениях – в составе Кн. III. «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Эти разъяснения относились к 12 (из 71 в издании УУС 1914 г.) экспертным статьям: двум из Кн. I, девяти – из Кн. II, одной – из Кн. III.

Кассационные решения по экспертным статьям Книги I

В решениях Кассационного департамента были сделаны разъяснения по применению из Кн. I ст. 112 (11 решений) и ст. 113 (4 решения).

Такое соотношение, на наш взгляд, явилось следствием различия нормативного содержания этих статей.

В ст. 112 устанавливался самый общий принцип, потенциально применимый для разных случаев участия сведущих людей в мировом судопроизводстве: «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле или каком-либо занятии, приглашаются сведущие люди»[1].

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 223.

Напротив, в ст. 113 правовая норма обладала большей ясностью с точки зрения определения случаев, требующих её применения: «Как количество вреда или убытков, так и цена похищенного, при разногласии о том сторон определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или же по выслушании мнения сведущих людей»[1].

Кассационные жалобы, в которых среди их оснований фигурировали неверные применения судьями ст. 112 и 113, подавались на приговоры Мировых съездов, утвердивших поступившие по апелляциям приговоры мировых судей по делам, подпадавшим под действие Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Мировых съездов (Съездов мировых судей) в С.-Петербурге, Москве, Московской, Курской, Калужской, Рязанской, Подольской, Вятской, Новгородской, Тульской губерниях.

Анализ 11 кассационных решений с упоминанием ст. 112 установил, что в 5 решениях нарушения в применении экспертного законодательства были установлены, приговоры были отменены (но по нарушениям не только экспертных статей) и дела переданы для нового рассмотрения в другие Мировые съезды. В одном решении нарушение было тоже установлено, но по его несущественности к отмене приговора не привело.

1. В деле о подлоге денежной расписки основанием жалобы явилось установление судом сходства почерков без участия экспертов. В решении 541 от 19 сентября 1868 г. было разъяснено, что если Мировой съезд, самостоятельно сравнив почерки, не пришёл к убедительным выводам, то тогда участие экспертов обязательно[2].

2. В деле о нанесении телесных повреждений ребёнку посредством небезопасной конной поездки основанием жалобы указывалось отсутствие врачебной экспертизы. В решении 684 от 28 августа 1870 г. разъяснялось, что, согласно действующему законодательству, определение степени телесных

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 223.
[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 591.

повреждений не может в мировом суде состояться без заключения эксперта-врача[1].

3. В деле о незаконной порубке леса основанием жалобы послужило использование в качестве сведущих людей местных крестьян. В решении 337 от 24 февраля 1871 г. это признавалось допустимым, но указывалось на отсутствие в протоколе Мирового съезда сведений, обладали ли эти крестьяне достаточными сведениями о предмете экспертизы. Поэтому разъяснялось, что суд должен приглашать в качестве сведущих людей лиц, действительно знакомых с предметом их исследования, и включать эти сведения в протокол, но этого в данном случае сделано не было[2].

4. В деле о продаже некачественного вина податель усматривал нарушение в предпочтении, отданном показаниям свидетелей, а не экспертов, мнения которых разошлись. В решении 199 от 20 марта 1875 г. разъяснялось, что в случае расхождения мнений экспертов должна проводиться новая экспертиза, а предпочтение, отдаваемое показаниям свидетелей, необходимо сопровождать объяснениями причин такого судебного решения[3].

5. В деле о незаконных постройках в нежилом здании основанием жалобы служило использование в суде только письменных заключений экспертов. В решении 9 от 16 февраля 1882 г. содержалось разъяснение, что допрос экспертов непосредственно в заседании съезда является обязательным[4].

6. В деле о продаже некачественного товара (масла) основанием жалобы указывалось проведение исследования экспертом (уездным врачом) в домашних условиях. В решении 2012 от 19 декабря 1869 г. было разъяснено,

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 781.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1871 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 296-297.

[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1875 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. С. 293.

[4] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1882. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1883. С. 41.

что исследования такого рода должны производиться в судебном помещении. Но приговор остался в силе из-за несущественности данного нарушения[1].

В остальных 5 из 11 решений жалобы были оставлены без последствий.

1. В двух делах – о продаже некачественного товара (ткани) и использовании неверных весов – одним из оснований жалобы являлся отказ суда проводить экспертизу. В решениях 456 от 14 февраля 1869 г. и 867 от 2 октября 1870 г. были даны одинаковые разъяснения: судья принимает решение на основе внутреннего убеждения, только от него самого зависит проводить или нет экспертизу, его решение кассационной проверке не подлежит[2].

2. В деле о продаже некачественного товара (обуви) основанием жалобы являлся неучёт судом экспертной оценки его стоимости. В решении 821 от 11 октября 1869 г. разъяснялось, что судьи решают вопрос о виновности или невиновности по внутреннему своему убеждению и экспертное мнение не может быть для них обязательным[3].

3. В деле о продаже некачественного вина основанием жалобы послужило приглашение для экспертизы только одного сведущего человека. В решении 92 от 19 января 1873 г. разъяснялось: в ст. 112 нет указания на использование нескольких сведущих людей при освидетельствовании всякого вещественного доказательства, оно может производиться и одним экспертом[4].

4. В деле о подлоге расписки, согласно жалобе на приговор, не была проведена экспертиза почерков сведущими людьми, её провел сам суд. В решении 4 от 3 января 1869 г. было дано разъяснение: ст. 112 не обязывает приглашать сведущих людей, когда сам мировой суд оказывается способен

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 1258.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 477; Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Второе полугодие. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1870. С. 1226.

[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 881.

[4] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1873 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 100-101.

удостовериться в подлинности заподозренного акта посредством сличения почерков и показаний свидетелей[1].

Анализ 4 кассационных решений по жалобам, где указывались нарушения ст. 113, установил однотипность жалоб (их авторы основанием указывали отсутствие экспертной оценки цены похищенного или понесённых убытков) и определений Сената (жалобы оставлены без последствий).

В решениях 550 от 29 ноября 1867 г., 332 от 24 мая 1868 г., 868 от 24 октября 1869 г. и 414 от 22 мая 1870 г. по трём делам о крестьянских кражах и одном о побоях, полученных в драке, содержались также практически идентичные разъяснения: определение цены похищенного или убытков через сведущих людей для мирового суда не обязательно, за исключением случаев, означенных в ст. 112, то есть, когда требуются специальные сведения. Во всех четырёх делах таковые сведения не требовались в силу малоценности похищенного (кражи наволочки, 9 колёс от телеги, двух молодых грушевых деревьев) и отсутствия доказательств полученных жалобщиком побоев[2].

Анализируя результативность всех 15 решений, нельзя не отметить, что с 1870 г. Кассационный департамент к разъяснениям по ст. 113 больше не обращался, а после 1882 г. разъяснений в решениях департамента не обнаруживается и по ст. 112.

Отчасти это можно объяснить тем, что с 1889 г. по 1912 г. в силу действия закона об участковых земских начальниках территориальные пределы функционирования мирового правосудия резко сократились. Но представляется не менее убедительным и другое объяснение: сделанных разъяснений по применению обеих статей оказалось достаточно для

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 5.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1867 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 534; Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 949-950; Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. С. 485-486; Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. Изд. неофиц. С. 366.

предотвращения новых судебных ошибок. Во всяком случае новых разъяснений не последовало и в 1912-1914 гг., когда деятельность мирского правосудия была восстановлена практически в прежнем объёме, правда, только в 10 губерниях империи.

Кассационные решения по экспертным статьям Книги II

В уголовном судопроизводстве в общих судебных местах экспертиза использовалась в предварительном следствии и судебном производстве в Окружных судах. Распределение кассационных решений, содержавших наряду с другими и разъяснения по применению экспертных статей, характеризовалось неравномерностью: лишь 5 таких решений относились к первому этапу уголовного процесса, а 24 – к второму.

В 4 из 5 решений жалобы на допущенные судебные нарушения в С.-Петербургском, Рыбинском, Казанском Окружных судах и Съезде мировых судей 1-го округа г. Москвы и соответственно разъяснения по ним касались ст. 325 (3 решения) и ст. 344.

В ст. 325 содержалась такая же общая правовая норма, как в ст. 112: «Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии»[1].

Во всех трёх решениях жалобы были оставлены без последствий.

В двух случаях одним из оснований жалобы указывалось привлечение судом только одного эксперта: в деле о совершении подлога при получении займа из государственного банка и в деле об отравлении (эксперт-врач). В решении 351 от 9 апреля 1869 г. было дано разъяснение, что осмотр или освидетельствование при сличении почерка могут быть проведены и через одно сведущее лицо[2], а в решении 160 от 27 февраля 1870 г. разъяснялось, что

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 238-239.
[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 362-363.

суд вправе сам решать вопрос о количестве экспертов, для данной экспертизы было достаточно и одного врача[1]. Решения свидетельствовали об единстве трактовки Сенатом этой общей правовой нормы на обоих уровнях уголовного судопроизводства: мировом и окружном.

В третьем решении получил толкование немаловажный вопрос о взаимоотношениях экспертизы на этих двух уровнях.

В деле об отравлении нарушение ст. 325 судом податель жалобы усматривал в том, что экспертизу в предварительном следствии проводили одни сведущие люди, а её результаты в судебном заседании поверяли другие. В кассационном решении 424 от 5 марта 1871 г. было разъяснено, что обязанности, исполняемые сведущими людьми на стадии предварительного следствия и при поверке в суде испытаний, проведённых на этой стадии, тождественны, поэтому нет оснований проводить между ними различия[2].

В ст. 344 устанавливалось, что «акт осмотра или освидетельствования передается от врача следователю, если возможно вслед за освидетельствованием и никак не позже трех суток»[3].

В жалобе на приговор по делу о нанесение обиды действием, повлекшим телесные повреждения, податель указал, что вместо акта осмотра одним врачом от 11 марта Мировому съезду был представлен акт другого врача от 18 марта, к тому же не сопровождавшийся словесным объяснением. В кассационном решении 74 от 31 января 1868 г., признавшим нарушение сроков, дополнительно было разъяснено, что Мировой съезд не может ограничиться письменным сообщением врача о результатах осмотра, а обязан выслушать его словесные объяснения. Признание двух таких серьёзных нарушений привело к отмене приговора[4].

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. С. 179, 181.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1871 год. Изд. неофиц. С. 374.

[3] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 240.

[4] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. Изд. неофиц. С. 86-87.

Пятое кассационное решение, рассмотревшее применение на стадии предварительного следствия ст. 349, отличалось от предыдущих тем, что принималось не по конкретной кассационной жалобе, а по заключению обер-прокурора Уголовного Кассационного департамента, обобщившего случаи, когда на этой стадии врачам, участвовавшим в экспертизе, задавались вопросы, выходившие за рамки их компетенции, или сами врачи выходили за эти рамки, то есть происходили нарушения ст. 349. В кассационном решении 20 от 9 апреля 1896 г. было однозначно указано, что «эксперт врач не обязан в своем заключении по уголовному делу давать ответ на вопрос о соответствии действий обвиняемого законному определению преступления»[1].

В 24 кассационных решениях, включавших разъяснения по экспертным статьям, отнесённым законодателем к применению на стадии судебного следствия, фигурировали 6 статей – ст. 628 (одно решение), ст. 690 (три решения), ст. 692 (пять решений), ст. 693 (шесть решений), ст. 694 (два решения), ст. 695 (семь решений).

Приговоры, на которые были поданы жалобы с указанием нарушений этих статей, были вынесены Харьковской Судебной палатой, Ярославским (2), Тульским, Тамбовским (2), Владимирским, Казанским, Московским (4), С.-Петербургским (2), Екатеринославским, Изюмским, Саратовским, Псковским, Орловским, Екатеринбургским, Нижегородским Окружными судами, а также Дмитриевским Мировым съездом (Область войска Донского) и Мировым съездом 2-го округа г. Москвы[2].

Анализ решений проведён согласно уставной нумерации статей.

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1896 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. С. 73.

[2] Согласно ст. 118 УУС (Кн. I), «случаи, в которых мировой судья встретит в порядке судопроизводства какое-либо затруднение, разрешаются им по соображении постановлений, изложенных в настоящей книге, с подробными правилами судопроизводства в общих судебных местах». – ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 224. В силу этой статьи мировые судьи и съезды мировых судей неоднократно обращались в затруднительных случаях к применению правовых норм, содержавшихся в статьях Кн. II УУС. Поэтому в кассационных решениях по применению экспертных статей Кн. II разбирались жалобы, поступавшие и на приговоры мировых съездов.

Ст. 628 была важна для обеспечения деятельности сведущих людей в суде: «Участвующим в деле лицам, свидетелям и сведущим людям для более точного изложения их изустных показаний не воспрещается иметь при себе памятные записки в тех случаях, когда показания их относятся к каким-либо вычислениям, выводам или отчетам, которые трудно удержать в памяти»[1].

В жалобе на приговор по делу о злоупотреблениях в Таганрогской таможне одно из нарушений усматривалось в представлении экспертом в заседании суда заключения с использованием копий протоколов заключений, составленных на предварительном следствии. В решении 28 от 15-16 октября 1885 г. разъяснялось, что сведущим людям не возбраняется иметь при себе на суде копии с актов предварительного следствия, полученных при первой экспертизе. Нарушения обнаружено не было, но приговор частично был отменён в силу иных допущенных в судебном решении нарушений[2].

В ст. 690 устанавливалось: «Для объяснения освидетельствования или испытания, произведенного следователем или сведущими людьми, суд может вызвать в свое заседание лица, производившие освидетельствование или испытание, и потребовать от них обстоятельного отчета в их действиях»[3].

Все три жалобы на нарушения статьи были оставлены без последствий.

1. В жалобе на приговор по делу об убийстве крестьянки её сыном нарушение усматривалось в том, что во время объяснения экспертом в суде своего заключения председатель суда не позволил защитнику обвиняемого его опровергнуть. В кассационном решении 564 от 5 июня 1869 г. было разъяснено, что в ходе объяснения эксперту могут быть сторонами заданы вопросы по предмету экспертизы, но не допустимы опровержения заключения, они должны иметь место только в заключительных прениях[4].

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 259.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1885 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. С. 73, 98.

[3] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 263.

[4] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 592, 594-595.

2. В жалобе на приговор по делу о поджоге её податель указал, что эксперты в заседании суда давали свои объяснения порознь. В решении 175 от 8 марта 1875 г. разъяснялось, что представление экспертных объяснений порознь вполне соответствует смыслу ст. 690[1].

3. В жалобе на приговор по делу о злоупотреблениях с акцизными сборами на одном из винокуренных заводов в числе её оснований было указано, что эксперты, представляя на заседании суда объяснения о значении имеющихся в деле документов, определили их как доказательства злоупотреблений, хотя подобная оценка принадлежит суду. В решении 237 от 15 октября/13 ноября 1876 г. признавалось нарушение, допущенное экспертами, но оно не было признано достаточным для отмены приговора[2].

Согласно ст. 692, «по замечанию сторон или присяжных заседателей или по собственному усмотрению суд может назначить новое освидетельствование или испытание чрез избранных им или указанных сторонами сведущих людей с тем, чтобы они производили свои действия в заседании суда, если это возможно, или по крайней мере представили в судебном заседании обстоятельный отчет об оказавшемся при освидетельствовании или испытании»[3].

В 4 из 5 кассационных решений жалобы были оставлены без последствий. В одном нарушение было признано и приговор отменён.

1. В жалобе на приговор по делу о покушении на убийство (отравлении) указывалось, что суд не провёл новую экспертизу состояния обвиняемой в суде. В решении 488 от 10 мая 1869 г. разъяснялось, что ст. 692 «вовсе не обязывает суд, а только предоставляет ему право назначить новое освидетельствование или испытание»[4].

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1875 год. Изд. неофиц. С. 254, 256.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1876 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. С. 330, 332, 337.

[3] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 264.

[4] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 509;

2. В жалобе на приговор по делу об убийстве крестьянином своего сына основанием был указан отказ в проведении в судебном заседании новой экспертизы состояния обвиняемого. В решении 283 от 18 апреля 1874 г. разъяснялось, что новый вызов экспертов в суд в случае, когда умственное состояние обвиняемого уже было освидетельствовано экспертами на предварительном следствии, обязателен лишь при признании судом недостаточным прежде сделанного заключения[1].

3. В жалобе на приговор по делу о подделке 5% свидетельств государственного банка один из подсудимых увидел нарушение в том, что в новой экспертизе почерка в заседании суда участвовали и те эксперты, которые её проводили в предварительном следствии. В решении 453 от 12/19 июня 1870 г. было разъяснено, что для новой экспертизы могут приглашаться вместе с новыми и прежние эксперты, что и было сделано в данном случае[2].

4. В жалобе на приговор по делу о злоупотреблениях в бывшем Московском коммерческом ссудном банке одним из обвиняемых нарушением был сочтён невызов на судебное следствие названного им нового эксперта. В решении 95 от 6-10 и 27 апреля 1877 г. было разъяснено, что по точному смыслу ст. 692 новая экспертиза и вызов эксперта зависят от окончательного решения суда, который в данном случае такой необходимости не усмотрел, сочтя достаточным заключений ранее назначенных экспертов[3].

Отсутствие нарушения ст. 692 также отмечалось в ранее рассмотренном кассационном решении 424 от 5 марта 1871 г.[4]

5. Единственное решение, в котором был отменён приговор по делу об убийстве крестьянином своей жены, состоялось по кассационному протесту участвовавшего в деле Товарища прокурора. В протесте указывалось, что,

---

[1] Там же. С. 379-380.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. С. 521, 528.

[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1877. Первое полугодие. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1877. С. 185.

[4] См.: с. 174 настоящей диссертации.

отказав в новом освидетельствовании, суд не привёл никакой его мотивировки. В решении 225 от 16 марта 1874 г. разъяснялось, что во всех случаях, когда разрешение какого-либо ходатайства сторон предоставлено законом усмотрению суда, последний обязан, отказывая сторонам, приводить основательные мотивы своему отказу. Но в данном случае этого судом сделано не было[1].

Из рассмотренных кассационных решений по применению ст. 692, по нашему мнению, можно заключить, что суды не склонны были назначать новые экспертизы, предпочитая ориентироваться на экспертные заключения, полученные в предварительном следствии.

В ст. 693 устанавливалось: «Сведущие люди не могут быть избраны из лиц, участвующих в деле, или из состоящих по делу свидетелями, судьями и присяжными заседателями»[2]. Хотя формулировка этой нормы выглядела достаточно чёткой, однако правоприменительная практика обнаружила некоторые неясности её применения.

Из шести кассационных решений, в которых фигурировали разъяснения по применению этой статьи, в трёх приговор был отменён, в одном жалоба оставлена без последствий, а в двух – нарушений ст. 693 не обнаружено, но приговоры отменены из-за других судебных нарушений.

Отмены приговоров произошли в следующих случаях.

1. В жалобе на приговор по делу о попытке хищения охотничьей сумки указывалось, что пострадавший не владел русским языком и был вызван переводчик, но суд допросил его как свидетеля. В решении 594 от 4 октября 1868 г. было разъяснено, что норма этой статьи «должна иметь применение по аналогии» и к переводчикам, которые не могут быть избираемы из числа свидетелей[3]. Дополнительная важность этого разъяснения видится в том, что

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 300.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 264.
[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. Изд. неофиц. С. 654-656.

тем самым Сенат подтвердил отнесение переводчиков в судебном процессе к категории сведущих людей.

2. В жалобе на приговор по делу о подлоге векселя её подателем было указано, что эксперт был сначала приведен к присяге как комплектный присяжный заседатель, а потом изъят из числа заседателей и допрошен как эксперт. В решении 326 от 27 марта 1869 г. разъяснялось, что по точному смыслу ст. 693 не допускается одновременное исполнение обязанностей сведущего лица и присяжного заседателя, и суд должен прежде составления присутствия исключать лицо, вызванное в качестве эксперта, из списка присяжных заседателей[1].

3. В жалобе на приговор по делу о нанесении в драке телесных повреждений было указано, что городовой врач, освидетельствовавший повреждения, был допрошен в суде и как свидетель, и как эксперт. В решении 713 от 20 сентября 1873 г. это было признано существенным нарушением[2].

Из этих трёх решений можно сделать вывод о последовательности проведения кассационной инстанцией линии на недопущение смешения экспертов с другими участниками судебного процесса.

Однако правоприменительная практика представила и судебные коллизии, потребовавшие от Кассационного департамента принятия гибких решений.

4. Так, в жалобе, поданной на приговор по делу о совершении подсудимым ряда преступлений, включая драку со смертельным исходом, указывалось, что врачи, давшие заключение на предварительном следствии, в суд были приглашены как свидетели, а не сведущие люди, однако их заключение было в суде оглашено как экспертное. В решении 1418 от 27 ноября 1870 г. было указано на «неосновательность и непоследовательность» действий суда, вызвавшего в суд врачей, действовавших на предварительном

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 337, 339.
[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1873 год. Изд. неофиц. С. 903-904.

следствии как эксперты, в качестве свидетелей, но затем допустившего чтение их актов освидетельствования и тем самым признавшего их экспертами. Однако это не было сочтено достаточным основанием для отмены приговора, так как в список свидетелей врачи были ошибочны внесены прокурором, а их акты зачитывались по требованию защитника подсудимого, тем самым согласившегося, что лица, вызванные как свидетели, являются в деле экспертами. Жалоба была оставлена без последствий[1].

5. В кассационном протесте Товарища прокурора на приговор по делу о подлоге, допущенном при продаже участка земли, одним из его оснований было указано смешение в судебном протоколе в одних лицах свидетелей и экспертов. В решении 319 от 10 декабря 1876 г. содержалось разъяснение, что лицо, давшее на предварительном следствии заключение как эксперт, но в протоколе ошибочно названное свидетелем, в действительности является в процессе экспертом. Тем не менее жалоба была удовлетворена, но по иным существенным нарушениям, допущенным судом[2].

Эти два решения, на наш взгляд, свидетельствовали, что экспертные заключения, сделанные на предварительном следствии, рассматривались при кассации как более важные для обоснования судебного решения.

6. В другом кассационном протесте Прокурора на приговор по делу об убийстве жены мужем указывалось, что один врач, лечивший потерпевшую и вызванный как эксперт, по ходатайству защиты судом был допрошен как свидетель, хотя прокурор настаивал на его экспертной функции, а другой врач, участвовавший и в лечении, и в освидетельствовании тела после смерти, допрашивался как эксперт, а прокурор рассматривал его в качестве свидетеля. В решении 48 от 28 февраля 1876 г. нарушения ст. 693 усмотрено не было и дано разъяснение, что решение вопроса кто из врачей, лечивших и освидетельствовавших, должен вызываться в суд в качестве эксперта, а кто –

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. С. 1439-1440, 1442.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1876 год. Изд. неофиц. С. 444-445, 448.

свидетеля, подлежит усмотрению самих врачей. Но по причине других существенных нарушений, допущенных судом, приговор был отменён[1].

Такое толкование, по нашему мнению, свидетельствовало, что у суда возникали существенные трудности в определении функциональной роли врачей в судебном процессе, что, видимо, и вызвало в данном решении перекладывание на самих судебных медиков определение их конкретной функциональной роли.

Согласно ст. 694, «сведущие люди прежде представления объяснений на суде приводятся к присяге тем же порядком, как и свидетели. До исполнения обряда присяги стороны могут отводить сведущих людей по неимению ими тех качеств, которые требуются от них законом»[2].

В одном случае жалоба осталась без последствий, в другом – приговор отменён.

1. В жалобе на приговор по делу об убийстве с целью ограбления указывалось, что врач-эксперт принёс присягу уже после произнесения им своего заключения. В решении 978 от 16 октября 1869 г. было разъяснено, что «закон вообще дозволяет подтверждать правдивость показаний или объяснений присягою» после их представления суду (ст. 98 УУС). В данном случае присяга была дана на том же заседании, где представлялось заключение эксперта, ошибка исправлена, поэтому нарушение ст. 694 не имело места[3].

2. В жалобе на приговор по делу о продаже недоброкачественного чая было указано, что несколько экспертов, подготовивших заключения о качестве чая, представляя их в суде, не принесли присяги. В решении 1377 от 10 ноября 1872 г. было разъяснено, что данное нарушение ст. 694 является безусловным поводом к отмене приговора[4].

---

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1876 год. Изд. неофиц.С. 62, 66, 68.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 264.
[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 1086-1087.
[4] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1872 год. Второе полугодие. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1872. С. 1485.

Можно заключить, что в отношении нарушений ст. 694 Кассационным департаментом была проявлена определённая гибкость: важность соблюдения нормы не должна была препятствовать использованию судом экспертного заключения.

В ст. 695 устанавливалось: «За представлением сведущими людьми их заключения им могут быть с разрешения Председателя предложены вопросы как судьями и присяжными заседателями, так и сторонами»[1]. Из семи кассационных решений, в которых имелись разъяснения по этой статье, в трёх случаях приговор был отменён, в трёх жалоба оставлена без последствий, а в одном нарушение было признано, но приговор оставлен в силе.

Сначала рассмотрим три несходных решения по сходным судебным коллизиям, созданным участием в экспертизе нескольких сведущих людей.

1. В жалобе на приговор по делу о двойном убийстве с целью ограбления одним из оснований было указано, что эксперты, призванные для сличения почерка, вызывались и спрашивались все вместе, что не позволило задать вопросы каждому из них. В решении 178 от 5 мая 1867 г. было разъяснено, что хотя в законе и нет прямого разрешения допрашивать экспертов совокупно, но это допускается, когда их заключение единогласно, именно таким оно и было в данном деле. Жалоба оставлена без последствий[2].

2. В жалобе на приговор по делу о подлоге денежного акта одно из оснований для его отмены податель – аналогично предыдущему случаю – указывал в том, что эксперты допрашивались не порознь, а вместе. В решении 575 от 20 сентября 1868 г. разъяснялось, что установленный в ст. 695 порядок представления экспертами заключения и их ответов на вопросы не содержит непременного требования, чтобы несколько экспертов давали свои ответы именно порознь. Но по другим основаниям приговор был отменён[3].

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 264.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1867 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. С. 149, 152-153.

[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. Изд. неофиц. С. 628, 632, 633.

3. В кассационном протесте на приговор суда по делу о подлоге духовного завещания, поданном участвовавшим в процессе Прокурором, было указано, что суд отказался допрашивать экспертов отдельно, хотя об этом ходатайствовали сам прокурор и защитники подсудимых. В решении 1274 от 17 сентября 1870 г. разъяснялось, что ходатайства об отобрании заключения от каждого эксперта отдельно были сделаны до представления экспертных заключений, и суд в таком случае не имел права им отказать. Это было сочтено нарушением ст. 695, приговор отменён[1].

Более в решениях Уголовного Кассационного департамента каких-либо разъяснений выше рассмотренной особенности представления экспертных заключений не обнаруживается. По всей видимости, трёх этих разъяснений оказалось достаточно для предотвращения появления подобных оснований жалоб во все последующие десятилетия.

Ещё в трёх решениях рассматривались жалобы, поданные по сходным основаниям – отклонение судом вопросов, заданных сторонами процесса экспертам.

4. Так, в рассмотренном выше решении 564 от 5 июня 1869 г.[2], кроме разъяснения по ст. 690, было дано и разъяснение по ст. 695: сведущим людям, вызванным судом для объяснения их действий, могут быть сторонами предложены какие угодно вопросы, но только по предмету проведённой ими экспертизы, а отклонённые вопросы защитника выходили за эти пределы[3].

5. Сходный аргумент был использован в решении по жалобе на приговор по делу об убийстве учащимся гимназии её директора. Податель усмотрел нарушение права защитника задавать вопросы эксперту по его заключению. В решении 78 от 25 октября 1877 г. разъяснялось, что судом в данном случае был отклонен конкретный вопрос, в котором врача-эксперта

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. С. 1314, 1316.
[2] См.: с. 142 настоящей диссертации.
[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. Изд. неофиц. С. 594.

спрашивали о его отношении к определенной научной теории. Но вопросы эксперту не должны быть отвлеченными, к числу которых следует отнести вопрос о согласии эксперта с какими-либо научными теориями или взглядами известных ученых. Жалоба была оставлена без последствий[1].

6. В жалобе на приговор по делу об убийстве мужем жены к числу оснований кассации относилось допущение эксперта к допросу свидетеля. В решении 944 от 7 декабря 1868 г. разъяснялось, что «хотя в законе не содержится положительного воспрещения экспертам предлагать свидетелям вопросы», но в ст. 695 «не упоминается о том, что свидетелям могли быть предлагаемы вопросы кем-либо другим кроме сторон, членов суда и присяжных заседателей». Однако допущенное нарушение было признано несущественным, жалоба осталась без последствий[2].

В более позднем решении позиция по аналогичному нарушению имела иные последствия.

7. В жалобе на приговор по делу о крестьянах-сектантах было указано, что эксперту была предоставлена возможность непосредственного допроса свидетелей. В решении 5 от 9 февраля 1899 г. разъяснялось, что в случае возникновения необходимости у сведущих людей для подготовки правильного заключения выяснить какое-либо обстоятельство у свидетелей, то по общем правилу это производится через председателя суда, но так как в данном случае этого сделано не было, то имело место несомненное нарушение ст. 695. Поэтому приговор был отменён[3].

Нам представляется, что в разъяснениях, данных в рассмотренных решениях по применению ст. 695, последовательно прослеживается линия Сената как высшего судебного органа на использование данных экспертизы и

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1877 год. Первое полугодие. С. 152,156.
[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. Изд. неофиц. С. 986-988.
[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1899 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. С. 11-14.

показаний экспертов непосредственно в суде строго в пределах профессиональной их компетенции.

В трёх кассационных решениях были даны разъяснения по применению ст. 1160, входившей в состав Кн. III: «По нарушениям, для исследования коих необходимы специальные знания, судебный следователь требует сведущих людей из числа служащих в казенном управлении; но ему не возбраняется пригласить вместе с должностными и частные лица, известные своими специальными сведениями»[1]. Решения выносились в двух случаях на приговоры Мировых съездов в Курской губернии, в третьем – Одесской Судебной Палаты.

1. В жалобе, поданной управляющим акцизными сборами на приговор по делу о продаже вина ненадлежащего качества, основанием указывалось непроведение испытания крепости вина. В решении 347 от 24 февраля 1871 г. разъяснялось, что для исследования должны приглашаться сведущие лица из числа служащих в казенном управлении, а частные лица только вместе с ними. Это не было выполнено и приговор был отменён[2].

2. В жалобе, поданной управлением государственных имуществ Курской губернии на решение Корочанского Мирового съезда этой же губернии по делу о порубке леса, как нарушение отмечалось привлечение в качестве сведущих людей частных лиц без участия служащих лесного ведомства. В решении 418 от 5 марта 1871 г. было дано аналогичное предыдущему разъяснение, что для исследования до́лжно было привлечь сведущих лиц из числа служащих казенного управления, раз этого сделано не было, налицо нарушение ст. 1160. Приговор отменён[3].

3. В жалобе, поданной на оправдательный приговор по делу о нарушении Таможенного устава, указывалось, что для проверки в суде

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476. С. 299.

[2] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1871 год. Изд. неофиц. С. 305-306.

[3] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1871 год. Изд. неофиц. С. 369-370.

экспертизы, проведенной на предварительном следствии, не приглашались сведущие лица из числа служащих таможенного ведомства. В решении 1 от 22 января 1885 г. разъяснялось, что по буквальному смыслу ст. 1160 применима только к судебному следователю, а на предварительном следствии в экспертизе участвовали обе категории сведущих лиц, их заключение было представлено в суде, нарушения ст. 1160 не усмотрено. Однако по другому допущенному нарушению приговор был отменён[1].

Таким образом, из проведённого анализа 47 решений Уголовного Кассационного департамента можно сделать несколько выводов.

Во-первых, из 71 экспертной статьи (издание УУС 1914 г.) кассационные решения за период 1867-1914 гг. затронули только 12 статей (почти 17%). Это, по нашему мнению, подтверждает ранее уже сделанный вывод о высоком юридическом уровне экспертного уголовно-процессуального законодательства в Уставе 20 ноября 1864 г., позволившем в практике его использования обходиться в подавляющем большинстве случаев без кассационных жалоб и соответственно без сенатских разъяснений. Дополнительным аргументом в пользу такой оценки следует считать, что за указанное время лишь в одну статью (ст. 692) было внесено изменение (добавлено примечание), но не по кассационным причинам. Значит, судебная практика предъявила запрос на разъяснение применения ряда экспертных норм УУС, но не на их законодательные изменения.

Во-вторых, 14 из 47 кассационных решений (практически 30%) содержали разъяснения, относившиеся к применению ст. 112 (11 решений) и 325 (3 решения), то есть экспертных норм общего характера. Следовательно, основные трудности возникали перед судами, особенно мировыми, когда общую норму (приглашать или нет сведущих людей) им необходимо было применить в конкретной судебной ситуации.

[1] Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1885 год. Изд. неофиц. С. 5-6, 8.

В-третьих, подавляющее большинство рассмотренных кассационных решений пришлось на 1860-1870-е гг., особенно на первые годы действия УУС, когда, по сути, происходила адаптация уставного содержания, включая экспертные статьи, к практике правоприменения. В её ходе естественным образом выявились некоторые трудные для практического применения места экспертного законодательства, потребовавшие кассационной коррекции. Но по мере завершения адаптации, обретения судейским корпусом практического опыта происходило уменьшение количества ошибок и нарушений, вызывавших кассационные жалобы. Доказательством служит тот факт, что из 47 кассационных решений 26 (55%) пришлись на 1867-1870 гг., а в 1880-е гг. – только два, также два и в 1890-е гг. За 1901-1914 гг. вообще не состоялось кассационных решений, в которых имелись разъяснения по применению экспертных статей.

Кассационная практика по экспертным статьям
Устава гражданского судопроизводства

Анализ комплекса ежегодных изданий «Решений Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената» за 1866-1914 гг. позволил выявить 27 кассационных решений, содержавших разъяснения по применению судами экспертных статей УГС. Как и в уголовных кассациях, часто нарушение экспертной статьи было только одним из оснований поданной жалобы, а разъяснения давались по всем основаниям. Однако предметом нашего анализа в каждом из 27 кассационных решений являлись разъяснения, выносившиеся именно по экспертным статьям.

2 кассационных решения относились к статьям из Кн. I. «Порядок судопроизводства в мировых судебных установлениях», 25 – к статьям из Кн. II. «Порядок производства в общих судебных местах». Эти решения принимались по жалобам на решения Миргородского (Полтавская губерния), Тверского, Нолинского (Вятская губерния), Гомельского, Ольгопольского (Подольская губерния), С.-Петербургского, Московского столичного, Пирятинского (Полтавская губерния) Мировых съездов; С.-Петербургской (5

решений), Московской (3 решения), Одесской (3 решения), Харьковской (2 решения), Саратовской (3 решения), Варшавской Судебных палат, Екатеринославского Окружного суда.

В них содержались разъяснения по применению 13 экспертных статей УГС: двух из Кн. I. «Порядок судопроизводства в мировых судебных установлениях», одиннадцати из Кн. II. «Порядок производства в общих судебных местах».

Две статьи из Кн. I – это ст. 56 и ст. 124.

В ст. 56 устанавливалось, что в случае спора против показанной в исковой просьбе цены имущества она определяется через сведущих людей в назначенный для того мировым судьей срок[1].

В жалобе на решение в деле о стоимости срубленного леса указывалось, что для её определения использовались показания свидетелей, но в решении суда они были названы сведущими людьми. В решении 423 от 21 марта 1873 г. нарушение ст. 56 признано, решение Мирового съезда отменено и разъяснено, что при рассмотрении такого спора использование сведущих людей, согласно ст. 56, является для суда обязательным[2].

В параграфе 2.1 отмечалось, что ст. 56 была отменена[3], но это произошло только по закону 15 июня 1912 г., значит, данное кассационное разъяснение сохраняло свою силу на протяжении почти всего времени действия УГС. Правда, необходимо принять во внимание, что с 1889 г. по 1912 г. мировое судопроизводство в силу закона о земских участковых начальниках не функционировало в губерниях, на которые этот закон был распространён.

В ст. 124 устанавливалось, что «осмотру на месте и показаниям сведущих людей составляется протокол, который подписывается мировым судьей, тяжущимися, свидетелями и сведущими людьми»[4].

---

[1] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 310.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. Первое полугодие. 1873. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1873. С. 1017-1019.

[3] См.: с. 122-123 настоящей диссертации.

[4] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 315.

В жалобе на решение по делу, в котором предметом оспаривания являлась стоимость муки, нарушение ст. 124 усматривалось в том, что показания сведущих людей не соединялись с осмотром на месте. Жалоба была оставлена без последствий и в кассационном решении 80 от 20 января 1871 г. разъяснялось, что ст. 124 «не содержит в себе такого правила, чтобы заключение сведущих людей долженствовало всегда соединяться с осмотром на месте»[1]. Такое решение облегчало использование экспертизы, так как не ставило заключение сведущих людей обязательно в прямую зависимость от их участия в осмотре предмета спора на месте.

Судопроизводство в общих судебных местах

Распределение кассационных решений, содержавших среди других и разъяснения применения экспертных статей из состава Кн. II, было очень неравномерно: ст. 515 и 533 – каждая по 7 решений, ст. 518, 519, 525 – каждая по 2 решения, ст. 526, 530, 532, 538, 860, 1122 – по одному решению.

Согласно формулировке ст. 515, «суд может, по просьбе тяжущегося или по своему усмотрению, потребовать заключение сведущих людей о таком предмете, коего рассмотрение или оценка требует особых ученых, технических или хозяйственных сведений»[2].

Общий характер этой правовой нормы, как и аналогичных норм в УУС, создавал затруднения в применении, так как ставил суд перед выбором: применять её в каждом конкретном судебном деле или нет.

В четырёх жалобах одним из оснований одинаково указывался отказ суда проводить экспертизу силами сведущих людей. Суды полагали, что для такой экспертизы нет причин: в одном деле (некачественные строительные работы) тяжущиеся о ней не просили; во втором деле (убытки, нанесённые вырубкой деревьев) – сведущие люди не смогут определить стоимость предмета спора; в третьем деле (стоимость приплода от присужденного истцу

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за первое полугодие 1871 года. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1871. С. 122.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 342.

скота) – нет сведений об этом приплоде; в четвёртом деле (размер убытков, понесённых из-за поставки некачественного товара) – суд способен определить этот размер самостоятельно.

Все четыре судебных решения были отменены по причине нарушения ст. 515. В решениях Кассационного департамента 469 от 30 ноября 1867 г., 693 от 31 октября 1874 г., 704 от 6 ноября 1874 г. и 109 от 11 мая 1894 г. разъяснялось, что закон предписывает следовать буквальному смыслу ст. 515, а именно: в первом деле суд вправе сам, независимо от позиции тяжущихся, усмотрев необходимость специальных сведений, назначить экспертизу; во втором деле суд не имел права отказать в ходатайстве об экспертизе на том основании, что сведущие люди не в состоянии дать требуемого заключения; в третьем деле – оценка сведущими людьми приплода входит в число «особых хозяйственных сведений»; в четвёртом деле – признав спорный вопрос требующим специальных сведений, суд был обязан пригласить сведущих людей[1].

В двух кассационных решениях жалобы были оставлены без последствий.

В жалобе на судебное решение в деле об оспаривании суммы убытка, причинённого истцу неполным исполнением контракта на поставку тёса, указывалось на отклонение судом заключения эксперта, предоставленного в частном порядке. В кассационном решении 101 от 24 января 1873 г. было разъяснено, что такое экспертное заключение без участия суда силы не имеет[2].

В жалобе на судебное решение в спорном деле о наследстве среди многих нарушений указывалось на участие сведущих людей в заседании суда,

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за второе полугодие 1867 года. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1868. С. 922; Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга, 1904. С. 1138-1139; Там же. С. 1153-1154; Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1894. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1894. С. 334-335.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. Первое полугодие. 1873. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1873. С. 269.

на котором происходил допрос свидетелей, и обсуждение этого допроса между ними. В кассационном решении 90 от 21 марта 1879 г. разъяснялось, что эксперты могут обсуждать показания допрошенных в их присутствии в судебном заседании свидетелей относительно тех обстоятельств, по которым экспертам предстояло дать заключение[1].

Седьмое решение с разъяснением применения ст. 515 последовало по заключению Обер-прокурора Гражданского Кассационного департамента, обобщившему несколько жалоб, авторы которых усматривали нарушение ст. 515 в том, что эксперт-врач проводил исследование не в суде, а в лечебном учреждении. В кассационном решении 4 от 2 марта 1910 г. указывалось, что экспертиза не всегда может быть производима в присутствии суда, последнее не является непременным условием, но само назначение экспертизы должно производиться судом[2].

Правовая норма ст. 533 также имела общий характер: «Суд не обязан подчиняться мнению сведущих людей, несогласному с достоверными обстоятельствами дела»[3].

В решениях, принимавшихся по жалобам на нарушения в применении этой статьи, прослеживается последовательная линия Сената на обеспечение в правоприменительной практике свободы действий суда в использовании экспертизы как одного из судебных доказательств.

1. В жалобе на судебное решение в деле о разделе наследуемого недвижимого имения указывалось, что суд отказался принять оценку стоимости имения и его частей, сделанную приглашёнными экспертами. В кассационном решении 344 от 19 декабря 1879 г. разъяснялось, что закон не присваивает сведущим людям «власти на окончательное разрешение споров между соучастниками относительно стоимости наследственного имения»,

---

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1879. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1879. С. 373.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1910. СПб.: Сенат. тип., 1911. С. 16.

[3] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 343.

такое решение «всецело принадлежит судебному месту», поэтому отказ суда признавался соответствующим смыслу ст. 533[1]. Правда, судебное решение было отменено, но по не связанным с экспертизой основаниям.

2. В другой жалобе на судебное решение в деле об оспаривании наследства податель усматривал нарушение в отклонении судом судебно-медицинской экспертизы, подтверждавшей, что автор завещания был в момент его составления психически нездоров. В кассационном решении 276 от 19 марта 1880 г., оставившем жалобу без последствий, разъяснялось, что, согласно ст. 533, суд не обязан подчиняться мнению сведущих людей, это относится и к судебно-медицинским актам. Закон не делает для последних исключения, суд также свободен в их оценке, как и всех других видов судебных экспертиз[2].

3. В жалобе на решение Варшавской Судебной палаты в деле об отчуждении земельной недвижимости под общественные нужды в качестве основания приводилось отклонение судом экспертизы, основанной на законе, действовавшем ранее в Царстве Польском. В кассационном решении 39 от 23 марта 1911 г. было разъяснено, что после введения в 1875 г. в действие на территории Варшавского судебного округа Уставов 20 ноября 1864 г. прежнее законодательство силу утратило и поэтому отклонение указанной жалобщиком экспертизы проведено в полном соответствии со ст. 533. Жалоба оставлена без последствий[3]. Тем самым подтверждалось, что свобода суда в использовании экспертизы распространялась на все территории Российской империи, включая те, где ранее действовало иное местное законодательство.

4. В жалобе на судебное решение в деле о нанесение убытков неверным использованием мельничных водостоков одним из оснований

---

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1879. С. 1358.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1880 год. Изд. 2-е, неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1912. С. 827.

[3] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1911. СПб.: Сенат. тип., 1911. С. 165.

послужило отклонение судом выгодной подателю части экспертизы при использовании остальных в судебном решении. В кассационном решении 154 от 25 апреля 1879 г., оставившем жалобу без последствий, было разъяснено, что «признание одной части заключения экспертов неправильной не лишала суд права руководствоваться этим заключением в других частях»[1].

5. В жалобе на судебное решение в аналогичном деле об использовании мельничных водостоков указывалось, что суд отказался использовать экспертизу для оценки убытков, понесённых подателем. В кассационном решении 94 от 29 ноября 1886 г., также оставившем жалобу без последствий, разъяснялось, что суд вправе отклонить экспертизу как противоречившую установленным судом достоверным обстоятельствам дела[2].

6. В жалобе на судебное решение в деле о размере вознаграждения служащему, утратившему в результате крушения поезда почти всю профессиональную и частично общую трудоспособность (подателем являлось управление железной дороги), основанием указывалось принятие судом одной части врачебной экспертизы и отклонение другой без приведения оснований своего решения. В кассационном решении 22 от 29 апреля 1909 г. , с одной стороны, подтверждалось право суда использовать экспертизу по частям, но, с другой стороны, разъяснялось, что такое решение должно сопровождаться изложением соответствующих причин, по которым это было сделано. Поэтому судебное решение было отменено[3].

7. Пожалуй, только одно из семи кассационных решений оказалось направленным не только на подтверждение свободы действий суда в отношении использования экспертизы, но и на защиту интересов тяжущихся. В жалобе, поданной на судебное решение по делу о затратах, понесённых

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1879. С. 644.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1886 г. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга, 1904. С. 300.

[3] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1910. С. 81-82.

подрядчиками при строительстве в столице нового рынка, указывалось на отказ суда принять возражения со стороны тяжущейся стороны против заключения экспертов, положенного в основание судебного решения. В кассационном решении 156 от 25 апреля 1879 г. было разъяснено, что, не соглашаясь с экспертным заключением, суд может также использовать возражение против него со стороны тяжущихся, так как «нет никакого основания не предоставлять такого же права тяжущимся и не допускать с их стороны спора против заключения экспертов». Но решение Судебной палаты было отменено по основаниям, не связанным с экспертизой[1].

В ст. 518 содержалась одна из основных экспертных норм: «Сведущие люди назначаются по взаимному согласию тяжущихся, а если согласия в определенный судом срок не последует, то избираются самим судом»[2].

1. В жалобе на судебное решение в деле об имущественном споре указывалось, что суд не предложил тяжущимся самим избрать сведущих людей, а протокол допроса сведущих людей, назначенных судом, тяжущимися подписан не был. В кассационном решении 572 от 4 октября 1874 г., отменившим судебное решение по первому нарушению, дополнительно было разъяснено, что не подписание тяжущимися экспертного заключения также является основанием для кассации принятого судебного решения[3].

2. В жалобе на судебное решение в деле о законности духовного завещания податель причиной указал, что суд из-за отсутствия согласия тяжущихся избрал двух из трёх экспертов из числа ранее названных одним из тяжущихся. В кассационном решении 4 от 10 января 1879 г., оставившем жалобу без последствий, было дано разъяснение, что нет воспрещения суду при несогласии сторон избирать экспертов из числа лиц, указанных сторонами

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1879. С. 663-664.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 342.
[3] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 год. Изд. неофиц. С. 937-938.

или же одной из них, когда другая (в лице подателя жалобы) не объяснила, кого она хочет избрать[1].

В ст. 519 устанавливался порядок назначения сведущих людей: они назначались в числе трёх, а с согласия сторон или по малоценности иска могло быть назначено только одно лицо[2].

1. В жалобе на судебное решение в деле о недоплате денег за работу податель указал, что осмотр проводился не тремя сведущими людьми, а одним, и он не приносил присягу. В кассационном решении 1097 от 5 ноября 1869 г., оставившем жалобу без последствий, давалось разъяснение, что, согласно ст. 519, суд вправе избрать одно сведущее лицо, когда стороны не заявили против него отвода до начала исследования, и «от сведущих людей вовсе не требуется того, чтобы они заключение свое подтверждали присягою или обязаны были давать таковое до начала исследования»[3].

2. В жалобе на судебное решение ещё в одном деле об убытках, нанесённых неверным использованием мельничных водостоков, основанием указывалось участие в экспертизе пяти сведущих людей. В кассационном решении 50 от 7 марта 1901 г., оставившем жалобу без последствий, разъяснялось, что закон не запрещает суду вызывать и более трёх экспертов, если стороны не заявят против них отвода[4].

В ст. 525 устанавливались требования к экспертному заключению: оно должно быть письменным, с объяснением доводов, на которых основано, а в случае, когда сведущие люди малограмотные или недостаточно владеющие русским языком, заключение могло быть словесным с занесением в протокол и подписью сведущими людьми[5].

---

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1879. С. 32-33.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 342.
[3] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 г. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. Л. М. Ротенберга, 1903. С. 1758.
[4] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1901. СПб.: Сенат. тип., 1901. С. 157.
[5] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 343.

1. В жалобе на судебное решение в деле о возмещении убытков, причинённых вырубкой леса, её причиной выставлялось участие в качестве сведущих людей «совершенно неграмотных крестьян». В кассационном решении 1061 от 16 января 1875 г., оставившем жалобу без последствий, разъяснялось, что ни в ст. 525, ни в других статьях УГС «не значится, чтобы сведущими лицами при осмотре не могли быть неграмотные»[1].

2. В жалобе на судебное решение в деле о праве использования товарных знаков алкогольной продукции одним из оснований приводилось «недостаточно полное» заключение сведущих людей. В кассационном решении 1 от 19 января 1911 г., оставившем жалобу без последствий, разъяснялось, что ст. 525 не предписывает определённых размеров заключению экспертов, а право требовать от экспертов более полных объяснений принадлежит исключительно суду[2]. Тем самым была подтверждена законность установившейся практики предоставления экспертных заключений в суде в свободной форме.

В остальных шести кассационных решениях были предоставлены разъяснения по применению ст. 526, 530, 532, 538, 860, 1122.

В ст. 526 суду предоставлялось право в случае необходимости дополнить исследование или разъяснить заключение потребовать от экспертов дополнительного разъяснения или заключения вновь назначенных экспертов[3].

В жалобе на судебное решение, присудившее денежную компенсацию машинисту, утратившему в результате аварии профессиональную работоспособность, указывалось, что суд отказался от проведения новой экспертизы, хотя к использованной экспертизе у ответчика (Общества Рязанско-Уральской железной дороги) были возражения. В кассационном решении 13 от 16 февраля 1911 г. было разъяснено, что дополнение

---

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1875 год. Изд. 2-е, неофиц. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1912. С. 2050.

[2] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1911. С. 10.

[3] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 343.

экспертного исследования или назначение новых экспертов зависят только от самого суда, и жалоба была оставлена без последствий[1].

Ст. 530 и 532 были взаимосвязаны общим, решаемым в них вопросом – порядок вознаграждения сведущих людей за экспертную деятельность в суде.

В ст. 530 регламентировалось определение судом суммы вознаграждения и устанавливалось, что судебное определение «подлежит немедленному исполнению»; в ст. 532 – порядок взыскания этого вознаграждения с тяжущихся сторон: сначала с той стороны, которая просила об освидетельствовании, либо с каждой поровну, если просили обе или исследование назначалось по усмотрению суда[2].

В жалобе, поданной на судебное решение в деле о невыполнении в срок строительного договора, указывалось, что определение размера вознаграждения экспертам и его выплата состоялись до принятия окончательного судебного решения. В решении Кассационного департамента 1608 от 25 ноября 1870 г., оставившем жалобу без последствий, разъяснялось, что по смыслу ст. 530 и 532 «в случае, когда день, назначенный для экспертизы, не совпадает с днем решения дела, то, не ожидая этого решения, эксперты могут требовать вознаграждения». Жалоба по отклонению этого и других её оснований осталась без последствий[3].

Согласно ст. 538, «для приведения в ясность многочисленных или запутанных расчетов суд имеет право назначить сведущих людей по общим правилам»[4].

В кассационной жалобе на судебное решение о взыскании сбора железной дорогой за несвоевременное получение грузов оспаривалась обоснованность привлечения эксперта для поверки взаимных расчетов. В

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1911. С. 42, 44.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 343.
[3] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Изд. неофиц. Екатеринослав: Тип. Л. М. Ротенберга, 1903. С. 1979-1980.
[4] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 343.

кассационном решении 115 от 4 декабря 1902 г. было разъяснено, что вопрос о том, насколько сложны расчеты, чтобы требовать заключения экспертов, решается судом и не подлежит поверке в кассационном порядке. Однако в силу других нарушений судебное решение было отменено[1].

В ст. 860 определялось вознаграждение сведущим людям за представление заключения: в размерах от 25 коп. до 25 руб.[2]

В жалобе на судебное решение в деле о выплате дивидендов по акциям нарушение усматривалась в определении вознаграждения трём экспертам в сумме 300 руб. В кассационном решении 27 от 10 марта 1899 г., признавшим нарушение ст. 860 и отменившим решение Мирового съезда, было дано разъяснение, что вознаграждение экспертам, превышающее 25 руб., допустимо только в случае, когда суд предварительно установит, что производство экспертизы «связано с особыми издержками» и обоснует свою позицию[3].

Данное кассационное решение, как и решение 1608 по применению ст. 530 и 532, как нам представляется, содействовали обеспечению материальных интересов сведущих людей, участвовавших в экспертизе по гражданским делам, а, значит, свидетельствовали о значении, которое высшая судебная власть придавала использованию института судебной экспертизы в этих делах.

Наконец, в ст. 1122 устанавливалось, что в случае несогласия взыскателя на сделанную ответчиком оценку чистого дохода, полученного с имения, определение его среднего количества производится сведущими людьми[4].

Жалоба на судебное решение по делу о взыскании долга обосновывалась тем, что торги имения, предназначенного к уплате долга, начались с цены, указанной сведущими людьми, а она была ниже оценки самого взыскателя. По

---

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902. СПб.: Сенат. тип., 1902. С. 369, 373.
[2] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 363.
[3] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1899. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1899. С. 85.
[4] ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. II. № 41477. С. 381.

ряду нарушений, допущенных в решении Мирового съезда, оно было отменено. Но в отношении применения ст. 1122 в решении Кассационного департамента 258 от 26 ноября 1880 г. было дано разъяснение, что ни в ст. 1122, ни в законах в целом нет норм, обязывающих сведущих людей руководствоваться оценкой взыскателя и стеснять свою оценку таким образом, чтобы она была не ниже оценки взыскателя[1].

Резюмируя проведённый анализ решений Гражданского Кассационного департамента 1867-1911 гг., следует сделать несколько выводов.

Во-первых, из 50 экспертных статей (УГС издания 1914 г.) кассационные решения коснулись 13 статей (2 – судопроизводство на мировом уровне, 11 – судопроизводство в общих судебных установлениях), то есть четверти (больше, чем в УУС). Но в целом относительно экспертной части гражданско-процессуального законодательства будет справедлива (как ранее в случае УУС) высокая оценка качества её первоначального исполнения: бóльшая часть экспертных правовых норм не вызвала за 50 лет их правоприменения сложностей и ошибок, потребовавших кассационных решений Сената.

Во-вторых, как и в уголовно-процессуальном праве, наибольшее количество кассационных решений вызвали статьи, содержавшие общие положения и допускавшие поэтому различие трактовок при их практическом использовании: ст. 515 и 533. На их долю пришлось немногим больше половины всех рассмотренных кассационных решений.

В-третьих, в отличие от УУС распределение во времени кассационных решений оказалось более равномерным, охватив все десятилетия, включая XX век. При этом важно отметить, что основное количество «экспертных» кассационных решений пришлось на 1870-е гг. (13) и на 1901-1911 гг. (7). Преобладание первого показателя (фактическая половина всех кассационных решений) логично объяснить происходившей адаптацией судебной системы к

[1] Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1880 г. Изд. 2-е, неофиц. С. 757.

применению нового гражданского-процессуального законодательства, в том числе и в сфере экспертизы. Но второй показатель (в кассационных решениях Уголовного департамента XX век вообще отсутствовал) следует расценить как следствие развития социально-экономических процессов в России, важной составной частью которых стал в это время быстрый рост рыночного гражданского оборота, усиливавший потребность в судебном разрешении коллизий, возникавших именно в гражданско-правовых отношениях.

В целом, исследование 74 кассационных решений Сената (47 – по экспертным статьям УУС и 27 по экспертным статьям УГС), по нашему мнению, доказало, что, с одной стороны, институт судебной экспертизы функционировал в 1860-1910-е гг. как полноценный судопроизводственный элемент новой судебной системы, с другой стороны, кассационная деятельность Сената оказалась достаточно эффективным инструментом практической адаптации и коррекции его применения в быстро меняющихся социально-экономических условиях пореформенной России.

Таким образом, исследование, осуществлённое во второй главе диссертации, доказало, что законодательные основания, заложенные в институт судебной экспертизы в Уставах 1864 г., оказались достаточно прочными для того, чтобы обеспечить эволюционную траекторию его развития на протяжении 1860-1910-х гг.

Первая тенденция такой эволюции заключалась в совершенствовании нормативно-правовой базы судебной экспертизы. Оно происходило в форме максимального сохранения исходного экспертного законодательства в сочетании с внесением в него точечных изменений, направленных на устранение обнаруживавшихся законодательных пробелов. Эти пробелы касались преимущественно второстепенных аспектов действовавшего законодательства и их восполнение расширяло число участников судебной экспертизы, частично уточняло их функции, содействовало материальному обеспечению деятельности сведущих людей, но, за исключением создания

Кабинетов научно-судебной экспертизы[1], не внесло сколько-нибудь существенных изменений в законодательные основы экспертной деятельности.

Вторая тенденция заключалась в текущей коррекции правоприменения экспертного законодательств посредством деятельности Уголовного и Гражданского Кассационных департаментов Правительствующего Сената. В 74 выявленных и изученных кассационных решениях нашли своё отражение конкретные проблемы, порождённые судебными ошибками в трактовке экспертного законодательства, а разъяснения, данные по этим ошибкам, сыграли важнейшую роль в повышении качества применения этого законодательства как в мировом судопроизводстве, так и в судопроизводстве в общих судебных местах. В целом кассационная деятельность Сената доказала устойчивость и стабильность экспертного законодательства 20 ноября 1864 г., подтвердила его соответствие реализации целей, заложенных в новую судебную систему России реформой 1864 г.

[1] О кабинетах научной-судебной экспертизы см. подробнее: § 3.2 настоящей диссертации.

Глава 3. Теория и практика экспертной деятельности в России в 1860-1910-е годы

3.1. Разработка теоретических вопросов судебной экспертизы

Практическая реализация Уставов 1864 г. не только обнаружила сложности в правоприменении, в том числе в области судебной экспертизы, но и поставила перед юридической наукой необходимость теоретического осмысления экспертизы как части судебного процесса, её места, роли и функций.

К середине XIX в. в европейской процессуальной науке оформились три подхода в трактовке экспертизы. В континентальном праве экспертизу рассматривали либо как вид осмотра, проводимого судом, либо как отдельный вид доказательств. В английском праве мнения экспертов рассматривали в том же ряду, что показания свидетелей.

В российской правовой мысли впервые точка зрения по вопросу роли экспертизы в суде была высказана Я. И. Баршевым в работе 1841 г., посвящённой уголовному судопроизводству[1]. Как отмечается в предисловии к её современному переизданию, работа фактически представляла собой курс уголовного процесса и была первым отечественным изданием по этой отрасли права[2]. В значительной мере она представляла своего рода развёрнутый комментарий к действовавшему уголовно-процессуальному законодательству (т. XV Свода законов Российской империи 1832 г.).

Я. И. Баршев провёл разделение между доказательствами, то есть причинами, «по которым предмет исследования делается известным», и уликами, позволяющими «считать что-либо вероятным». Он отнёс к доказательствам «осмотр посредством лиц сведущих в предмете исследования», определив его в качестве второго (после личного осмотра

[1] Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841.

[2] Ковалев М. А. Предисловие // Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: «ЛексЭст», 2001. С. XX.

судьёй или следователем) «источника непосредственного убеждения в делах уголовных». Потребность в таком осмотре, указывал он, возникает, «ежели точное узнание случающегося в деле обстоятельства предполагает особенные сведения или опытность в какой-либо науке или ремесле». При этом он полагал, что «мнение сведущих людей вполне здесь представляет и заменяет мнение судьи или следователя, которые призывают их на помощь»[1].

В § 159, рассмотрев «силу и действие свидетельства сведущих людей» в суде, Я. И. Баршев указал, что при соблюдении некоторых условий (сведущие люди имели все нужные сведения о предмете и обладали качествами, необходимыми для его наблюдения, а также основывали своё мнение «на верных началах», соотнеся это мнение с другими обстоятельствами дела) «свидетельство сведущих людей должно быть признано, без всякого сомнения, полным и совершенным доказательством»[2].

Таким образом, этим автором была задана исходная для российской юридической науки точка зрения на экспертизу (применительно к уголовному процессу): она выполняет и в осмотре, и непосредственно в суде функции одного из видов доказательств. Это вполне соответствовало официальному законодательству: так, ст. 1042 Свода законов уголовных 1832 г. гласила: «Свидетельство медицинских чиновников приемлется совершенным доказательством, когда сие свидетельство, быв учинено на законном основании, содержит ясное и положительное удостоверение об освидетельствованном предмете и не противоречит достоверным обстоятельствам дела»[3]. В дореформенном гражданско-процессуальном законодательстве, как было отмечено в параграфе 1.1, мнения сведущих людей тоже рассматривались как доказательство.

Иной взгляд был в 1861 г. представлен в работе В. Д. Спасовича.

---

[1] Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. С. 74-77.
[2] Там же. С. 196.
[3] СЗ-1832. Т. XV. С. 309.

Разные виды уголовных доказательств он связывал с тремя видами познания: чувственный опыт, предание или восприятие чужих убеждений и «наведение или умственное проникание в исследуемый предмет». Экспертизу он отнес к чувственному опыту: «чувственный опыт совмещает в себе: I, личный осмотр судьей следов преступления и II, дополнение этого осмотра: суждение экспертов, разбор и решение знатоками таких вопросов, которые требуют особых технических познаний»[1]. Следовательно, суждение экспертов, по В. Д. Спасовичу, «суть только дополнение личного осмотра». В то же время он не уподоблял экспертов свидетелям, так как сведущие люди «только поверщики сомнительного факта. Они не передают суду своих личных впечатлений, но сообщают свои мнения, основанные на строго-логических соображениях». В отношениях суда и сведущих людей действующее законодательство, замечал В. Д. Спасович, создавало некоторую неопределённость, поскольку «правосудие, прибегая к авторитету искусства, тем самым обнаруживает свою некомпетентность решить известный вопрос, следовательно, оно некомпетентно также судить, правильно ли решен этот вопрос экспертами или нет. В случае сомнения насчет правильности суждения экспертов, правосудие может прибегнуть к другим экспертам, более сведущим в том же деле». Но поскольку в российском процессе «не дается убеждению судьи простора», оттого «решение технических вопросов, в особенности по части медицины, принадлежит целой системе представителей науки» и между судом и экспертами-медиками «рождаются иногда забавные столкновения»[2].

Таким образом, В. Д. Спасович в основном склонялся считать саму экспертную процедуру и соответственно представленное экспертами заключение как вид осмотра, но в неопределённости в российском праве отношений суда и экспертов (в отличие от европейского права, где судья принимал решение по своему внутреннему убеждению и был вправе не

[1] Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. С. 14.
[2] Там же. С. 38-39.

учитывать мнение эксперта) видел потенциальный источник возникновения процессуальных коллизий.

Принятие судебных уставов и последующая практика их правоприменения актуализировали в профессиональной среде правоведов-процессуалистов в числе многих других и вопросы о месте, роли и функциях сведущих людей (экспертов) в судопроизводстве, придав в силу различия уже существовавших точек зрения обсуждению этих вопросов в значительной мере теоретическое измерение.

Возможно, по причине сложившейся на практике традиции наиболее широкого использования именно судебно-медицинской экспертизы особую активность в развёртывании в юридической науке дискуссии об экспертизе сыграли специалисты в уголовном праве и судопроизводстве. Главным источником этой дискуссии явилась оригинальная позиция, впервые чётко сформулированная профессором уголовного права Харьковского университета Л. Е. Владимировым в работе 1870 г.

Подробно и критически проанализировав взгляды по вопросу о значении экспертизы в суде, высказанные в зарубежной юридической литературе (форма личного осмотра, отдельная форма свидетельских показаний, самостоятельный вид доказательств), он оценил их все как неверные и противопоставил свою точку зрения, согласно которой роль эксперта – это роль «научного судьи»[1]. Но следует учесть, что его вывод основывался на анализе роли в уголовном судопроизводстве, как на этапе предварительного следствия, так и непосредственно в судебном заседании, судебно-медицинской экспертизы, роли эксперта-врача. «Медицинское свидетельство, – подчеркнул Л. Е. Владимиров, – имеет характер мотивированного приговора, потому что эксперт на основании доказательств приходит к известному заключению. В этом отношении деятельность его совершенно тожественна с деятельностью судьи, принимающего то или иное мнение о деле

[1] Владимиров Л. Е. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве. С. 119.

на основании доказательств». Медицинские эксперты, указывал он, вращаются в специальной сфере, и «материал, из которого они строят свой приговор, только им вполне и понятен. Но потому-то и приговор их – научный»[1].

Эту позицию Л. Е. Владимиров продолжал отстаивать и в дальнейшей научной деятельности, несмотря на критику, которой она была подвергнута другими российскими юристами.

Так, в наиболее известной своей работе «Учение об уголовных доказательствах» он распространил её на все виды экспертиз, а не только судебно-медицинских. «Эксперты, основывающие свои заключения на какой-либо науке, – однозначно утверждал он, – суть научные судьи, приговор которых является решением специального вопроса в деле. Этот приговор принимается за доказательство… потому что он исходит от специалистов, имеющих все данные для основательного решения вопроса». Судьи и присяжные не могут быть посвящены в тайны науки, «им остается только следовать авторитетному указанию эксперта»[2].

Иначе Л. Е. Владимиров оценивал экспертизу, основанную на опытных знаниях: «Эксперты, основывающие свои заключения на опытности в каком-либо ремесле, занятии или промысле, являются не судьями, а справочными свидетелями, объяснения которых могут быть вполне усвоены и оценены судьями». Поэтому между научными экспертами и справочными свидетелями, по его мнению, имеются качественные различия, которые должны учитываться судьёй. Мнение экспертов является для него авторитетным, он не имеет необходимых знаний, чтобы его критиковать, а мнения вторых предоставляют ему лишь справки и сведения, которые он может принимать или не принимать во внимание при решении конкретного дела[3].

---

[1] Владимиров Л. Е. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве. С. 98, 107.
[2] Он же. Учение об уголовных доказательствах. Особенная часть. Книга первая. Личный судейский осмотр и заключения экспертов. С. 12.
[3] Там же. С. 14-15.

Без каких-либо изменений эти взгляды были повторены в последнем прижизненном издании данной работы учёного[1].

Реакция правоведов на позицию Л. Е. Владимирова в целом носила негативный характер, но последовательность, с которой учёный её отстаивал, привела к тому, что дискуссия на затихла полностью и в начале XX века.

Но, как признавал сам Л. Е. Владимиров, согласие с его позицией в основном выразили не юристы, а специалисты в области судебной медицины.

Например, практически солидаризировался с ним В. И. Штольц, полагавший, что на стадии предварительного следствия врач-эксперт «есть такой же судья фактов, как и следователь», а в судебном следствии «его роль уподобляется роли присяжного заседателя». Следовательно, «эксперт на суде является лицом самостоятельным, научным судьей фактов». Хотя законодательство и практика пока точно не определили теоретическое значение экспертизы, но все же, подчеркивал В. И. Штольц, отчасти они ставили эксперта именно в положение судьи фактов (judices facti)[2].

Близкую позицию занимал и А. С. Игнатовский, этим же термином определявший позицию эксперта в судебном деле[3]. Н. С. Бокариус был согласен с разделением экспертов на «справочных свидетелей» и «научных экспертов» и указывал, что именно врачи чаще всего и выступают в роли научных экспертов, как в предварительном, так и судебном следствии[4]. Несколько осторожнее по этому вопросу высказывался Д. П. Косоротов: определение врача-эксперта как научного судьи фактов «верно лишь в том отношении, что указывает на особое положение эксперта в судебном процессе, менее сходное с положением свидетеля или сторон и приближающееся, по необходимости анализа и беспристрастности, к положению судьи»[5].

---

[1] Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и особенная. 3-е изд., изм. и законченное. С. 197-199.
[2] Штольц В. И. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. С. 31-32.
[3] Игнатовский А. С. Судебная медицина. Вып. I. С. 35.
[4] Бокариус Н. С. Краткий курс судебной медицины. С. 3.
[5] Косоротов Д. П. Учебник судебной медицины для студентов. С. 15.

Однако и среди медиков нашлись авторы, критически отнёсшиеся к взглядам Л. Е. Владимирова, в частности, Ф. В. Вислоцкий.

«Заключение, к которому пришел г. Владимиров в качестве юриста-преобразователя судебно-медицинской экспертизы, – отмечал он, – предлагаемый им взгляд на врача-эксперта и способ улучшения экспертизы не решает, как нам кажется, поставленного им вопроса»[1]. Для верного определения роли судебно-медицинской экспертизы, необходимо «тщательное и подробное рассмотрение сущности достоинства медицинской экспертизы вообще и научного его основания … Без судебных целей нет судебно-медицинской экспертизы, но все-таки, удовлетворяя требованию судейских целей, она не лишается вовсе существенного своего характера, собственной почвы своей, т. е. медицины и ее научных начал, коими единственно и пользуется экспертиза для достижения судебных целей»[2].

«Нет сомнения, – признавал Ф. В. Вислоцкий, – что врач-эксперт приходит на основе доказательств к известному заключению, равно как и судья, потому что тот и другой руководствуются одними и теми же самыми логическими основаниями мышления. Но все-таки медицинское заключение не будет приговором, ни медик-эксперт судьей, потому что судья называется судьей не по той причине, что он судит на основе логических законов, а той, что обсуждает виновность или невиновность подсудимого, т. е. действие, признаваемое существующими законами преступлением». Врач-эксперт, заключал автор, предоставляет суду доказательства, основываясь на своих научных знаниях, «но эти доказательства прямо и непосредственно не определяют виновность подсудимого, врач никогда не решает вопроса о ней»[3].

Не разделил позицию Л. Е. Владимирова и психолог В. Ф. Чиж, полагавший, что деятельность врача-эксперта подобна деятельности всех

[1] Вислоцкий Ф. В. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве. С. 10.
[2] Там же. С. 14-15.
[3] Там же. С. 161.

сведущих людей вообще. «Врач всегда и везде, – подчёркивал он, – советник, сведущее лицо; его дело подавать советы, основанные на его специальных познаниях, и, наконец, как представитель науки, он обязан всеми средствами убеждать в справедливости им высказанного; этим его роль исчерпывается; наука и ее представители не имеют ничего принудительного и в этом их сила, поэтому было бы непоследовательно, если бы заключения экспертов были бы обязательны»[1].

Рассматривая вопрос о роли экспертизы в делах, участники которых страдали умственным расстройством, Л. З. Слонимский приходил к выводу, что «заключения медиков-психиатров имеют для судей не большую и не меньшую силу, чем всякие иные заключения сведущих людей по вопросам, требующим особых научных или технических данных. Врачи дают судьям только медицинский материал, который не всегда занимает главное место в ряду данных, необходимых для решения вопроса о вменяемости с точки зрения уголовного правосудия»[2].

В юридическом сообществе и до появления работ Л. Е. Владимирова преобладал взгляд на экспертизу как средство получения доказательств, особенно важное в уголовном судопроизводстве на этапе предварительного следствия.

Так, А. А. Квачевский, сравнив разные понимания значения сведущих людей на предварительном следствии, приходил к выводу, что они «являются независимыми и деятельными сотрудниками следователя, которых он избирает для разрешения темных сторон дела, для оценки фактов, доступных познаниям и опытности сведущих людей. При всем том они не отправляют ни одной обязанности следователя и не ставятся на его место: их полномочие дает им право содействовать правильности судебного решения, но не составляет его». «Мнение сведущих людей, – подчёркивал А. А. Квачевский, – не

[1] Чиж В. Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 323.

[2] Слонимский Л. З. Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. С. 151-152.

связывает следователя и судей; за последними остается неотъемлемое право оспаривать основания, на которых опирается это мнение, оценить правильность и логичность заключения, сообразность его с другими данными в деле». Поэтому решение сведущих людей для следователя и судьи является лишь «способом доказательства, которому закон не дает никакого преимущества пред другими способами»[1].

Именно в направлении признания экспертизы, в том числе и судебно-медицинской, самостоятельным доказательством развивалась критика позиции Л. Е. Владимирова со стороны других российских юристов.

«Отдавая полную справедливость искусству, с которым г. Владимиров отстаивает свою теорию, – писал, например, К. К. Арсеньев, – мы признаем ее неправильною во всех отношениях». Между экспертом и судьей, подчёркивал он, не может быть равенства: судья – это тот, кто не только обсуждает вопрос, но и принимает по нему окончательное обязательное решение. Решение же экспертов не обязательное и окончательное, оно может обсуждаться, оно только материал для правильного решения[2]. Также недопустимо деление экспертов на две группы, на экспертизу научную и ненаучную, нельзя допустить, чтобы разные эксперты имели неодинаковые права и обязанности: «Значение экспертизы должно быть определено таким образом, чтобы под определение подходили все ее роды и виды»[3]. «Экспертиза, – приходил К. К. Арсеньев к заключению, – есть доказательство, что эксперты – говоря словами г. Владимирова – не судьи, не решители вопросов, а только истолкователи их», значит, «экспертиза есть совершенно самостоятельное доказательство, требующее самостоятельных, отдельных правил, к ней собственно примененных»[4].

---

[1] Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. III. О предварительном следствии. Вып. I. С. 256-257.

[2] Арсеньев К. К. Судебное следствие. Сборник практических заметок. С. 306-307.

[3] Там же. С. 309.

[4] Там же. С. 312, 316.

Правда, среди правоведов, не согласных с точкой зрения Л. Е. Владимирова, имелись и иные трактовки значения экспертизы.

Например, видный специалист в уголовном праве Н. А. Неклюдов придерживался взгляда на роль сведущих людей, тождественную, хотя и имеющую иное основание, роли свидетелей: «Мнение эксперта есть тоже самое, что и мнение свидетеля; то же обстоятельство, что он есть свидетель специалист, не может дать ему никакого преимущества пред прочими свидетелями, потому что они свидетели очевидцы». Поэтому, отмечал он, «ясно само собою, что заключение экспертов обязательно только для совести суда и притом только настолько, поскольку оно разделяется этой совестью»[1].

К. В. Шавров признавал, что наличие сходств в функциях эксперта и других участников уголовного процесса позволяет «согласиться как с теми, которые считают экспертизу личным осмотром судьи, так и с теми, которые называют эксперта рациональным свидетелем. То или иное положение ее обусловливается только видом участия, но не существом дела. Можно назвать эксперта и судьей факта – психологически это то же самое»[2]. Однако он всё же склонялся к точке зрения, что эксперт, по сути, тот же свидетель: «Разница между положением эксперта и свидетеля, по существу, сводится к различию достоверности в их выводах», поэтому «экспертиза не что иное, как свидетельское показание специалиста: она является как необходимое дополнение некомпетентности судьи, который пользуется ею в целях осмотра, освидетельствования и оценки данных дела» и, значит, «показание свидетелей и заключение экспертов в деле представляются одинаковым материалом для получения истины, т. е. судебным доказательством»[3].

Но в одном случае, по мнению автора, экспертиза юридически должна быть всё же выделена из общего ряда: «Если в экспертизе психиатрической

[1] Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. Т. I. С. 501.
[2] Шавров К. В. Экспертиза в уголовном суде. С. 19.
[3] Там же. С. 17, 19.

нет возможности для судьи оценивать мнение экспертов ни по существу его, ни по отношению к другим видам доказательств, то тем самым мы должны признать, что ее положение совершенно самостоятельное и во всяком случае иное, чем всякой другой экспертизы». Поэтому он считал, что «психиатрическая экспертиза должна быть выделена из процесса и представлена решению жюри медиков-психиатров»[1].

Против такого выделения психиатрической экспертизы решительно возразил С. К. Гогель: «Заключения экспертов всегда крайне решительны и точны, как бы ни был скуден материал, на котором эти заключения строятся, как бы мало он не подкреплял этих заключений и как бы мало сами заключения не соответствовали указанным в науке признакам болезни». Более того, «увлекаемые авторитетностью своего положения, эксперты не удерживаются на почве чисто научных данных, распространяют свои заключения на все данные судебного следствия», в то время как «их заключение только одно из доказательств»[2].

По мнению Д. Г. Тальберга, неверной являлась не только позиция Л. Е. Владимирова, но и попытки некоторых правоведов признать экспертизу видом личного осмотра или свидетельских показаний. «Экспертиза составляет совершенно самостоятельный вид доказательств, служит одним из средств, путем которого судья убеждается в истинности или ложности известных фактических обстоятельств; сущность этого доказательства именно состоит в мнении или заключении, которое дают на суде сведущие люди по предмету их специальности» – такую точку зрения он считал единственно верной[3].

Как нам представляется, ключевое значение в развернувшейся теоретической дискуссии сыграла позиция И. Я. Фойницкого – учёного и практика, имевшего в дореволюционном профессиональном юридическом

[1] Шавров К. В. Экспертиза в уголовном суде. С. 10, 37.
[2] Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России. С. 18, 37.
[3] Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Т. II. Вып. 1. С. 167-168.

сообществе авторитет наиболее влиятельного специалиста в уголовном праве и уголовном судопроизводстве.

Признавая, что «вопрос о процессуальной природе экспертизы не получил еще в литературе однообразного решения», он, тем не менее, полагал недопустимым отрицать доказательственную природу экспертных заключений и видеть в экспертах «полномочных и исключительных судей, разрешающих вопросы, для уразумения которых требуются специальные познания». И. Я. Фойницкий подчёркивал, что «по самому существу дела есть глубокая разница в деятельности экспертов и судей» и «между экспертизой и судебным решением столько точек различия, что смешивать их невозможно». Важнейшим отличием он считал то, что судья есть орган закона, эксперт – орган науки, знания. «Экспертиза, – указывал он, – дает только материал для постановки судебного решения и представляется, следовательно, одним из видов доказательств». Сторонники качественного выделения научной экспертизы связывают ее преимущественно с медицинской экспертизой, но «нет оснований придавать особое значение экспертизе медицинской и так же мало оснований считать экспертизу судебным решением». Поэтому, приходил И. Я. Фойницкий к выводу, экспертизу следует считать «совершенно особым видом доказательств, называемым мнением экспертов»[1].

Он крайне критически отнёсся и к попыткам рассматривать экспертизу как вид судебного осмотра или свидетельского показания. Экспертиза, аргументировал свой взгляд И. Я. Фойницкий, может проводиться без участия суда и вне личного осмотра, осмотр сам по себе не есть доказательство, а лишь способ получения вещественного или письменного материала. Мнение же эксперта представляет не материал, а особый вид доказательства. Свидетель дает свои показания о факте, но должен воздерживаться от мнения или суждения о нем. Обязанность эксперта, напротив, сообщить свое мнение, основываясь на научных знаниях. Свидетель незаменим, экспертом могут

[1] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. Т. II. С. 277-280.

быть разные специалисты, свидетель случайно оказывается наблюдателем факта, эксперт специально его наблюдает. И. Я. Фойницкий резюмировал, что, «подавая свое мнение, основанное на специальных сведениях, эксперт расширяет область познаний суда и содействует более правильному разрешению дела. Но, подобно прочим доказательствам, и экспертиза подлежит свободной оценке суда»[1].

Близкую И. Я. Фойницкому позицию заняли в дискуссии и другие видные специалисты в уголовном судопроизводстве.

Точка зрения Л. Е. Владимирова, указывал С. В. Познышев, возвращала юридическую науку к ныне преодолённой формальной теории доказательств, а на самом деле нынешний судья, даже не владея специальными знаниями, присущими эксперту, может логически проверить его заключение. К тому же положения современной медицины «далеко не всегда бесспорны и достаточно определенны», врачи-эксперты «часто противоречат друг другу». Все это не позволяет считать их экспертное мнение единственно верным. В целом «врачебная экспертиза ни по своей важности для дела, ни по своей достоверности не имеет никаких преимуществ перед другими видами экспертизы». Поэтому, заключал С. В. Познышев, «наиболее правильным надо признать господствующий взгляд, согласно которому экспертиза является особым, самостоятельным видом уголовно-судебных доказательств»[2].

М. В. Духовской тоже считал, что позиция Л. Е. Владимирова, утверждавшая обязанность суда принимать заключение эксперта как научный приговор, возвращала к формальной теории доказательств, между тем, как современный судья, не разбирая специальный вопрос, решаемый экспертом с точки зрения науки, может сопоставить это решение с другими доказательствами и действовать в зависимости от согласия или несогласия между ними. Экспертиза «есть не что иное, как одно из доказательств на суде»,

---

[1] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. Т. II. С. 280-281.

[2] Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. С. 195-196.

указывал он, но одновременно подчёркивал, что «экспертизу нельзя отнести ни к какому-либо из существующих доказательств. Это не что иное, как особый, самостоятельный вид доказательств; а если так, то, следовательно, к нему нельзя применять правила или условия, установленные для других доказательств»[1].

Данные, на которых строят свои заключения эксперты, отмечал С. И. Викторский, не являются незыблемыми истинами, и если эксперт участвует в суде, задаёт вопросы, знакомится с обстоятельствами дела, то лишь для того, чтобы получить возможность вернее высказаться, а не выносить приговор. К тому же, добавлял он, эксперты могут отказаться от своего мнения, а судья обязан принять решение. Подробно рассмотрев законодательство об экспертизе, С. И. Викторский со всей определённостью заключил: «Наши законы смотрят на экспертизу именно как самостоятельный вид доказательств»[2].

Преобладание среди российских правоведов точки зрения, отвергавшей позицию Л. Е. Владимирова и утверждавшей за экспертизой вид самостоятельного доказательства, не означало, что процессуальная наука не видела реальную сложность положения экспертизы в ряду других аргументов, используемых судом при вынесении окончательных решений.

Так, В. Я. Фукс, критически относясь к взглядам Л. Е. Владимирова, полагал, что основная причина расхождений в трактовке функций экспертизы проистекает из того, что в действительности эксперты соединяют в себе разные функции (помощников судей, свидетелей, научных судей), но являются в судебном процессе, «смотря по обстоятельствам данного случая, с преобладанием то одной из них, то двух, а то и во всей своей полноте»[3]. Подобная различность способна создать неверные обобщения роли эксперта.

---

[1] Духовской М. В. Русский уголовный процесс. С. 229-230.
[2] Викторский С. И. Русский уголовный процесс. С. 267.
[3] Фукс В. Я. Уголовно-судебная экспертиза на предварительном следствии и суде // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. IV. С. 23.

Однако, целостно рассмотрев действия эксперта на разных этапах судебного процесса, В. Я. Фукс приходил к выводу, что «в каком бы виде экспертиза не выступала в уголовном процессе, она всегда и везде занимает, так сказать, подчиненное служебное место, а потому и не может претендовать на особое, самостоятельное и независимое положение; являясь одним из средств для выяснения судебного дела с внешней или внутренней стороны, она не заключает в себе ничего, что отличало бы ее от других средств, служащих для той же цели, именно показаний обвиняемых и свидетелей, осмотров и вещественных данных дела, а потому по своей цели, объему и отношениям к другим факторам процесса, экспертиза представляется таким же, как и они, доказательством»[1].

«Бывают случаи, – соглашался В. К. Случевский, – в которых граница, отделяющая свидетеля от эксперта, как бы уничтожается, вследствие чего и возникают затруднения в определении процессуальной роли вызываемого лица». Также «весьма разнообразны могут быть те поводы, по которым органы судебной власти вынуждены бывают обращаться к содействию экспертов». Тем не менее, считал он, верным является взгляд на заключение экспертов, как на уголовное доказательство. Однако, чтобы именно как доказательство экспертное заключение было правильно понято судом, большое значение имеет собственно изложение этого заключения. Оно должно, «вполне выясняя научное достоинство, вместе с тем было бы удобопонимаемым для судей – неспециалистов»[2].

В известной мере подведением черты под проходившей среди специалистов в уголовном и уголовно-процессуальном праве дискуссией о месте и роли экспертизы, по нашему мнению, можно считать позицию, представленную в работе Н. Н. Розина, изданной в 1914 году. Он особо подчеркнул разнообразие видов экспертизы в современном уголовном

[1] Фукс В. Я. Уголовно-судебная экспертиза на предварительном следствии и суде. С. 54.
[2] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. С. 321-322, 391-392.

судопроизводстве: не только судебно-медицинская, но и химическая, микроскопическая, дактилоскопическая, каллиграфическая, фотографическая и т. д. В этих видах принимают участие различные специалисты, и правовое значение их заключений одинаково важно для суда, что делает неверным попытку Л. Е. Владимирова разделить экспертов на две группы по искусственному признаку. «Превращение судьи по отношению к научным экспертам в простого исполнителя чужого решения, – указывал Н. Н. Розин, – противоречит самому положению судьи в процессе, а экспертизе придает характер формального доказательства – что несоединимо с основаниями современного доказательственного права». «Главная же ошибка излагаемой теории, – делал он вывод, – заключается в том, что она игнорирует характер той работы, которую должен совершить судья, выясняя свое убеждение по рассматриваемому им делу». Выводы эксперта, логика подведения факта под общие положения могут быть проверены судом, как и всякое другое доказательство. «Экспертиза, таким образом, не является ни видом личного осмотра, ни видом свидетельских показаний, ни, наконец, решением научных судей – это особый вид доказательств»[1].

В итоге в теории уголовного судопроизводства в ходе рассмотренной дискуссии оформилась преобладающая трактовка экспертизы как одного, но особого, самостоятельного вида судебных доказательств. Альтернативная, послужившая источником научных споров позиция Л. Е. Владимирова не нашла существенной поддержки. Однако следует отметить, что в современной юридической литературе последняя оценивается с большей объективностью: отмечается её позитивное влияние на последующее развитие российской теории доказательств в уголовном процессе, считается небесполезной предпринятая этим учёным попытка «привнести в отечественную доктрину сугубо англосаксонские доказательственные конструкции»[2].

---

[1] Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. С. 384-386, 389-390.

[2] Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. С. 153.

В отличие от уголовных процессуалистов у их коллег – гражданских процессуалистов сколько-нибудь заметной дискуссии о роли экспертизы в судебном процессе не состоялось.

Отчасти это может быть объяснено, как нам представляется, субъективным фактором: среди цивилистов не обнаружилось «возмутителя спокойствия», способного, подобно Л. Е. Владимирову, выступить с неортодоксальной точкой зрения, резко противоречащей мнению большинства. К тому же в число применяемых в гражданском процессе экспертных методов не входила судебно-медицинская экспертиза, своеобразие которой как раз и послужило источником возникновения представления об эксперте как «научном судье».

Но, возможно, главная причина заключалась в различиях гражданского и уголовного судопроизводств, отражавшихся и на характере соответствующей экспертной деятельности.

В гражданском процессе, где в центре внимания находились материально-правовые отношения сторон, а в качестве предъявленных сторонами доказательств выступали материальные объекты и документы, задачей экспертов являлось установление достоверности (поверка) этих доказательств.

Так, в законодательных мотивах, предпосланных Гл. IX. «О поверке доказательств» (Разд. I. «О производстве в окружных судах» в Кн. II), в Уставе гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. было сказано: «Личный осмотр и заключение сведущих людей, не составляя сами по себе доказательства в строгом смысле сего слова, имеют одну цель: развить убеждение судьи о материальной стороне дела до степени достоверности. И в том, и в другом действии выходит наружу совокупность всех представленных сторонами доказательств … Заключение сведущих людей дополняет понимание судьи; в нем нет события или обстоятельства, которое можно было бы назвать доказательством: в нем есть рассуждение, логический вывод от

известного к неизвестному, от обстоятельств, не подлежащих сомнению, к тому, что должно быть доказано»[1].

В то же время в Кн. I. «Порядок судопроизводства в мировых судебных установлениях» в состав Гл. V. «О доказательствах» входили 6 отделений, в число которых, наряду с показаниями свидетелей и письменными доказательствами, включались «Осмотр на месте и заключение сведущих людей».

Следовательно, имела место коллизия в законодательном определении роли экспертизы в гражданском судопроизводстве: является она отдельным доказательством или нет. Эта коллизия была разрешена только в проекте новой редакции УГС 1903 г., когда с общими правилами о доказательствах (ст. 366-369[1]) были соединены общие правила о поверке доказательств (ст. 499-506)[2].

Однако новая редакция не получила законодательного воплощения, поэтому в УГС, действовавшем до конца империи, сохранялась указанная коллизия. В такой ситуации, если судить по трудам гражданских процессуалистов, де-факто заключение сведущих людей стало ими трактоваться как самостоятельное доказательство.

Показательна в этом отношении позиция, занятая К. П. Победоносцевым, который однозначно отнёс заключение сведущих людей, наряду со свидетельскими показаниями, к доказательствам, оставив функцию поверки доказательств только за осмотром на месте[3]. По его мнению, при соблюдении порядка, установленного в ст. 119-124 и 515-533 УГС, «удостоверение сведущих людей может служить доказательством»[4].

---

[1] Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. 2-е, доп. изд. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. I. Устав гражданского судопроизводства. С. 257.
[2]Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства. СПб.: Сенат. тип., 1900. Т. I. С. 177.
[3] Победоносцев К. П. Судебное руководство. С. XI.
[4] Там же. С. 322.

Аналогично поступил Е. А. Нефедьев, отнеся заключение сведущих людей, как и свидетельские показания, к «отдельным видам доказательств»[1].

Поэтому можно сказать, что изменения, предполагавшиеся в проекте новой редакции УГС, лишь суммировали сложившуюся де-факто общую позицию цивилистов по вопросу о роли заключения сведущих людей. Её хорошо выразил Т. М. Яблочков в работе 1912 г. Он прямо указал, что законом заключение сведущих людей «постановлено в ряд судебных доказательств», использовав в качестве аргумента как раз ссылку на проект 1903 г.[2]

Рассматривая экспертизу как самостоятельное доказательство, гражданские процессуалисты акцентировали внимание на её отличиях от свидетельских показаний, в 1864 г. отнесённых как раз к доказательствам.

Так, А. Х. Гольмстен, разделив все доказательства на вещественные и личные, отнёс заключение экспертов к личным доказательствам, в число которых также включил свидетельские показания и показания окольных людей. Отметив некоторые сходства (обязанность явки в суд и дачи показаний) и отличия (отсутствие присяги, получение вознаграждения за труд, отвлечение от занятий и издержки для исследования) в судебном положении эксперта и свидетеля, он выделил различие в «логическом пути, по которому идёт констатирование ими спорного факта». «Свидетель, – подчеркнул А. Х. Гольмстен, – сообщает непосредственно воспринятый им обосновывающий факт, а эксперт выводит существование этого факта по сохранившимся материальным или интеллектуальным следам; он восходит от настоящего к прошедшему, основываясь на сохранившихся от факта следах, которые оценивает на основании данных науки и своего специального опыта»[3].

С некоторой афористичностью ту же мысль выразил А. И. Загоровский: «Свидетель показывает о том, что было – он историк; сведущий человек о том,

---

[1] Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 2-е. С. 400.
[2] Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. С. 120, 115.
[3] Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 5-е, испр. и доп. С. 235-236.

что есть: он повествователь настоящего». Однако вместе с тем учёный обращал внимание, что между положением сведущего человека и других участников судебного процесса имеется определённое сходство: «По отношению к суду заключение сведущих людей является как бы заменой личного осмотра», а «как лицо, постороннее делу, как показывающее о спорном факте, сведущий человек напоминает свидетеля»[1].

Как отмечалось выше, среди специалистов по уголовному процессу высказывалось мнение о том, что в экспертизе соединяются разные функции, затрудняющие однозначное её определение только как самостоятельного доказательства. Такая точка зрения имела место и среди цивилистов.

Например, ещё в 1870-е гг. один из самых известных российских цивилистов К. И. Малышев счёл необходимым определить сведущих людей как «пособников судей», использовав в качестве аргумента ссылку на то обстоятельство, что «эксперт есть лицо постороннее, не имевшее никакого отношения к событию; он назначается судом для исследования предмета уже после того, как открылся процесс». Также он особо отмечал, что хотя закон предоставляет тяжущимся право приглашать сведущих людей, но и сам суд по своему усмотрению может либо приглашать сведущих людей, либо, если сочтёт это ненужным, не приглашать их, несмотря даже на просьбу тяжущегося[2]. Значит, суд рассматривает сведущих людей в таких ситуациях как своих помощников.

Развёрнуто точку зрения о неоднозначности положения эксперта в гражданском процессе представил Е. А. Нефедьев. Он признавал, что «сведущие люди отличаются от свидетелей тем, что последние удостоверяют существование фактов, а они объясняют значение фактов, приводимых тяжущимися, оказывая в этом случае суду помощь своими познаниями. Но это различие, впрочем, нельзя провести вполне последовательно, так как весьма

[1] Загоровский А. И. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. С. 214.
[2] Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. Т. I. 2-е изд., испр. и доп. С. 323.

часто показаниями экспертов удостоверяется именно существование самого факта». «Таким образом, заключение сведущих людей, – полагал этот автор, – носит смешанный характер: с одной стороны, оно является средством поверки доказательства, с другой – рассматривается как самостоятельное доказательство. Это доказательство имеет в этом отношении большое сходство с осмотром на месте и вместе с последним отнесено нашим Уставом к поверке доказательств. Смешанным характером этого доказательства объясняется то, что экспертиза так же, как и осмотр, назначается или по усмотрению суда, или по просьбе сторон». Однако, подчёркивал Е. А. Нефедьев, эксперты «помогают суду определить истинное значение фактов, приводимых тяжущимися; решение же вопроса о том, нуждается ли суд в их помощи должно быть, конечно, предоставлено самому суду»[1].

Еще более определённо относительно смешанности или двойственности функций сведущих людей в гражданском процессе высказался И. Е. Энгельман. Сведущие люди, указывал он, «являются на суд в двоякой роли: как свидетели и как помощники судьи. Как свидетели они допрашиваются относительно своих наблюдений над предложенными их вниманию объектами. Их заключения (показания) служат материалом для обсуждения дела». Но, как помощники судьи, «сведущие люди оценивают значение известных фактов, для разрешения спорных вопросов на основании своих особых научных, технических или хозяйственных сведений». Всё же И. Е. Энгельман склонялся к проведению между свидетелями и сведущими людьми различия, которое можно считать традиционным для всех процессуалистов: свидетели передают свои непосредственные впечатления в момент совершения спорного факта, эксперты же доходят до него на основании оставшихся материальных следов[2].

[1] Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. С. 190-191.
[2] Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Изд. 3-е, испр. и доп. С. 318.

Е. А. Васьковский смещал акцент в характеристике деятельности экспертов в несколько иную сторону: «эксперты, в отличие от свидетелей, не сообщают суду сведений относительно фактических обстоятельств дела, а высказывают свои мнения по поводу или относительно этих обстоятельств». Поэтому задача экспертов «состоит в доставлении суду эмпирических положений, необходимых ему для подведения фактических обстоятельств дела под юридические нормы или, иначе говоря, «заключение экспертов облегчает суду постановление и оценку фактических обстоятельств»[1].

Таким образом, взгляды российских учёных – специалистов в области гражданского судопроизводства (стоит отметить, что они, как правило, были специалистами и в теории гражданского права) в целом оказались близки взглядам их коллег по уголовному судопроизводству. Поэтому можно говорить о достижении между ними относительного неформального консенсуса по двум основополагающим теоретическим вопросам: во-первых, о признании экспертизы самостоятельным, но лишь одним из видов доказательств, используемых судом при вынесении своих решений; во-вторых, об определении роли и функций эксперта как представителя научного знания, расширяющего область компетенции суда и содействующего определению истины в судебном решении.

Все теоретические разработки создавали необходимое основание для развития практики судебной экспертизы. Трактовка экспертной деятельности как важнейшего инструмента повышения доказательности и обоснованности судебных решений повышала значимость экспертов в глазах законодателей, непосредственных участников судебного уголовного и гражданского процесса, но одновременно и стимулировала усилия по повышению качества судебной экспертизы, как в организационном плане, так и в поиске и внедрении новых средств экспертизы, особенно в свете происходившего формирования в России её новой важной отрасли – криминалистики.

[1] Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. С. 364-365.

3.2. Совершенствование организации экспертной деятельности, методов и средств её осуществления

Кассационная деятельность Сената обнаружила, что многие коллизии, возникавшие в правоприменении экспертного законодательства, своим источником имели недостаточный уровень компетенции судебного сообщества в вопросах, требовавших применения знаний, выходивших за пределы юриспруденции. С одной стороны, это вызывало у судей потребность в обращении к экспертам, но, с другой стороны, не позволяя адекватно оценить убедительность экспертных мнений, основывавшихся на использовании естественнонаучных знаний (медицина, биология, химия, техника и др.), порождало стремление избежать такого обращения или с недоверием относиться к экспертным заключениям.

В значительной мере причиной являлось отсутствие системной организации экспертного дела. По сути, введя в действие Уставы, власть предоставила самим судебным органам решать вопросы не только приглашения экспертов, но и выбора тех лиц, которые выступали в этой роли.

В результате относительно стабильным на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. являлось положение лишь судебно-медицинской экспертизы. Организационно на местах с 1865 г. она осуществлялась Врачебными отделениями губернских правлений, которым подчинялись уездные и городские врачи. Именно эти две группы врачей выполняли наравне с множеством иных своих функций и обязанности судебно-медицинских экспертов. Правда, уровень профессиональных знаний, необходимых для полноценного выполнения таких задач, у этих категорий врачей далеко не всегда был на должном уровне. Но зато в их распоряжении имелся стабильный нормативный документ – Устав судебной медицины. Поэтому в целом у судебных органов не возникало особых трудностей в проведении судебно-медицинских экспертиз.

Гораздо сложнее дело обстояло с экспертизами, требовавшими применения иных естественнонаучных знаний (технических, биологических,

химических, физических и др.). Если в университетах имелись кафедры судебной медицины, то подготовкой экспертов – специалистов в области других естественных наук университеты не занимались. Получение знаний по этим наукам не входило и в юридическое образование.

В результате наметилось отставание в этих сферах экспертной деятельности от европейских стран, где как раз в последний трети XIX в. возникла и стала быстро развиваться новая отрасль юридического знания, использовавшаяся при расследовании уголовных преступлений и применявшая различные новейшие технические средства – криминалистика.

Среди этих средств важное место заняло использование фотографии, оказавшейся эффективным средством решения многих экспертных задач, например, в области раскрытия не только подлогов документов, но и убийств.

Не случайно, что именно с фотографии началось совершенствование практической экспертной деятельности за пределами медицинской экспертизы и в России. Как это часто случалось в истории, ключевую роль сыграла личностная инициатива, которую в данном случае проявил один из энтузиастов фотографического дела Е. Ф. Буринский, увидевший возможность использования потенциала фотографии именно в судебном деле.

В 1889 г. он организовал на свои собственные средства первую в России судебно-фотографическую лабораторию при С.-Петербургском Окружном суде, применявшую фотографические методы при исследовании документов. В современной отечественной криминалистической литературе отмечается, что Е. Ф. Буринский в работе «Судебная экспертиза документов» (1903 г.) не только изложил разработанные им методы исследования документов, но и сформулировал «концепцию судебной экспертизы вообще, использования ее в уголовном и гражданском судопроизводстве»[1]. Разрабатывавшийся Е. Ф. Буринским принцип «исследующей фотографии» привёл его к созданию первой оригинальной отечественной системы судебной экспертизы

[1] Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. С. 43.

документов, важнейшее место в которой заняло изучение деталей невербальной информации[1].

За первый год своей деятельности лабораторией было проведено 78 различных исследований, главным образом для С.-Петербургского суда[2]. Но лаборатория просуществовала лишь три года. Е. Ф. Буринскому отказали в казённом финансировании, а собственных его средств было недостаточно для выполнения заказов, поступавших из петербургских и других судебных установлений. Также возникли сложности с оплатой выполнявшихся лабораторией фотографических экспертиз: как признавал сам Е. Ф. Буринский, приходилось отказывать суду в использовании лично ему принадлежавших инструментов, если суд не соглашался платить за исследование вперёд[3].

Однако деятельность лаборатории наглядно доказала важность и эффективность фотографических средств при исследовании подлинности документов и рукописных материалов. По мнению прокурора С.-Петербургского Окружного суда И. Г. Щегловитова, традиционная каллиграфическая экспертиза документов исчерпала свои возможности, так как способы подлогов и подделки непрерывно совершенствовались за счёт применения различных технических средств. Значит, необходимо было противопоставить искусным подлогам соответствующие технические средства их обнаружения и разоблачения со стороны экспертизы, первоочередными из которых являлись фотографические средства. Ссылаясь на примеры конкретных успешных фотографических экспертиз Е. Ф. Буринского, И. Г. Щегловитов приходил к выводу о «безусловной необходимости применения этой экспертизы к исследованию документов»[4].

---

[1] Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898-1963 гг. С. 14.

[2] Хазиев Ш. Н. История сотрудничества прокуратуры Российской Федерации и Российской Академии наук в области криминалистики и судебной экспертизы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 6 (62). С. 88.

[3] Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов. С. 336.

[4] Щегловитов И. Г. Судебная экспертиза документов. С. 45-46, 56-57, 71.

Инициатором постановки дела фотографической экспертизы на законные основания выступил прокурор С.-Петербургской Судебной палаты А. М. Кузминский, внёсший в апреле 1892 г. соответствующее представление в Министерство юстиции. В нём он, в частности, указал на целесообразность передать дело фотографической экспертизы в ведение правительства[1]. Министерство по рассмотрению представления признало, что «наиболее соответственным и притом вызывающим наименьшие расходы представлялось бы устройство в здании С.-Петербургских судебных установлений особой судебно-фотографической лаборатории в ведении прокурора судебной палаты». В такой лаборатории должны были сосредоточиться экспертизы по делам не только в С.-Петербургских, но и других судебных установлениях, причем по уголовным делам экспертиза должна была производиться безвозмездно, а по гражданским – за вознаграждение[2].

Предложение Министерства юстиции нашло поддержку верховной власти и в соответствии с утверждённым императором Александром III мнением Государственного совета от 9 ноября 1892 г. была учреждена Судебно-фотографическая лаборатория при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты[3].

В этом документе предусматривалось, во-первых, внесение в раздел IX Книги I Учреждения судебных установлений новой (шестой) главы «О присяжном фотографе и его помощнике», состоявшей из трёх статей. В ст. 429[1] устанавливалось, что при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты «состоит лаборатория для производства судебно-фотографических исследований по уголовным и гражданским делам». Заведывание и деятельность лаборатории возлагались на присяжного фотографа и его

[1] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. / Сост. И. А. Громов. СПб.: Тип. I. Г. Брауде, 1913. С. 55-56, 60, 64-65.
[2] Там же. С. 67-68.
[3] ПСЗ-3. Т. XII. № 9024. С. 631-632.

помощника, вступавших в свои должности по принесению присяги в публичном заседании Судебной палаты. Эти должности могли замещаться государственными служащими и по найму (ст. 429²), а их права и обязанности по службе уравнивались соответственно с секретарём и помощником секретаря при прокуроре Судебной Палаты (ст. 429³).

Во-вторых, как ранее уже отмечалось, вносились дополнения в Уставы уголовного и гражданского судопроизводства. Ст. 978 УУС дополнялась примечанием, что в случае проведения исследования в местах не постоянного пребывания присяжного фотографа и помощника деньги на их прогоны и содержание в пути выплачивались по классу занимаемых должностей. Ст. 860 УГС дополнялась примечанием, что вознаграждение данным должностным лицам определяется по установленным в данной статье правилам.

Поскольку в самих этих статьях регламентировались соответствующие выплаты для врачей, проводивших судебно-медицинские исследования, и для сведущих людей, то, значит, присяжный фотограф и его помощник «по умолчанию» причислялись к данной категории участников судопроизводства.

В-третьих, устанавливался размер ежегодных ассигнований учреждаемой с 1 января 1893 г. Судебно-фотографической лаборатории: 2 000 руб. на её содержание и 2300 руб. на содержание присяжного фотографа и его помощника. Единовременно выделялись 3000 руб. на расходы по устройству лаборатории.

Практическая деятельность созданной лаборатории поставила некоторые вопросы, решение которых потребовало издания двух циркуляров Первого департамента Министерства юстиции.

Циркуляр № 31775 от 23 декабря 1892 г., адресованный старшим председателям и прокурорам судебных палат, председателям и прокурорам окружных судов, указывал, что «в виду ограниченности должностного персонала лаборатории» в неё надлежит обращаться «лишь в наиболее выдающихся случаях, когда обнаружение истины в деле иными указанными в

законе способами исследования оказывается затруднительным»[1]. Издание циркуляра № 30729 от 8 ноября 1894 г., адресованного тем же должностным лицам, было вызвано выявившимися неудобствами, связанными с тем, что по гражданским делам судебные установления часто отказывали в проведении судебно-фотографической экспертизы, ссылаясь на предыдущий циркуляр и «лишая тем самым тяжущихся наиболее совершенного, а по многих случаях и единственного средства обнаружения истины в деле». Поэтому министром юстиции Н. В. Муравьевым было разъяснено, что имеющееся ограничение не относится к гражданским делам. По ним «требования о производстве фотографической экспертизы могут быть обращаемы в названую лабораторию во всех случаях, когда такая экспертиза будет признана необходимой с соблюдением в отношении порядка оплаты исследования установленных по сему предмету в законе правил (прим. к ст. 860 уст. гражд. суд.)»[2].

Деятельность судебно-фотографической лаборатории продолжалась до 1912 г., когда был создан заменивший её Кабинет научно-судебной экспертизы. По оценке Ф. О. Гредингера, участвовавшего в организации лаборатории и на протяжении восьми лет заведовавшего в ней делопроизводством, за истекшее с момента её создания десятилетие было осуществлено 814 экспертных исследований, проводившихся присяжным фотографом А. Н. Малевинским. Многие из них позволили дать доказательные ответы на поставленные судом вопросы о подлинности или подложности различных документов[3].

Важнейшим шагом в деле государственной организации судебно-экспертной деятельности в России явилось создание Кабинета научно-судебной экспертизы. Он был создан также при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты на основании уже ранее упоминавшегося закона «Об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы» от 28 июня 1912 г.,

[1] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. С. 31-32.
[2] Там же. С. 32-33.
[3] Гредингер Ф. О. Судебно-фотографическое исследование документов. С. 20-22.

одобренного Государственным советом и Государственной думой и утверждённого императором[1].

Причины, побудившие власть прибегнуть к новым организационным мерам в постановке экспертного дела, были изложены в «Объяснительной записке к проекту министра юстиции об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы (19 января 1912 г.)»[2].

В документе обращалось внимание на значительное количество дел, по которым был несомненно установлен факт преступления, но дознание и предварительное следствие не смогли установить виновных или добыть необходимые улики против подозреваемых лиц (так, в 1909 г. за необнаружением виновных было прекращено 96247 дел из 411065 произведенных следствий). Одной из причин такого положения называлось неудовлетворительное состояние «технической стороны следственных действий». В этой связи отмечалось, что применение научных методов из биологической и физической наук привели к возникновению новой отрасли уголовной науки – криминалистики, в которой трудами ряда зарубежных учёных были выработаны приёмы успешного осуществления разных стадий расследования преступлений с использованием технических средств. Поэтому представлялось необходимым для успешного решения как уголовных, так и гражданских дел воспользоваться научными данными криминалистики в российской следственной практике. Однако отсутствие в настоящее время надлежащего количества подготовленных в этой области лиц для создания в стране нескольких установлений данной направленности, делало, по мнению И. Г. Щегловитова, целесообразным создание хотя бы одного такого в С.-Петербурге. Им предлагалось учредить «специальный кабинет научно-судебной экспертизы, который находился бы в ведении научно подготовленного опытного лица и был снабжен всеми необходимыми

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37567. С. 990-991.

[2] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. С. 8-14. Министром юстиции являлся И. Г. Щегловитов.

техническими приспособлениями». Такое учреждение служило бы удовлетворению нужд судебных установлений всей империи и являлось «сведущим органом» по разным вопросам, возникающим при расследовании преступлений, за исключением относимых к ведению судебной медицины. Процессуальное положение руководителя такого кабинета предлагалось сделать аналогичным положению других экспертов, иметь в кабинете для непосредственного разрешения вопросов использования технических средств в расследовании преступлений лабораторию, а также музей, где собирались бы предметы преступлений для изучения. Поскольку в ведение кабинета перешли бы и фотографические экспертизы, то соответствующую лабораторию следовало упразднить. В «Объяснительный записке» содержались конкретные предложения по определению задач деятельности кабинета, его должностному составу и ассигнованиям на его организацию и последующую деятельность.

Следует отметить, что при обсуждении в комиссии по судебным реформам Государственной думы законопроекта об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы при его одобрении были внесены и некоторые поправки, в частности, касавшиеся включения в его обязанности также и «выяснения невиновности подозреваемых» и допущения в число помощников управляющего лиц иностранного подданства, поскольку в России в настоящее время отсутствовало должное количество специалистов в криминалистике. Также было высказано пожелание о создании таких кабинетов в каждом судебном округе империи[1].

Закон 28 июня 1912 г. был основан на положениях, высказанных в «Объяснительной записке» и в заключении комиссии по судебным реформам. Структурно он в значительной мере повторил документ 1892 г. об учреждении Судебно-фотографической лаборатории, так как в нём аналогично вносились изменения в статьи Учреждения судебных установлений, Уставы

[1] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. С. 19-20.

гражданского и уголовного судопроизводства, определялся состав нового учреждения, финансирование его организации и функционирования.

В Учреждении судебных установлений в Главе 6 (Раздел IX, Книга I) изменилось содержание ст. 429¹-429³.

Задачи и функции Кабинета определялась в ст. 429¹. В ней устанавливалось, что он состоит «для производства исследований по уголовным и гражданским делам посредством фотографии, дактилоскопии, химического и микроскопического анализов и иных приемов, за исключением исследований, производимых врачебными отделениями губернских правлений, а также для оказания в особо важных случаях содействия следственной власти к обнаружению виновного и выяснению преступления или к установлению невиновности подозреваемого». В ст. 429² определялся состав Кабинета: управляющий и его помощники, вступавшие в отправление своих должностей по принесению присяги в публичном заседании Судебной палаты, а также техники по вольному найму, назначаемые управляющим. В ст. 429³ должность управляющего Кабинетом по его правам и обязанностям сравнивалась с товарищем прокурора Судебной палаты, а помощников – с товарищем прокурора Окружного суда. В примечании оговаривалась возможность замещения должностей помощников иностранными подданными по найму. Кроме того, добавлялась новая ст. 429⁴, в которой регламентировалось, что с требованиями о производстве исследований и даче заключений, оказания содействия следственной власти судебные установления должны обращаться к прокурору С.-Петербургской Судебной палаты[1].

В примечании к ст. 860 УГС определялось, что вознаграждение за исследования, произведенные Кабинетом, производится по правилам, установленным в самой ст. 860, то есть повторялось положение, ранее

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37567. С. 990.

относившееся к Судебно-фотографической лаборатории. Но изменения в УУС имели качественный характер: они вносились сразу в пять статей.

В ст. 691, где устанавливалось, что сведущие люди, проводившие исследования не в месте судебного следствия, не вызываются в заседание суда, а заменяются «местными врачами, фармацевтами или иными сведущими людьми», было добавлено: «То же правило распространяется и на должностных лиц кабинета научно-судебной экспертизы в случае рассмотрения дела не в месте нахождения кабинета». Пункт 1 ст. 776 излагался в новой редакции: «Сверх разрешения вопросов о виновности и наказании суд делает постановления и о других последствиях преступления или проступка и судебного о нем производства, как-то: 1) о вещах, добытых преступным деянием, и вообще о вещественных доказательствах». В текст ст. 777, устанавливавшей порядок возвращения вещей и вещественных доказательств, к перечню не подлежавших возвращению доказательств добавлялось: «если таковые представляют научный интерес, препровождаются по вступлению приговора в законную силу в кабинет научно-судебной экспертизы для хранения в его музее». В примечании к ст. 978 на управляющего кабинетом и его помощников распространялось, когда исследование проводилось не в месте нахождения кабинета, правило получения денег на прогоны и содержание в пути по классу занимаемой ими должности. Наконец, в ст. 986 добавлялось примечание: «В кабинете научно-судебной экспертизы исследования по делам уголовным производятся бесплатно»[1].

В остальных пунктах данного документа определялось, что упраздняется Судебно-фотографическая лаборатория, присяжный фотограф и его помощник, если не получают новых назначений, остаются за штатом, а Кабинет начинает действовать с 1 июля 1912 г. На расходы по деятельности Кабинета с 1913 г. отпускалось 22 000 руб.[2]

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. I. № 37567. С. 990-991.
[2] Там же. С. 991.

Согласно утверждённым штатам Кабинета, оплата управляющего Кабинетом в общей сумме составляла 4500 руб. в год, трёх его помощников – по 3100 руб. в год, на содержание вольнонаёмных техников – 2400 руб., на приобретение необходимых предметов, книг и на канцелярские расходы отпускалось 6000 руб. В общей сложности содержание и деятельность Кабинета научно-судебной экспертизы обходились бы казне в 22200 руб.[1]

Завершающим организацию Кабинета актом явилась утверждённая 3 ноября 1912 г. министром юстиции И. Г. Щегловитовым «Инструкция управляющему Кабинетом научно-судебной экспертизы при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты и его помощникам»[2].

В ней устанавливалась подчинённость управляющего и его помощников прокурору, предоставление управляющему общего руководства кабинетом и распределения обязанностей между его членами, определение необходимого числа техников и канцелярских служащих, их вознаграждения; ведение исследований по особым нарядам; обязанность управляющего предоставлять прокурору ежемесячные и годовой отчёты. Особо следует отметить установление в Инструкции направлений деятельности Кабинета: 1) производство различных видов исследований по уголовным и гражданским делам (кроме судебно-медицинских); 2) дача заключений по экспертизам и иным техническим вопросам в судебных заседаниях по уголовным и гражданским делам; 3) выезд на место совершения или обнаружения преступлений для производства фотографических снимков и осмотра следов преступления, оказание содействия следственной власти «при производстве действий, требующих особого технического опыта и средств». Все обращения о производстве экспертизы должны были направляться прокурору, получив от него дело, управляющий мог как взять его для исследования, так и отказать по убедительным причинам. Исследования должны были проводиться самим управляющим или помощниками по его поручению, как правило, в

[1] ПСЗ-3. Т. XXXII. Отд. II. Приложения. С. 345.
[2] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. С. 37-43.

двухнедельный срок. К Кабинету могли быть прикомандированы иные лица судебными ведомствами для участия в исследованиях и «формирования кадра будущих деятелей в тождественных учреждениях».

30 ноября 1912 г. была утверждена «Такса стоимости исследований по гражданским делам»[1].

Торжественное открытие Кабинета состоялось 9 декабря 1912 г.[2]

Во исполнения планов Министерства юстиции и пожелания, высказанного в Государственной думе, 21 марта 1913 г. в последнюю был внесен проект министра юстиции о учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в Москве, Киеве и Одессе[3].

4 июля 1913 г. последовал закон «Об учреждении кабинетов судебно-научной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе»[4].

Согласно этому документу, при прокурорах Московской, Киевской и Одесской Судебных палат образовывались с 1 января 1914 г. кабинеты научно-судебной экспертизы на основаниях, предусмотренных установленным законом 28 июня 1912 г. штатом этого кабинета при прокуроре С.-Петербургской судебной палаты. По покрытию расходов по этим новым кабинетам предусматривалось отпускать 70000 руб. ежегодно.

Этим же законом были внесены изменения в Учреждение судебных установлений, Уставы гражданского и уголовного судопроизводства.

Частично они носили технический характер, заменяя в соответствующих статьях единственное число (кабинет, управляющий и др.) на множественное число. Например, ст. 429[1] Учреждения судебных установлений в новой редакции начиналась следующей формулировкой: «При прокурорах судебных палат в округах, где сие штатами определено, состоят кабинеты научно-судебной экспертизы для…», а ст. 429[2] – «Заведывание означенными в

[1] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. С. 44-45.
[2] Трегубов С. Н. Первый кабинет научно-судебной экспертизы в России (история его учреждения и открытия) // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 1. С. 248.
[3] Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. С. 46-49.
[4] ПСЗ-3. Т. XXXIII. Отд. I. № 39702. С. 720-721.

предшедшей статье кабинетами и производство в них исследований возлагаются на управляющих кабинетами и их помощников».

Но некоторые изменения имели содержательный характер.

Так, в вновь вводимом примечании к ст. 429² министру юстиции предоставлялось право в случае необходимости «изменять распределение между кабинетами назначенного штатами общего числа помощников управляющих кабинетами». Также было внесено изменение в ст. 109⁸ (по закону 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда): «В случае надобности мировой судья может отослать акт для исследования к мировому судье ближайшего уездного или губернского города, а равно в кабинет научно-судебной экспертизы». Кабинетам научно-судебной экспертизы было предоставлено важное право получать из-за границы потребные им инструменты, оборудование, книги и т. д. без уплаты пошлины (распространение на них ст. 754 и 755 Таможенного устава).

На протяжении января 1914 г. кабинеты научно-судебной экспертизы открылись при прокурорах Московской, Киевской и Одесской судебных палат[1].

Создание этих учреждений получило неоднозначную оценку среди судебно-медицинского экспертного сообщества ещё на его подготовительной стадии.

Например, во влиятельной юридической газете «Право» при появлении в прессе первых сообщений о готовящемся организационном новшестве в сфере судебной экспертизы появилась статья за «говорящей» подписью «Судебный врач». Основная мысль автора заключалась в том, что исключение из сферы действия будущего Кабинета судебно-медицинской экспертизы неверно, и оно фактически противопоставляет друг другу виды экспертизы, одинаково опирающиеся на научные методы естествознания. Более верным

[1] Россинская Е. Р., Зинин А. М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12. С. 23.

представлялся опыт зарубежной, особенно немецкой экспертизы, где все эти виды сосредотачивались в специальных судебно-медицинских институтах, обеспеченных квалифицированными кадрами. Предполагаемый Кабинет, указывал автор, это «маленькая и неудачно скомпонованная часть судебно-медицинского института»[1].

Возражая «Судебному врачу», юрист П. С. Пороховщиков в том же издании задал резонный вопрос: «Какое отношение имеет врач к расследованию поджогов, подделки звонкой монеты и кредитных билетов, действия взрывчатых веществ и т. п.?» В настоящее время проведение таких экспертиз часто затруднено в силу отсутствия мест и технических средств, в то время как судебно-медицинские экспертизы проводятся в лабораториях при медицинских факультетах, врачебных отделениях губернских правлений, то есть они уже обеспечены необходимыми условиями. Кабинет будет заниматься именно не судебно-медицинскими экспертизами, но в случае надобности, будет, конечно, приглашать и судебных врачей для совместного исследования[2].

В развернувшуюся дискуссию счёл необходимым вмешаться авторитетнейший судебный медик, профессор Императорской военно-медицинской академии, автор учебников по токсикологии и судебной медицине Д. П. Косоротов. «Учреждение такого кабинета при суде, – отмечал он, – является для меня логической несообразностью: организаторами, исполнителями, блюстителями этого дела могут быть только лица, окончившие естественный или медицинский факультет, т. е. не юристы, а натуралисты или врачи». Физические и биологические науки никогда не преподавались на юридических факультетах, и об этих предметах юристы не могут иметь должного для экспертного дела знания. Поэтому, например, в дактилоскопии лучшими специалистами являются именно судебные медики.

---

[1] Судебный врач. Кабинет научно-судебной экспертизы // Право. 1912. № 4. С. 205-208.

[2] Пороховщиков П. По поводу недоразумений о кабинете научно-судебной экспертизы // Право. 1912. № 7. С. 372-373.

В этой связи Д. П. Косоротов подверг предметной критике неверные утверждения, содержавшиеся относительно методов работы судебных врачей в переведённой на русский язык и упоминавшейся П. Пороховщиковым работе «Научная техника исследования преступлений» лозаннского профессора научной полиции Р. А. Рейсса. Не без сарказма Д. П. Косоротов восклицал: «Избави Бог нас от такой науки! Легко себе представить какой кабинет научной экспертизы могут устроить ученики Reiss'a». Но он выражал надежду, что «наука наизнанку найдет себе достаточную публичную оценку в зале суда и со стороны экспертов, которые занимаются наукой настоящей, а не фальсифицированной»[1].

Решение об открытии кабинетов научно-судебной экспертизы в Москве, Киеве и Одессе побудило Д. П. Косоротова вновь изложить свою позицию. По его мнению, врачебная экспертиза является главным для правосудия видом экспертизы, потому что она относится к ключевым для человека вопросам жизни и здоровья, а человек – главный предмет законодательства. Следовательно, «суду необходимо позаботиться обставить удовлетворительно судебно-медицинскую экспертизу, тем более что это дело находится в безобразном состоянии даже в столице России». Властям прежде всего необходимо позаботиться о скорейшем открытии хотя бы одного судебно-медицинского института, в которым сосредотачивались бы, как в Германии, все виды экспертизы, а не кабинетов, где работы производятся под руководством юристов, не имеющих отношения ни к биологии, ни к химии, ни к физике. Критику Д. П. Косоротова вызвали также подчинение работы кабинетов прокурорскому надзору, то есть стороне обвинения, и отсутствие для работающих в кабинете соответствующего образовательного ценза. Поэтому «вместо размножения «кабинетов», – резюмировал он, – следует устроить хотя бы один судебно-медицинский институт. Положительно

[1] Косоротов Д. П. К вопросу о «кабинете научной экспертизы» // Право. 1912. № 25. С. 1379-1382.

позорно для России в XX столетии не иметь такого безусловно необходимого учреждения, которое заменит всякие «кабинеты»[1].

Позиция сторонников создания специальной экспертной структуры была обоснована С. Н. Трегубовым, профессором уголовного права Александровской военно-юридической академии и автором первого российского учебного курса по криминологии. Признавая, что «почти до последних дней только судебно-медицинская экспертиза стояла на должной высоте, и выводы её имели научное значение», С. Н. Трегубов вместе с тем подчёркивал, что создание кабинета научно-судебной экспертизы направлено на использование научных данных криминалистики – новой особой отрасли уголовной науки. В качестве научного авторитета в этой области, у которого проходили обучение российские специалисты, он как раз и приводил столь критически оцененного Д. П. Косоротовым Р. А. Рейсса[2]. По сути, С. Н. Трегубов рассматривал судебную медицину и криминалистику как разные отрасли знания, используемые в общем деле – судебной экспертизе.

Свои взгляды он последовательно представил в «практическом руководстве для судебных деятелей» – фактически первом отечественном пособии по криминалистике (которую он предпочитал именовать «уголовной техникой»). В нём С. Н. Трегубов опровергнул противопоставление судебной медицины и уголовной техники: «Судебная медицина такая же не самостоятельная отрасль знания, преследующая практические задачи служить судебному делу в раскрытии истины, как и уголовная техника. Скажем более, судебная медицина – такая же отрасль уголовной техники, как и судебно-медицинская экспертиза – специальный вид общей научно-технической экспертизы». Из этого он делал вывод о том, что «не может быть речи о каком-либо принципиальном разграничении судебной медицины от уголовной техники», так как они решают одну задачу. Наоборот, практически

[1] Косоротов Д. П. Еще о кабинете «научной» экспертизы // Право. 1913. № 30. С. 1771-1775.
[2] Трегубов С. Н. Первый кабинет научно-судебной экспертизы в России (история его учреждения и открытия). С. 233, 238, 240.

желательно, «чтобы возможно чаще технический эксперт и судебный врач сливались в одном лице»[1].

Выявившиеся разногласия между юристами и медиками относительно, как конкретного вопроса о создании кабинетов научно-судебной экспертизы, так и в широком плане о взаимоотношениях в экспертном деле судебной медицины и криминалистики, в известной мере явились отзвуком дискуссии, начатой в своё время вокруг точки зрения Л. Е. Владимирова об особом значении в уголовном судебном деле именно судебно-медицинской экспертизы.

Но в данном случае речь шла уже о споре между медиками и юристами скорее в практических, чем теоретических вопросах – о способах государственной организации экспертного дела в масштабах всей империи. В такой ситуации разрешение спора зависело от власти, а выбор Министерства юстиции оказался в пользу кабинетов научно-судебной экспертизы, а не судебно-медицинских институтов. В таком выборе свою роль сыграли и финансовые соображения (кабинеты требовали меньших затрат), и личная позиция министра юстиции И. Г. Щегловитова, давнего сторонника использования таких технических приемов, как фотографирование, дактилоскопия и т. п. Можно заметить, что и С. Н. Трегубов был не только учёным и преподавателем, а и одним из сотрудников Министерства юстиции (старшим юрисконсультом, а позднее директором его первого департамента и сенатором). Всё это обусловило в, так сказать, «корпоративном» споре медиков и юристов преимущество последних.

Представление о практических формах и результатах деятельности созданных экспертных учреждений дают опубликованные документы о их деятельности.

В фактически годовом отчёте Кабинета при прокуроре С.-Петербургской судебной палаты (с 9 декабря 1912 г. по 1 января 1914 г.) были

[1] Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. С. 14-15.

приведены основные сведения о его структуре и деятельности, а также примеры различных судебных экспертиз по уголовным и гражданским делам[1].

В этом отчёте специально отмечалось отсутствие аналогов данному Кабинету в европейских странах, где экспертная деятельность была сосредоточена в полицейских управлениях и в основном посвящена регистрации и отождествлению задержанных лиц, подозреваемых в преступлениях.

За указанный период, как указывалось в отчёте, в Кабинет поступило 365 исследований, в том числе по уголовным делам – 272, по гражданским делам – 93. Из них на январь 1914 г. оставались неоконченными 54 исследования.

Содержательно наибольшее количество исследований было связано с исследованием и сличением почерков – 169. Дактилоскопические и исследования чернил – соответственно 43 и 30. В 7 случаях предметом исследования были волосы, в 5 случаях состоялись выезды сотрудников Кабинета на место совершения преступления. Наконец, 57 исследований касались иных технических приёмов экспертной работы: исследования бумаги, крови, следов взломов, сличение пули с оружием и пр.

Помимо собственно практической экспертной деятельности, Кабинет выполнял и образовательные функции: проведение практических занятий в лабораториях и чтение лекций по фотографии, химии и уголовной технике для 18 прикомандированных чинов различных ведомств, включая 12 человек из судебного ведомства. Некоторые из них затем вошли в состав новых Кабинетов научно-судебной экспертизы в Москве, Киеве и Одессе. Также в Кабинете побывало немало слушателей Военно-юридической академии, воспитанников Училища правоведения, лиц из судебного ведомства[2].

---

[1] Отчет о деятельности Кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты за период времени с 9 декабря 1912 года по 1 января 1914 года // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 5. С. 272-284.

[2] Там же. С. 272-273.

Структурно Кабинет состоял из трех отделов: фотографического, уголовно-технического и химического.

Функции фотографического заключались в метрической фотографии (фиксирование места совершения преступления), репродукции (фотографирование всех поступающих предметов) и микрофотографии (исследование различных элементов подлога документов). Основной задачей уголовно-технического отдела являлись обнаружение и фиксация различных следов, оставленных на месте совершения преступления, служащих установлению личности преступника (дактилоскопия, сличение почерков, восстановление сожжённых документов, сличение пуль и др.). В химическом отделе проводились все химические исследования, кроме судебно-медицинских (исследования бумаги, чернил, состава пороха, спектральный анализ и др.)[1].

Бóльшую часть отчёта составили описания 15 наиболее интересных случаев проведённых в Кабинете экспертиз (убийства, включая отравление; различные виды подлогов документов и бумаг, в том числе по гражданским делам; кража со взломом). Также отмечалось участие Кабинета «во многих выдающихся процессах и следствиях минувшего года»[2].

Представление о работе всех экспертных учреждений можно получить из «Краткого очерка деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году»[3].

Столичному Кабинету, переименованному с началом войны в Петроградский, компетенция которого охватывала дела по Петроградской, Виленской, Омской и Иркутской судебным палатам, было отведено сравнительно небольшое место в конце очерка. Объяснением этого являлось резкое сокращение его состава, а, следовательно, и объёма деятельности: три сотрудника были призваны на военную службу, один (иностранец) уволен, и

[1] Отчет о деятельности Кабинета научно-судебной экспертизы. С. 274-276.
[2] Там же. С. 276-284.
[3] Краткий очерк деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 6. С. 303-345.

вся работа велась управляющим и одним сотрудником. В 1914 г. в ведении Кабинета находились 182 экспертизы по уголовным делам и 70 по гражданским делам, из них были проведены 179 уголовных экспертиз и все гражданские. Как и по данным предыдущего отчёта, основное место заняли экспертизы по исследованию и сличению почерков (135), подлогу текстов документов (41) и дактилоскопии (33). По содержанию и методам исследования проведённые экспертизы были «вполне тождественны» с экспертизами, рассмотренными в предыдущем отчёте[1].

Авторы очерка сочли необходимым специально указать, что все три вновь созданных Кабинета (Москва, Киев, Одесса) получили однородное устройство и обеспечение приборами и инструментами, значительное количество которых имело иностранное происхождение (в фотографировании и микрофотографировании в основном немецкое), были созданы и небольшие химические лаборатории[2].

Наибольшее место в «Кратком очерке» было отведено деятельности Московского Кабинета (к его ведению относились, кроме Московской, Казанская, Саратовская и Ташкентская судебные палаты).

Кабинет состоял из управляющего и четырёх помощников, размещался на территории Кремля и располагал необходимыми помещениями, в частности, 10 отдельными лабораториями. За обозреваемый период в него поступили требования об исследованиях по 271 делу (250 по уголовным делам, 21 – по гражданским). Были полностью проведены экспертизы по 251 делу. Наибольшее количество экспертиз было осуществлено по исследованию документов – 177. Из них 129 относились к сравнению почерков, причём в основном они имели повторный характер, то есть проверялись выводы местных экспертов-каллиграфов. 28 экспертиз были проведены по исследованию вытравленных и подчищенных мест и поправок в документах,

[1] Краткий очерк деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году. С. 344-345.
[2] Там же. С. 303-306.

они имели первоначальный характер и использовали преимущественно возможности фотографических методов. 19 экспертиз позволили установить время составления документов, определить вносившиеся в них с целью подлога дополнения. Приводились примеры проведённых по этим делам экспертиз и характеризовались использованные методы исследований. 13 экспертиз имели химический характер (обуглившиеся предметы, краски, перекрашенные материи и др.). Также Кабинетом было проведено, хотя он был законом ограничен в такого рода исследованиях, 24 судебно-медицинские экспертизы. Они касались отдельных случаев (экспертиза волос, крови и др.), когда возникала потребность сделать исключения либо в силу использования технических возможностей, которыми Кабинет располагал, либо по необходимости в быстроте исследования, либо по непосредственной просьбе судебного следователя. 55 экспертиз были проведены по исследованию пальцевых и ножных отпечатков, большинство сопровождалось выездом на места преступлений. Было отмечено, что экспертизы по пальцевым отпечаткам, произведённые по заданиям судебных следователей, как правило, не имели положительного результата, что в основном объяснялось низким качеством представленных отпечатков[1].

Киевский Кабинет научно-судебной экспертизы служил для исследований по делам Киевской, Харьковской и Варшавской судебных палат.

Он состоял из управляющего, трёх помощников и трёх техников по вольному найму, располагал 8 лабораториями и другими помещениями. За 11 месяцев 1914 г. (Кабинет работал с февраля) поступили для исследований 220 уголовных и 34 гражданских дел, были окончены из них соответственно 201 и 15 дел. По Киевскому Кабинету были приведены данные по количеству исследованных вещественных доказательств по разным видам экспертизы. Наибольшее количество относилось к исследованию документов (фотографическое, микроскопическое, химическое и микрохимическое) – 240.

[1] Краткий очерк деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году. С. 306-321.

В 83 случаях исследовались орудия взлома, земля, глина, пепел, сгоревшие документы, ткани и т. д., в 67 – предметы со следами крови и другими пятнами, в 56 – волосы, в 33 – предметы с пальцевыми отпечатками. Среди использованных методов первое место отводилось фотографическим методам, поэтому почти каждая экспертиза сопровождалась составлением фотографических таблиц. Приведённые примеры конкретных дел о подлогах, поджогах и убийствах свидетельствовали о необходимости осуществления занимавших много времени многочисленных фотографических, микроскопических и химических исследований (например, по одному из дел об убийстве исследовалось 28 разных предметов). Отсюда делался вывод, что по чисто количественным показателям судить об эффективности деятельности Кабинета затруднительно, следует учитывать сложность исследований большого числа вещественных доказательств по отдельным делам[1].

Одесский Кабинет научно-технической экспертизы начал деятельность в силу сложностей, связанных с подготовкой помещений, только с марта 1914 г. В его ведении находились исследования по делам Одесской, Новочеркасской и Тифлисской судебных палат.

В состав Кабинета входили управляющий и три помощника. В Кабинет поступило 215 исследований, 169 были завершены к 1 января 1915 г. Исследование и сличение почерков, как и в других Кабинетах, заняло главное место – их было проведено 110. На втором месте находились различные виды подлога документов – 57 исследований. 15 исследований были связаны с экспертизой крови, 11 – дактилоскопии и т. д. Также были приведены конкретные примеры экспертиз по подлогам, сожжённым документам, убийствам[2].

Анализ данных двух документов о деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы свидетельствует, что избранный властью путь

[1] Краткий очерк деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году. С. 321-334.
[2] Там же. С. 334-344.

совершенствования организации экспертного дела позволил повысить его уровень, обеспечить применение современных технических средств и методов в раскрытии уголовных преступлений и разрешении гражданских споров, в целом придать систематичность экспертной деятельности, не входившей в сферу судебно-медицинской экспертизы.

Однако очевидно, что силами лишь четырёх Кабинетов научно-судебной экспертизы на всю Российскую империю было крайне проблематично обеспечить интересы и потребности уголовного и гражданского судопроизводства. Краткий срок, отведённый полноценной деятельности этих Кабинетов до начала мировой войны, не позволил полностью реализовать их потенциал. Однако накопленный опыт не пропал впустую, поскольку впоследствии был использован при формировании новой советской экспертизы, в том числе и на персональном уровне. Например, управляющий Киевским кабинетом С. М. Потапов сыграл в 1920-е гг. роль одного из создателей советской криминалистической науки.

Общие итоги исследования, осуществлённого в третьей главе диссертации, можно суммировать в следующих выводах:

– разработка теоретических основ экспертной деятельности, осуществлённая усилиями российских правоведов и специалистов в судебной медицине, сыграла значительную роль в совершенствовании работы института судебной экспертизы, позволив достичь относительного профессионального консенсуса по основным вопросам экспертной деятельности – содержание экспертизы как вида юридической деятельности, роль и функции эксперта в уголовных и гражданских процессах;

– формирование организационных структур в лице Кабинетов научно-судебной экспертизы, оснащённых современным техническим инструментарием для проведения всего спектра экспертиз по уголовным и гражданским делам, существенно повысило эффективность судебной экспертизы, хотя и в ограниченных временных пределах.

Заключение

Проведённое в диссертации исследование становления и развития в Российской империи института судебной экспертизы как важного элемента систем уголовного и гражданского процессуального права доказало закономерность окончательного законодательного и организационного оформления этого института именно в рамках преобразований российского общества и права в ходе реформ Алекандра II.

Использование специальных естественнонаучных и практических знаний и лиц, этими знаниями владеющих («сведущих людей»), в качестве дополнительных средств, позволяющих устанавливать истину при расследовании различных преступлений имущественного и личностного характера, относится к общим закономерностям становления правовых систем любого общества, достигшего уровня государственных форм организации. Но природно-географические, демографические и социокультурные особенности, присущие развитию каждого общества, придают особые уникальные черты становлению государства и всех его институтов, важнейшими из которых являются правовые институты. Следовательно, и такой институт, как судебная экспертиза, в своём становлении и развитии в каждом обществе проходит собственный путь, прежде чем приобретает законченные законодательные, организационные и деятельностные формы.

Правовая традиция использования в суде знаний сведущих людей складывалась в России на протяжении всей её истории, начиная с Древней Руси. Но лишь в рамках преобразований Петра I, придавших новые формы российской государственности и соответственно её правовой системе, развитие этой традиции создало необходимые условия для перехода от фрагментированного к систематическому обращению власти к тем источникам повышения эффективности судебной деятельности, которыми обладали различные категории сведущих людей.

Превращение закона, законодательной деятельности в ключевое звено управления обществом, начавшееся при Петре I и закреплённое в качестве

несущей конструкции Российской империи при его ближних и дальних преемниках, закономерно вело власть к систематизации права на всех его уровнях. Поэтому основные правовые предпосылки для формирования в системе процессуального права специального института судебной экспертизы («института сведущих людей») были созданы в рамках общей систематизации российского законодательства первой трети XIX в. и нашли последовательное выражение в экспертных статьях Свода законов гражданских, Свода законов уголовных и Устава судебной медицины изданий 1857 г.

Однако решающую роль в окончательном оформлении этого правового института сыграли преобразования Александра II, в первую очередь крестьянская и судебная реформы. Глубокие социально-экономические и социокультурные изменения, суммарно сводимые к модернизационному переходу традиционного российского общества на индустриальные рельсы развития, потребовали нового уровня судебной системы для реализации провозглашенных властью принципов всесословного и равного суда.

Объективные потребности преобразующегося российского общества и государственной власти в формировании современной судебной системы предъявили запрос на использование более совершенных системных средств, способных быть эффективными в борьбе с растущими криминальными издержками переходного общественного процесса, Россией переживаемого. Одним из ответов на этот запрос явилось создание нового института процессуального права – института судебной экспертизы.

Правовые основания этого института были созданы в ходе судебной реформы 1864 г. и получили своё выражение в экспертных статьях Устава Гражданского судопроизводства и Устава Уголовного судопроизводства. Они включали: признание судебной экспертизы неотъемлемым компонентом судопроизводственного процесса на обоих уровнях судебной системы (мировой суд и общие судебные установления); признание доказательственной силы мнений и заключений сведущих людей; условный характер использования сведущих людей в судопроизводстве (исключая

преступления, повлекшие смертельные последствия), определяемый решением судебных инстанций о необходимости такого использования; сохранение в компетенции суда решений, как о привлечении к судопроизводству сведущих людей, так и о сравнительной значимости их мнений и заключений для принятия судебных решений.

Дальнейшая эволюция экспертного законодательства и экспертной практики на протяжении пореформенного периода и первых десятилетий XX в. происходила под опосредованным воздействием значительно ускорившейся социально-экономической трансформации российского общества в буржуазном направлении. Последняя одновременно резко увеличивала размеры рыночного оборота в экономике и количество вовлеченных в рыночные отношения жителей страны, что потенциально повышало вероятность разного рода правонарушений. Следовательно, общее увеличение преступности, разнообразие видов преступлений и используемых в них средств объективно усиливали потребности в использовании в судебном процессе специальных знаний, выходивших за пределы компетенции конкретной судебной власти, особенно в провинции.

В такой ситуации, стремясь обеспечить стабильность действующего судебного законодательства, власть предпочла реагировать на обнаружившиеся в правоприменении пробелы и недостатки экспертного законодательства внесением точечных изменений в соответствующие статьи действовавших Уставов Уголовного и Гражданского судопроизводства. В результате на протяжении почти 50 лет их действия экспертные статьи Уставов сущностных изменений не претерпели. Подавляющее большинство изменений в отношении статуса и функций сведущих людей лишь уточняли эти статус и функции, расширяли круг сведущих людей, в конечном итоге повышали их ролевую значимость в судебном процессе.

Вторым важным средством стабилизации положения судебной экспертизы в судебной системе на обоих её уровнях явилась коррекционная работа Сената в качестве кассационной инстанции. Новизна задач, вставших

перед судебной системой, особенно в первые десятилетия действия Уставов, достаточно часто вступала в противоречие с профессиональной готовностью судей решать эти задачи, что вело к ошибкам в трактовке тех или иных правовых норм, включая экспертные нормы. Задачей Уголовного и Гражданского Кассационных департаментов Сената являлось обеспечение адекватного толкования статей закона, позволявшего не только исправить конкретные ошибки, влиявшие на конкретные судебные решения, но и создать условия для их неповторения в других судах. Об общей эффективности такой деятельности свидетельствовало постепенное снижение к началу XX в. количества поступавших в Сенат кассационных жалоб, источником которых являлись судебные решения, связанные с использованием или неиспользованием процессуального потенциала экспертизы.

Третьим важным, хотя и не до конца последовательно и с необходимой полнотой использованным средством обеспечения эффективного функционирования института судебной экспертизы, явилось создание централизованных организационных форм непосредственной экспертной деятельности – в виде Кабинетов научно-судебной экспертизы. Потенциал использования этих экспертных учреждений, благодаря сосредоточению в них должного количества технических средств и сотрудников, обладавших необходимыми компетенциями, был высок, но власть явно опоздала с их созданием, распространением на все судебные округа империи, а также не смогла обеспечить взаимодействие Кабинетов с другими структурами, осуществлявшими судебно-медицинскую экспертизу. Поэтому, доказав свою эффективность в решении конкретных уголовных и гражданских дел, Кабинеты научно-судебной экспертизы не смогли существенно повлиять на общее повышение уровня судебной экспертизы в стране.

Существенным фактором развития института судебной экспертизы также стало научное осмысление и обобщение его практического применения, разработка общей теории судебной экспертизы и конкретных методик реализации экспертных знаний. Российскими процессуалистами были

предприняты шаги в этом направлении, принявшие в основном форму обсуждения в текущей юридической литературе места и роли судебной экспертизы в судопроизводственном процессе. В результате был достигнут относительный консенсус по двум принципиальным вопросам: статус экспертизы был определён в качестве самостоятельного вида доказательств, используемого судом при вынесении своих решений, а роль и функции эксперта – как представителя научного знания, расширяющего область компетенции суда и содействующего истинности и справедливости судебного решения.

Таким образом, итогом диссертационного исследования явилось воссоздание целостной картины становления и развития института судебной экспертизы в России как закономерного следствия общей модернизации российского общества, происходившей на протяжении всей эпохи империи, но вышедшей на новый этап своего развития во второй половине XIX – начале XX вв. Законодательное оформление этого института в ходе судебной реформы 1864 г. вывело российскую судебную экспертизу на общеевропейский уровень, а в ходе более чем пятидесятилетнего действия Уставов Уголовного и Гражданского судопроизводств и их практического применения произошла консолидация института судебной экспертизы в качестве неотъемлемого элемента российской судебной системы.

Список использованной литературы

Источники[1]

Нормативные правовые акты

Официальные публикации

1. Устав воинский 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. V. – № 3006. – С. 203-453.

2. Морской устав 13 января 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VI. – № 3485. – С. 2-116.

3. Именный, объявленный из Сената 14 августа 1721 г. – Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VI. – № 3811. – С. 412-413.

4. Синодский 14 марта 1723 г. – О производстве настоятелей в монастыри и протопопов в соборы … о разводе браков … // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VII. – № 4190. – С. 40-43.

5. Именный, данный Сенату 13 февраля 1732 г. – О бытии Медицинской Канцелярии в ведомстве Кабинета, о неприсылке в оную указов

[1] Все источники приводятся в хронологическом порядке по времени их издания.

и нетребовании донесений // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VIII. – № 5958. – С. 630.

6. Именный, данный Сенату 12 ноября 1763 г. – Об учреждении Коллегии Медицинского факультета с разделением на два департамента и о бытии оной в особливом ведении Ея Императорского Величества // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XVI. – № 11964. – С. 413.

7. Высочайше утвержденный доклад Медицинской Коллегии 19 января 1797 г. – Об учреждении Медицинских Управ // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXIV. – № 17743. – С. 287-296.

8. Именный, данный Сенату 31 декабря 1803 г. – О присоединении дел Медицинской Коллегии к ведомству Департамента Внутренних дел под именем Экспедиции Государственной Медицинской Управы; о установлении при Департаменте сем Медицинского Совета; о упразднении за тем Медицинской Коллегии // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXVII. – № 21105. – С. 1102-1114.

9. Сенатский 29 декабря 1809 г. – О случаях, в коих именно должно производить свидетельство мертвых тел чрез Медицинских Чиновников // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по

12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXX. – № 24053. – С. 1365-1366.

10. Учреждение Министерства Полиции 1811 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXXI. – № 24687. – С. 719-728.

11. Манифест. – О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах 17 июня 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXXII. – № 25143. – С. 355-356.

12. Именный, данный Сенату 30 мая 1822 г. – О присоединении к Министерству Внутренних дел Медицинской части, состоящей в ведомстве Министра Духовных дел и Народного Просвещения // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. – № 29057. – С. 218.

13. Наставление Врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел 19 декабря 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. III. – № 2531. – С. 1167-1205.

14. Сенатский 9 апреля 1829 г. – О порядке придания суду Медицинских чиновников за упущения по делам службы // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип.

Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. IV. – № 2814. – С. 244.

15. Высочайше утвержденное Учреждение Коммерческих Судов и Устав их судопроизводства 14 мая 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1833. – Т. VII. – № 5360. – С. 268-298.

16. Высочайше утвержденное Положение о порядке описи, оценки и публичной продажи имуществ 25 июня 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1833. – Т. VII. – № 5464. – С. 436-458.

17. Высочайше утвержденное Положение о привилегиях 22 ноября 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1834. – Т. VIII. – № 6588. – С. 691-696.

18. Сенатский 14 февраля 1844 г. – О порядке требования от врачей заключений по предметам, подлежащим медицинскому осмотру // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1845. – Т. XIX. Отделение I. – № 17611. – С. 88-89.

19. Высочайше утверждение положение о порядке описи, оценки и публичной продажи имуществ 10/31 июля 1849 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго

Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1850. – Т. XXIV. Отделение I. – № 23405. – С. 552-602.

20. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 13 августа 1857 г. – О порядке сличения почерков письма на актах, подлежащих сомнению // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. – Т. XXXII. Отделение I. – № 32002. – С. 554-556.

21. Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России 29 сентября 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1865. – Т. XXXVII. Отделение II. – № 38761. – С. 145-174.

22. Именной, данный Сенату 20 ноября 1864 г. – Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. Отделение II. – № 41473. – С. 179-180.

23. Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. Отделение II. – № 41475. – С. 180-215.

24. Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12

декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. Отделение II. – № 41476. – С. 215-306.

25. Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. Отделение II. – № 41477. – С. 306-401.

26. Высочайше утвержденный Устав о наказаниях, налагаемых Мировыми Судьями // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. Отделение II. – № 41478. – С. 401-418.

27. Высочайше утвержденные временные Правила о преобразовании губернских учреждений ведомства Министерства Внутренних Дел в тридцати семи губерниях и в Бессарабской области 8 июня 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Т. XL. Отделение I. – № 42180. – С. 633-638.

28. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 14 апреля 1866 г. – О порядке судопроизводства охранительного // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – Т. XLI. Отделение I. – № 43187. – С. 362-376.

29. Сенатский, по высочайшему повелению 16 апреля 1866 г. – Об открытии Кассационных Гражданского и Уголовного Департаментов Правительствующего Сената и Общего Собрания сих Департаментов // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря

1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – Т. XLI. Отделение I. – № 43198. – С. 386-388.

30. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 19 мая 1869 г. – О дополнении статей 91, 124, 201, 383 и 528 Устава Гражданского Судопроизводства и 199 и 985 Устава Уголовного Судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1873. – Т. XLIV. Отделение I. – № 47107. – С. 436-437.

31. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 15 марта 1871 г. – О порядке освидетельствования безумных и сумасшедших в Окружных судах, находящихся не в губернском городе // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. – Т. XLVI. Отделение I. – № 49362. – С. 204.

32. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 28 ноября 1872 г. – Об изменении статьи 1161 Устава Уголовного Судопроизводства 20 ноября 1864 года, об испытании подделки монет и кредитных бумаг // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875. – Т. LII. Отделение II. – № 51587. – С. 1027-1028.

33. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 3 июня 1875 г. – Об учреждении должности присяжных переводчиков при Окружных судах // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1877. – Т. L. Отделение I. – № 54768. – С. 574-575.

34. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 11 января 1877 г. – О вознаграждении сведущих людей и переводчиков, призываемых в судебные установления // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1879. – Т. LII. Отделение I. – № 56831. – С. 54-55.

35. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 27 апреля 1882 г. – О порядке освидетельствования состояния умственных способностей лиц, привлекаемых к уголовной ответственности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1886. – Т. II. – № 826. – С. 176-177.

36. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром 5 августа 1882 г. – Об упразднении женских врачебных курсов при Петербургском Николаевском военном госпитале // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1886. – Т. II. – № 1049. – С. 375.

37. Именной, данный Сенату 17 апреля 1884 г. – О новом издании Судебных Уставов 20 ноября 1864 года и о наименовании оных «Судебными Уставами Императора Александра II» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1887. – Т. IV. – № 2153. – С. 227.

38. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 17 декабря 1885 г. – Правила о С.-Петербургском Монетном Дворе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1887. – Т. V. – № 3381. – С. 518-521.

39. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 15 февраля 1888 г. – Об изменении и дополнении правил Устава уголовного судопроизводства о заочном разбирательстве // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1890. – Т. VIII. – № 5009. – С. 54-55.

40. Именной, данный Сенату 12 июля 1889 г. – О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1891. – Т. IX. – № 6195. – С. 507-508.

41. Высочайше утвержденные 12 июля 1889 г.: I. Положение о Земских Участковых Начальниках, II. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение, III. Временные Правила о Волостном Суде в тех же местностях и IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о Земских Участковых Начальниках // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1891. – Т. IX. – № 6196. – С. 508-535.

42. Высочайше утвержденные Правила о правах лиц женского пола, окончивших образование на упраздненных женских врачебных курсах при Николаевском военном госпитале 2 августа 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1895. – Т. X. Отделение I. – № 7072. – С. 635.

43. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 28 января 1892 г. – Об извещении сторон о времени слушания дел в Мировых Съездах и Судебных Палатах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1895. – Т. XII. – № 8267. – С. 47.

44. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 9 ноября 1892 г. – Об устройстве судебно-фотографической лаборатории при Прокуроре С.-Петербургской Судебной Палаты // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1895. – Т. XII. – № 9024. – С. 631-632.

45. Высочайше утвержденное Положение о С.-Петербургском Женском Медицинском Институте 1 июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1899. – Т. XV. – № 11760. – С. 364-367.

46. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 23 декабря 1896 г. – Об изменении постановлений, определяющих порядок производства местных действий по гражданским делам общей подсудности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1899. – Т. XVI. Отделение I. – № 13576. – С. 803-805.

47. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 2 июня 1897 г. – Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1900. – Т. XVII. – № 14233. – С. 357-364.

48. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 15 декабря 1897 г. – Об изменении действующих узаконений, касающихся центральных установлений Министерства Иностранных Дел, и об утверждении штатов центральных установлений и домовой церкви названного Министерства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1900. – Т. XVII. – № 14770. – С. 687-688.

49. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 9 марта 1898 г. – О даровании прав государственной службы женщинам-врачам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1901. – Т. XVIII. Отделение I. – № 15135. – С. 178.

50. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 7 июня 1904 г. – О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1907. – Т. XXIV. – № 24732. – С. 658-666.

51. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон 23 марта 1912 г. – Об изменении порядка производства публикаций по судебным и некоторым

административным делам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Пг.: Гос. тип., 1915. – Т. XXXII. Отделение I. – № 36739. – С. 246-250.

52. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон 15 июня 1912 г. – О преобразовании местного суда // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Пг.: Гос. тип., 1915. – Т. XXXII. Отделение I. – № 37328. – С. 662-705.

53. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон 28 июня 1912 г. – Об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Пг.: Гос. тип., 1915. – Т. XXXII. Отделение I. – № 37567. – С. 990-991.

54. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон 26 июня 1913 г. – Об установлении Положения о введении в действие закона 15 июня 1912 года о преобразовании местного суда, о введении в действие сего закона, в полном его объеме, в губерниях Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Таврической и о распространении некоторых постановлений сего закона на прочие местности Империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Пг.: Гос. тип., 1916. – Т. XXXIII. Отделение I. – № 39582. – С. 643-657.

55. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон 4 июля 1913 г. – Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве и Одессе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Пг.: Гос. тип., 1916. – Т. XXXIII. Отделение I. – № 39702. – С. 720-721.

56. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. – СПб.: Тип.

II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. – Т. X. Свод законов гражданских и межевых. – Ч. I. Законы гражданские. – 754 с.

57. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. – Т. XIII. Свод Уставов благочиния. – Ч. II. Учреждения и Уставы Врачебные по Гражданской части. – Книга I. Свод Учреждений врачебных. – С. 1-61; Книга III. Свод Устава Судебной Медицины. – С. 258-325.

58. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. – Т. XV. Свод законов уголовных. – 560 с.

59. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1842 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т. X. Свод законов гражданских и межевых. – Ч. I. Законы гражданские. – 700 с.

60. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1842 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т. XIII. Свод Уставов благочиния. – Ч. II. Учреждения и Уставы Врачебные по Гражданской части. – Книга I. Учреждения врачебные. – С. 1-82; Книга III. Устав Судебной Медицины. – С. 236-270.

61. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1842 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т. XV. Свод законов уголовных. – 490 с.

62. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. I. Ч. I. Основные государственные законы. – 64 с.

63. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. X. Ч. II. Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. – 525 с.

64. Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1857. – Т. XIII. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – Ч. III. Свод Учреждений и Уставов Врачебных по Гражданской части. – Книга I. Учреждения врачебные. – С. 3-146; Книга III. Устав Судебной Медицины. – С. 323-358.

65. Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1857. – Т. XV. Законы уголовные. – 964 с.

66. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1914. Отдел первый. Второе полугодие. – СПб.: Сенат. тип., 1914. – С. 2467-3936.

67. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. – 2-е, доп. изд. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – Ч. I. Устав гражданского судопроизводства. – XXXVIII, 713 с.

68. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. – Ч. II. Устав уголовного судопроизводства. – VII, 504 с.

69. Code de procedure civile. – P.: L'imprimerie imperiale, 1806. – 390 p.

70. Code d'instruction criminelle. Novembre et decembre 1808 // Bulletine des Lois. N° 214 bis. – 106 p.

Неофициальные публикации

71. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л.: Изд-во «Наука», 1987. – 448 с.

72. Устав врачебный // Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / Под ред. Ф. Волкова, Ю. Д. Филипова. – 3-е пересмотр. и доп. изд. – СПб.: Изд. Т-ва «Обществ. Польза», 1900. – Т. XIII. – С. 114-247.

73. Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражд. Кассац. Департамента, Общ. Собрания и Соедин. Присутствия 1-го и Кассац. Департаментов Правительствующего Сената и Циркулярам Министерства Юстиции. Систем. сб. с алфавит. указателем / Сост. В. Гордон. – Изд. неофиц. – СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1899. – II, XIV, 875 с.

74. Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1914 года. С приложением алфавитного предметного указателя в виде конспекта, составленного Г. В. Бертгольдтом. – М.: Изд. Юрид. кн. маг. «ПРАВО» Ф. В. Бусыгина, 1915. – 725, XVI с.

75. Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшим узаконениям. С систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего Сената и Министерства юстиции с приложением узаконений, цитируемых в Уставе или касающихся применения его, законов 12 марта 1914 г. и алфавитного предметного указателя / Сост. В. Гордон. – Изд. 6-ое, испр. и значит. доп. – Изд. неофиц. – СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1914. – XCII, 849, 298, 193 с.

76. Устав гражданского судопроизводства для местностей, в которых введен закон о преобразовании местного суда в неполном объеме / Сост. К. П. Змирлов. – Изд. неофиц. – СПб.: Изд. Юрид. кн. склада «ПРАВО», 1914. – CXII, 511 с.

77. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Прав. Сената и циркулярами министра юстиции / Под ред. М. Шрамченко. – Изд. неофиц. – СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1899. – 948, 56, IV с.

78. Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями. С объяснениями по решениям Уголов. Кас. Деп. Правительствующего Сената по 1916 год / Сост. Д. А. Каплан. – Изд. 2-е, испр., доп. и вновь обраб. – Екатеринослав: Тип. И. Е. Коган, 1916. – 938 с.

Акты судебной практики

Официальные публикации

79. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за второе полугодие 1867 года. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1868. – 402, XIII с.

80. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за первое полугодие 1871 года. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1871. – 1205, XXX, VIII с.

81. Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1873. Первое полугодие. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1873. – 1997, XLIV с.

82. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1879. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1879. – 1649, XXXIII с.

83. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1894. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1894. – XX, 367 с.

84. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1899. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1899. – 363, XII с.

85. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1901. – СПб.: Сенат. тип., 1901. – 365, VII, XVI с.

86. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902. – СПб.: Сенат. тип., 1902. – 402, VI, XVIII с.

87. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1910. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 412, XLVI с.

88. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1911. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 419, XLI с.

89. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. Второе полугодие. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1870. – XXIV, 807-2113 с.

90. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1872 год. Второе полугодие. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1872. – С. 1027-1849.

91. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1877. Первое полугодие. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1877. – 266, X с.

92. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. 1882. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1883. – 177, II, IV с.

Неофициальные публикации

93. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга, 1903. – 2190 с.

94. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга. – 2407 с.

95. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга, 1904. – 1525 с.

96. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1875 год. – Изд. 2-е, неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1912. – 2133 с.

97. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1880 год. – Изд. 2-е, неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1912. – 896 с.

98. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1886 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. Книгоизд-ва Л. М. Ротенберга, 1904. – 323 с.

99. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1867 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 637 с.

100. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 1044 с.

101. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 1291 с.

102. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 1664 с.

103. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1871 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 868 с.

104. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1873 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 1311 с.

105. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1910. – 1042 с.

106. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1875 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. – 944 с.

107. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1876 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. – 482 с.

108. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1885 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. – 126 с.

109. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1896 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. – 113 с.

110. Решения Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1899 год. – Изд. неофиц. – Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. – 94 с.

111. Свод кассационных положений по вопросам русского гражданского процессуального права за 1866-1913 годы / Сост. В. Л. Исаченко. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. – LXIII, 1020 с.

Официальные статистические материалы

112. Военно-статистический сборник. Россия / Под общ. ред. Н. Н. Обручева. – Вып. IV. – СПб.: Воен. тип., 1871. – XXX, 922, 235 с.

113. Свод статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 г. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1872. – 185 с.

114. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1899 году в судебных учреждениях, действующих на основании Уставов императора Александра II. – В 3 ч. – СПб.: Сенат тип., 1902. – VI, 650 с.

115. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1908 год. – В 2 ч. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – V, 440 с.

116. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1909 год. – В 2 ч. – СПб.: Сенат. тип., 1912. – V, 440 с.

117. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1910 год. – В 2 ч. – СПб.: Сенат. тип., 1913. – V, 490 с.

118. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1911 год. – В 2 ч. – СПб.: Сенат. тип., 1914. – III, 420 с.

119. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам Общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1912 год. – В 2 ч. – СПб.: Сенат. тип., 1915. – III, 397 с.

Литература

120. Абрамов С. Н. Гражданский процесс. – М.: Госюриздат, 1950. – 226 с.

121. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2007. – 480 с.

122. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Учебник. – М.: Норма, 2003. – 272 с.

123. Адамович В. И. Очерк русского гражданского процесса. – СПб.: Тип.-лит. и фототип. В. И. Штейна, 1894. – Вып. I. – II, 194 с.

124. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, проблемы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 562 с.

125. Амплеева Т. Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.). – Кн. II. Императорская Россия. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2008. – 196 с.

126. Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства: в 6 т. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. – Т. II. О доказательствах. – 479 с.

127. Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства: в 6 т. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. – Т. IV. 1. Решение и 2. Способы его обжалования. 3. Судебные сроки и 4. Судебные издержки. – 583 с.

128. Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства: в 6 т. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. – Т. V. Исполнение решения. – VII, 588 с.

129. Антонов Л. И. Практическое руководство для кандидата на судебные должности по производству предварительного следствия (формы, образцы и разъяснения). – СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. И. И. Зубкова, 1912. – VI, 148 с.

130. Арсеньев К. К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. Сборник практических заметок. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1870. – V, 225 с.

131. Арсеньев К. К. Судебное следствие. Сборник практических заметок. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. – 361 с.

132. Бабенко В. Н. Судебная система России: История и современность. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНИОН РАН, Рос. прав. академия, 2007. – 264 с.

133. Байгончокова Н. А. Законодательные акты императорской России об институте сведущих людей и применение их норм на практике // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 1 (49). – С. 2816-2820.

134. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. – II, 297, XVIII с.

135. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – 496 с.

136. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

137. Белогриц-Котляревский Л. С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и особенная часть. – Киев-Харьков: Южно-Русское книгоизд-во Ф. А. Югансона, 1896. – IV, 671, VII с.

138. Берендтс Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. – Пг.: Сенат. тип., 1915. – 202 с.

139. Блинов И. А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – 232 с.

140. Блинов И. А. Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – Т. I. – С. 3-101.

141. Блинов И. А. Ход судебной реформы 1864 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – Т. I. – С. 102-232.

142. Бокариус Н. С. Краткий курс судебной медицины. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1911. – XII, 465 с.

143. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 858 с.

144. Бородин С. В., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. – М. : Госюриздат, 1963. – 180 с.

145. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского: в 2 т. – М.: Книгоизд-во «Объединение», 1915. – Т. I. – С. 205-241.

146. Бразоль Б. Л. Очерки по следственной части: История. Практика. – Пг.: Гос. тип., 1916. – 215 с.

147. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. – СПб.: Тип. СПб. Т-ва печати и издат. дела «Труд», 1903. – VI, [2], 352 с.

148. Буцковский Н. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. – СПб.: Тип. Скарятина, 1874. – VII, 614 с.

149. Варенникова С. П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 133-140.

150. Васьковский Е. В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – Т. II. – С. 375-413.

151. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914. – IX, 18, 571 с.

152. Великая реформа: устав гражданского судопроизводства: колл. монография / Под ред. Е. А. Борисовой. – М.: Юстицинформ, 2019. – 550 с.

153. Вербловский Г. Л. Судопроизводство гражданское и уголовное в судебно-административных учреждениях. – 2-е, пересмотр. и доп. изд. – СПб.: Изд. Юрид. кн. магазина Н. К. Мартынова, 1898. – VIII, 256 с.

154. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд. А. А. Карцева, 1912. – 426 с.

155. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. – 400 с.

156. Виленский Б. В., Чистяков О. И. Введение // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. – М.: Юрид. лит., 1991. – Т. 8. Судебная реформа. – С. 5-26.

157. Винберг А. И. Введение в криминалистику. Предмет, метод, система курса и история советской криминалистики. – М.: РИО ВЮА, 1950. – 71 с.

158. Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1956. – 220 с.

159. Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. – М.: Госюриздат, 1949. – 132 с.

160. Винберг А. И. Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики: учеб. пособие. – Волгоград: Науч.-исслед. и ред.-изд. отдел Высш. следств. школы, 1981. – 80 с.

161. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Учеб. пособие. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979. – 183 с.

162. Вислоцкий Ф. В. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства. – Варшава: Тип. И. Унгра, 1872. – 175 с.

163. Владимиров Л. Е. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства. Рассуждение д-ра Ф. Вислоцкого // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. – № 2. – С. 278-287.

164. Владимиров Л. Е. О значении врачей-экспертов в уголовном судопроизводстве. – Харьков: Универс. тип., 1870. – 136 с.

165. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Особенная часть. – Кн. 1. Личный судейский осмотр и заключения экспертов. – Харьков: Изд. кн. магазина Д. Н. Полуехтова, 1886. – 136 с.

166. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и особенная. – 3-е изд., изм. и законченное. – СПб.: Изд. кн. магазина. «Законоведение», 1910. – 400 с.

167. Владиславлев И. А. Общие основания гражданского судопроизводства. – СПб.: Тип. Я. Трея, 1857. – 120 с.

168. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 475 с.

169. Волков Н. Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881-1894 гг. – СПб.: Тип. А. Ф. Штольценбурга, 1910. – IX, 372, III с.

170. Вронский Б. Судебно-медицинская экспертиза на трупах и свидетельские показания в уголовном процессе // Журнал гражданского и уголовного права. – 1890. – Кн. VIII. – С. 128-168.

171. Ган И. И. Дактилоскопия // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 4, апрель. – С. 180-189.

172. Ган И. И. О способе применения фотографии на предварительном следствии // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 7, сентябрь. – С.84-96.

173. Гессен И. В. Судебная реформа. – СПб.: Тип.-лит. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. – 267 с.

174. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. – СПб.: Ред. журнала гражд. и уголов. права, 1884. – Т. I. Вып. 1-2. – 660 с.

175. Гогель С. К. Правотворческая деятельность Сената в области уголовного права // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911 гг.: в 5 т. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – Т. IV. – С. 396-420.

176. Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России. – Ковна: Тип. Губерн. правления, 1894. – 119 с.

177. Гольмстен А. Х. Участие представителей юридической науки в отправлении гражданского правосудия // Журнал Министерства юстиции. – 1905. – № 4, апрель. – С. 80-136.

178. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Изд. 5-е, испр. и доп. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. – XIX, 411 с.

179. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / Отв. ред. А. А. Мохов. – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. – 384 с.

180. Гражданское процессуальное право: учебник: [в 2 т.] / Под ред. П. В Крашенинникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2022. – Т. 1. Общая часть. – 550 с.

181. Гредингер Ф. О. Судебно-фотографическое исследование документов // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 6, июнь. – С. 1-24.

182. Гришина Е. П. Теория и практика участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. – М.: Академия управления МВД РФ, 2006. – 254 с.

183. Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика. – М.: Изд. Юрид. ин-та МИИТа, 2012. – 280 с.

184. Громов В. И. Дознание и предварительное следствие: Теория и техника расследования преступлений. – 3-е изд., испр., перераб. и доп. – М.: Юрид. изд-во, 1928. – 364 с.

185. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.

186. Давыдов Н. В. Несколько лекций по уголовному процессу. – 2-е изд. – М.: Т-во скоропечати А. А. Левинсона, 1909. – 105 с.

187. Давыдов Н. В. Судебная реформа 1866 г. // Три века. Россия от смуты до нашего времени. Ист. сборник в 6 т. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. – Т. VI. XIX век. Вторая половина. – С. 163-172.

188. Даневский В. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. – М.: Т-во скоропечати А. А. Левинсон, 1895. – 89 с.

189. Дегай П. И. Учебная книга российского гражданского судоустройства и судебного делопроизводства. – СПб.: Тип. Фишера, 1847. – III, III, 186 с.

190. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. – XVI, 364, 52 с.

191. Джаншиев Г. А. С. И. Зарудный и судебная реформа. – М.: Тип. Е. Гербек, 1889. – X, 170, IV с.

192. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. – 10-е изд., доп. – СПб.: Тип.-лит. Б. М. Вольфа, 1907. – LXXXIX, 855, IX с.

193. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1899. – 592 с.

194. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. – Мн.: Изд-во Белгосуниверситета, 1959. – 188 с.

195. Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. Экспертиза документов. – М.: Госюриздат, 1960. – 165 с.

196. Духовской М. В. Из лекций по уголовному процессу. – М.: Тип. Общ-ва распространения полезных книг, 1895. – 218 с.

197. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. – М.: Тип. А. Н. Поплавского, 1910. – 448 с.

198. Дьяконова О. Г. Регламентация института сведущих лиц в уставах судопроизводства Александра II // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 705-711.

199. Ефремова Н. Н. Артикул воинский // Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 2001. – С. 60-61.

200. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). – М.: РУДН, 2007. – 267 с.

201. Ефремова Н. Н. Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). – М.: Наука, 1993. – 192 с.

202. Жданов Ю. Н., Емелин А. С. Судебные уставы России 1864 г. (Опыт истории и современность): Учеб. пособие. – М.: МЮИ МВД РФ, 1998. – 127 с.

203. Женские врачебные курсы // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: Тип.-лит. И. А. Ефрона, 1894. – Т. XI[A] . – С. 864-865.

204. Жижиленко А. А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование. – СПб.: Невская тип., 1900. – X, 746 с.

205. Загоровский А. И. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. – Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1892. – VII, 373 с.

206. Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России. – Казань: Тип. Императ. ун-та, 1891. – 72 с.

207. Загоскин Н. П. История права Московского государства. – Казань: Универс. тип., 1877. – Т. I. – XII, 344 с.

208. Закон и судебно-счетоводные экспертизы – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1909. – 48 с.

209. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. Учебник. – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.

210. Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. – V, 251 с.

211. Золотова О. И. Модель и тип гражданского судопроизводства в России по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 179-192.

212. Золотова О. И. Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства, разработанный комиссией Н. В. Муравьева: историко-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 264-269.

213. Иванов С. Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе. – СПб.: Изд. кн. склада «Коммерческая лит.», 1913. – XVIII, 222 с.

214. Иванюков И. И. Падение крепостного права в России. – СПб.: Изд. Тов-ва «Общественная польза». 1903. – 400 с.

215. Игнатовский А. С. Судебная медицина. Вып. I // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. – 1911. – № 1. – Приложения. – С. 1-424, XII.

216. Игнатовский А. С. Судебная медицина. Вып. II // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. – 1912. – № 10. – Приложения. – С. 1-286, VIII.

217. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 797 с.

218. Исаева Л. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. –М.: ЮРМИС, 2003. – 304 с.

219. Исаченко В. Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу Устава Гражданского судопроизводства. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. – Т. II. – XXII, 1038 с.

220. Исаченко В. Л. Мировой суд. Практический комментарий на первую книгу Устава Гражданского судопроизводства (Статьи 29-201). – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. – XX, 884 с.

221. История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю. П. Титова. – М.: Проспект, 2000. – 544 с.

222. История отечественного государства и права: учебник / Отв. ред. И. А. Исаев. – М.: Проспект, 2012. – 432 с.

223. История отечественного государства и права: Учебник / Под ред. О. И. Чистякова. – М.: ЮРАЙТ, 2010. – Т. 1. – 477 с.

224. История суда и правосудия в России: в 9 т. / Отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. – М.: Норма. 2019. – Т. 4. Краковский К. П. Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864-1881 годы). – 671 с.

225. История судебной системы России: учеб. пособие / Под ред. Н. А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 471 с.

226. История судебных учреждений России: Сб. обзоров и рефератов / Редкол.: Пивоваров Ю. С. (гл. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН; Рос. акад. правосудия, 2004. – 224 с.

227. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874-1894 гг.). – СПб.: Тип. Правит. сената, 1899. – III, 407, VI с.

228. Ищенко Е. П. Криминалистика: Курс лекций. – М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ», АСТ-МОСКВА, 2007. – 416 с.

229. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика. Учебник. – Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. – М.: «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2010. – 780 с.

230. Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. / Сост. И. А. Громов. – СПб.: Тип. І. Г. Брауде, 1913. – 78 с.

231. Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях // Кавелин К. Д. Собрание сочинений. – Т. IV. Этнография и правоведение. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – С. 205-420.

232. Калайдович Н. К. Указания для производства уголовных следствий. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Я. Трея, 1850. – 216 с.

233. Канторович Я. Судебное значение графологии // Журнал Министерства юстиции. – 1906. – № 9, ноябрь. – С. 196-210.

234. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1869. – Ч. III. О предварительном следствии. – Вып. I. – 328 с.

235. Кизеветтер А. А. История России в XIX веке: в 2 ч. – М.: Тип. В. И. Воронова, 1916. – Ч. II. – 130 с.

236. Кистяковский А. Ф. О значении судебной реформы в деле улучшения уголовного правосудия. – Киев: Университ. тип., 1870. – 60 с.

237. Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 407 с.

238. Ковалев М. А. Предисловие // Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: «ЛексЭст», 2001. – С. XX-XXVIII.

239. Ковалевский П. И. Судебная психопатология. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: Изд. «Русского Медиц. Вестника», 1900. – 232 с.

240. Ковалевский П. И. Судебно-психиатрические очерки. – Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1896. – III, 152 с.

241. Колоколов Е. Ф. Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду законов. – М.: Универ. тип., 1849. – 166 с.

242. Колоколов Е. Ф. Правила и формы производства предварительных следствий и дознаний судебными следователями и полицейскими чинами. – М.: Тип. И. И. Смирнова, 1878. – II, III, 96 с.

243. Комиссарова Я. В. Институт использования специальных знаний в России: исторический аспект // Эксперт-криминалист. – 2008. – № 1. – С. 3-8.

244. Корево Н. Н. Об изданиях законов Российской империи. 1830-1899. – СПб.: Гос. тип., 1900. – VI, 163 с.

245. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. – Ч. II. – 272 с.

246. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России / М. Г. Коротких. – Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1989. – 185 с.

247. Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / С. Ю. Косарев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 650 с.

248. Косоротов Д. П. Еще о кабинете «научной» экспертизы // Право. – 1913. – № 30. – С. 1771-1775.

249. Косоротов Д. П. К вопросу о «кабинете научной экспертизы» // Право. – 1912. – № 25. – С. 1379-1382.

250. Косоротов Д. П. Учебник судебной медицины для студентов. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: Тип. А. Э. Коллинс, 1914. – 394 с.

251. Краткий очерк деятельности Кабинетов научно-судебной экспертизы в 1914 году // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 6, июнь. – С. 303-345.

252. Криминалистика. Учебник / Отв. ред. И. Ф. Крылов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 591 с.

253. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 781 с.

254. Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. – 943 с.

255. Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Волынского. – М.: Изд-во «Спарк», 1998. – 543 с.

256. Крылов И. Ф. В мире криминалистики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 279 с.

257. Крылов И. Ф. Избранные труды по криминалистике. – СПб.: Юрид. ф-т СПбГУ, 2006. – 998 с.

258. Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 188 с.

259. Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 160 с.

260. Кудрявцева А. В., Петров А. В. Использование знаний сведущих лиц в дореволюционном законодательстве России: вопросы теории // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 2 (39). – С. 224-228.

261. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – 640 с.

262. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

263. Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1884. – 248 с.

264. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1909. – 81 с.

265. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. – VI, 262 с.

266. Лонская С. В. Мировая юстиция в России. – Калининград, 2000. – 215 с.

267. Майков П. М. О Своде законов Российской империи. – СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1905. – 278 с.

268. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. – Изд. 7-е. – Пг.: Сенат. тип., 1915. – Ч. I. – LVIII, 394 с.; Ч. II. – VI, 842 с.

269. Максимович И. А. Речь об уголовных наказаниях в России. – Киев: Универс. тип., 1853. – 261 с.

270. Малис Ю. Г. Судебно-медицинская экспертиза и роль врача, как судебного эксперта // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 6, июнь. – С. 64-93.

271. Малис Ю. Г. Судебно-медицинская экспертиза и роль врача, как судебного эксперта // Труды Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – Т. I (1908-1909 г.). – С. 279-294.

272. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. – Т. I. – 2-е изд., испр. и доп. – 454 с.

273. Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 640 с.

274. Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1880. – Т. I. – IX, XX, 514 с.

275. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.

276. Министерство юстиции за сто лет. 1802-1902. Исторический очерк. – СПб.: Сенат. тип., 1902. – 341 с.

277. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну.: в 3 т. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – Т. 2. – 912 с.

278. Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. – 133 с.

279. Набоков Влад. Работы по составлению судебных уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского: в 2 т. – М.: Книгоизд-во «Объединение», 1915. – Т. I. – С. 303-353.

280. Никифоров В. М. Экспертиза в советском уголовном процессе. – М.: РИО ВЮА, 1947. – 134 с.

281. Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. – Т. I. – XIV, 839 с.

282. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. – Т. I. – СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1876. – 542 с.

283. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. – Т. II. – СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1876. – 723 с.

284. Неретина Н. С. От научных лабораторий к судебно-криминалистическим. Развитие судебной экспертизы в XVIII-XIX вв. // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2 (51). – С. 158-164.

285. Нестеров А. В. История экспертизы и экспертика // Теория и практика судебной экспертизы. – 2011. – № 3 (23). – С. 12-19.

286. Нестеров А. В. Основы экспертной деятельности: Учеб. пособие. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – 167 с.

287. Нестеров А. В. Судебная экспертиза: Правовое регулирование, организация, современные возможности // Журнал российского права. – 2005. – № 8. – С. 164-167.

288. Нестеров А. В. Экспертика: общая теория экспертизы. – М.: Тип. НИУ ВШЭ, 2014. – 261 с.

289. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Изд. 2-е. – М.: Тип. Импер. Моск. ун-та, 1909. – 388 с.

290. Никифоров В. М. Экспертиза в советском уголовном процессе. – М.: РИО ВЮА, 1947. – 134 с.

291. Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства . – СПб.: Сенат. тип., 1900. – Т. I. – III, XIV, 354 с.

292. Орлов Н. А. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. – М.: Универ. тип., 1833. – X, 86 с.

293. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). Учеб. пособие. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.

294. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе: Учеб. пособие. – М.: ВЮЗИ, 1992. – 80 с.

295. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 204 с.

296. Отчет о деятельности Кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре С.-Петербургской Судебной палаты за период времени с 9 декабря 1912 года по 1 января 1914 года // Журнал Министерства юстиции. – 1914. – № 5, май. – С. 272-284.

297. Очерки истории С.-Петербургского коммерческого суда 1833-1908 и его современные деятели. Юбилейное издание. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 251 с.

298. Патенко Ф. А. Опыт руководства к судебно-медицинскому анализу. – Вып. I. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и С-вья, 1904. – 140 с.

299. Патенко Ф. А. Химическая экспертиза в уголовном процессе // Журнал гражданского и уголовного права. – 1891. – Кн. VI. – С. 73-84.

300. Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. – М.: Универс. тип., 1851. – 212 с.

301. Петренко А. В. Эволюция института правовой экспертизы // Право и политика. – 2012. – № 7 (151). – С. 1202-1208.

302. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Изд-во «Юрид. лит-ра», 1964. – 266 с.

303. Победоносцев К. П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету Кассационных департаментов Сената. – СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. – XV, 553, XXII с.

304. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М.: Изд. Г. А. Лемана, 1913. – VI, 329 с.

305. Покровский М. М. Судебно-медицинская экспертиза при гласном судопроизводстве. – М.: Универс. тип. (М. Катков), 1877. – 60 с.

306. Полянский Н. Н. Уголовный процесс: уголовный суд, его устройство и деятельность. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 202 с.

307. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. – Ярославль: [б/и], 1919. – 35 с.

308. Пороховщиков П. По поводу недоразумений о кабинете научно-судебной экспертизы // Право. – 1912. – № 7. – С. 369-373.

309. Потапов С. М. Судебная фотография. Учебное и практическое руководство. – М.: ОГИЗ, 1936. – 135 с.

310. Практическое руководство для судебных следователей / Сост. А. А. Соколов. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1891. – Т. I. – 574 с.

311. Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. В. М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.

312. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – 312 с.

313. Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1994. – 315 с.

314. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1997. – 368 с.

315. Раткевич П. Зерцало правосудия. – СПб.: Тип. Шнора, 1805. – 28 с.

316. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1953. – 263 с.

317. Рейнке Н. М. Кассационная инстанция // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Пг.: Сенат тип., 1914. – Т. II. – С. 281-336.

318. Рейсс Р. А. Научная техника исследования преступлений. – СПб.: Сенат. тип., 1912. – II, II, 178 с.

319. Рожановский В. А. Судебно-медицинская экспертиза в дореволюционной России и в СССР. – М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. – 144 с.

320. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. – 2-е изд., изм. и доп. – СПб.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО», 1914. – 547 с.

321. Романов И. Е. О порядке ведения уголовных дел у мировых судей. – М.: Тип. Грачева и К°, 1868. – VIII, 101 с.

322. Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40). – С. 10-18.

323. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – 3-е изд., доп. М.: НОРМА, НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 736 с.

324. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2010. – 464 с.

325. Россинская Е. Р., Зинин А. М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12. – С. 18-37.

326. Руководство для судебных приставов, полиции и взыскателей / Сост. Н. Александров. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1904. – 554, VI с.

327. Селина Е. В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 128 с.

328. Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: в 3 т. – СПб.: Изд. М. Е. Комарова, 1889. – Т. I. – XIX, 848 с.

329. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному / Сост. А. Поворинский. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1896. – XXV, 834 с.

330. Словарь основных терминов судебных экспертиз / Ред.-сост. Ю. Г. Корухов. – М.: СУДЭКС, 2009. – 119 с.

331. Слонимский Л. З. Об условиях и пределах невменяемости // Журнал гражданского и уголовного права. – 1878. – № 3. – С. 70-115.

332. Слонимский Л. З. Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1879. – IV, 160 с.

333. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. – Изд. 4-е, доп. и испр. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – XIII, 670 с.

334. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. – СПб.: «Наука», ООО Изд-во «Альфа», 2000. – 224 с.

335. Смыкалин А. С. История судебной системы России: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 231 с.

336. Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. А. А. Добровольского, А. Ф. Клейнмана. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 440 с.

337. Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. М. А. Гурвича. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1975. – 399 с.

338. Советский гражданский процесс. Учебник для вузов / Отв. ред. М. С. Шакарян. – М.: Юрид. лит., 1985. – 526 с.

339. Советский уголовный процесс. Учебник / Под общ. ред. И. Д. Перлова. – М.: Госюриздат, 1962. – 319 с.

340. Советский уголовный процесс. Учебник / Под общ. ред. М. И. Бажанова и Ю. М. Грошевого. – Киев: Высш. шк., 1978. – 471 с.

341. Советский уголовный процесс. Учебник / Под ред. Д. С. Карева. – М.: Госюриздат, 1956. – 416 с.

342. Соколов А. А. Судебно-медицинская экспертиза по циркулярным указам правительствующего сената // Журнал гражданского и уголовного права. – 1890. – Кн. IV. – С. 132-153.

343. Соколовский М. К. Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904. – 32 с.

344. Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А. Судебная экспертиза: учебник и практикум. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 288 с.

345. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1861. – 116 с.

346. Стефановский К. Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права // Журнал Министерства народного просвещения. – 1873. – Февраль. – С. 252-366; 1873. – Сентябрь. – С. 1-81.

347. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.

348. Стукалин В. Б. Основы судебной экспертизы: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011. – 247 с.

349. Сувиров Н. Дактилоскопия и ее применение к предварительному следствию // Право. – 1909. – № 51. – С. 2851-2856; № 52. – С. 2922-2928; 1910. – № 2. – С. 83-94.

350. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / Под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. – М.: Проспект, 2017. – 282 с.

351. Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (К 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 – 20 ноября 2014): Сб. науч. ст. / Под ред. Д. Я. Малешина. – М.: Статут, 2014. – 128 с.

352. Судебный врач. Кабинет научно-судебной экспертизы // Право. – 1912. – № 4. – С. 205-208.

353. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

354. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. – Киев: Тип.-лит. Т-ва И. Н. Кушнарев и К°, 1891. – Т. II. – Вып. 1. – IV, 214, XIV с.

355. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 126 с.

356. Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-94 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 3, март. – С. 115-143.

357. Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 9, ноябрь. – С. 52-99.

358. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник / Под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 368 с.

359. Тетюхин И. Н., Смирнов Д. А. История законодательства о судебной экспертизе в России XIX-XX вв. // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2015. – № 4 (58). – С. 78-81.

360. Тимановский А. Т. Сборник толкований русский юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866-1891). Учреждение судебных установлений и устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов. – Изд. 2-е. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1892. – [2], 2, IV, 651 с.

361. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. Пути развития криминалистики. – М.: Прогресс, 1974. – 439 с.

362. Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступления. Практическое руководство для судебных деятелей. – Пг.: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1915. – XI, 334 с.

363. Трегубов С. Н. Первый кабинет научно-судебной экспертизы в России (история его учреждения и открытия) // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 1, январь. – С. 232-258.

364. Троцина К. Е. История судебных учреждений в России. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1851. – 397 с.

365. Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. И. А. Колоколова. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 1038 с.

366. Уголовно-процессуальное право: учебник / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 1060 с.

367. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В. П. Божьева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2014. – 573 с.

368. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под общ. ред. М. Н. Гернета. – М.: Т-во Типографии А. И. Мамонтова, 1914. – Вып. II. Ст. ст. 85-248. – 582 с.

369. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под общ. ред. М. Н. Гернета. – М.: Скоропеч. А. А. Левинсона, 1916. – Вып. V. Ст. ст. 765-999. – 1594 с.

370. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – Ярославль: Тип. Губерн. правления, 1909. – XIII, 668, X с.

371. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. – М.: Тип.-лит. В Рихтер, 1915. – VIII, 433 с.

372. Филиппов М. А. Судебная реформа в России. – Т. I. Судоустройство. Ч. 1. – СПб.: Тип. А. Моригоровского, 1871. – 622 с.

373. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Изд. 4-е. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1912. – Т. I. – XII, 567 с.

а. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Изд. 3-е, пересмотр. и доп. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – Т. II. – VIII, 573 с.

374. Фукс В. Я. Уголовно-судебная экспертиза на предварительном следствии и суде // Журнал гражданского и уголовного права. – 1887. – Кн. IV. – С. 15-54; Кн. V. – С. 1-39.

375. Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. – М.: Статут, 2009. – Т. 3. История развития отечественной цивилистической процессуальной и административной процессуальной мысли в персоналиях. – 404 с.

376. Хазиев Ш. Н. История отечественных судебно-экспертных учреждений: московский кабинет научно-судебной экспертизы (1914-1918 гг.) // Теория и практика судебной экспертизы. – 2011. – № 4 (24). – С. 179-188.

377. Хазиев Ш. Н. История сотрудничества прокуратуры Российской Федерации и Российской Академии наук в области криминалистики и судебной экспертизы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 6 (62). – С. 88-93.

378. Хазиев Ш. Н. К 100-летию первого российского закона о судебно-экспертной деятельности и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. – 2012. – № 4 (28). – С. 141-150.

379. Ханыков Я. В. Очерк истории медицинской полиции в России. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1851. – 115 с.

380. Хлебникова Г. В. Институт судебных следователей по судебным уставам 1864 года // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2015. – № 13. – С. 101-109.

381. Хроника уголовного суда. К вопросу о пределах врачебной экспертизы в делах уголовных // Журнал юридического общества. – 1896. – Кн. X. – С. 167-176.

382. Цитович П. П. Гражданский процесс. Конспект лекций. – Изд. 4-е. – Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1884. – 132 с.

383. Чарыков А. В., Чарыков В. И. Вопросы теории и законодательного регулирования института эксперта и специалиста в российском уголовном процессе. – Курган: Изд-во КГУ, 2016. – 181 с.

384. Чебышёв-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. – СПб.: Изд. В. П. Печаткина, 1873. – IX, 756 с.

385. Чеглоков П. Н. Об органах судебной власти в России от основания государство до вступления на престол Алексея Михайловича. – Казань: Изд. И. Дубровина, 1855. – 104 с.

386. Чельцов М. А. Уголовный процесс. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 624 с.

387. Чельцов М. А., Чельцова Н. В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1954. – 280 с.

388. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – М.: Госюриздат, 1957. – Т. 1. – 849 с.

389. Чиж В. Ф. Лекции по судебной психопатологии. – СПб.: Изд. Г. Ф. Пантелеева, 1890. – 336 с.

390. Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. – СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. – III, 416 с.

391. Чистяков О. И., Новицкая Т. Е. Реформы Александра II // Реформы Александра II. – М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1998. – С. 5-36.

392. Шавров К. В. Экспертиза в уголовном суде // Вестник права. Журнал Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. – 1899. – № 7. – С. 1-38.

393. Шершавкин С. В. История отечественной судебно-медицинской службы. – М.: Изд-во «Медицина», 1968. – 183 с.

394. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. – Изд. 4-е. – IV, 596 с.

395. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.

396. Штольц В. И. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. – СПб.: Изд. И. С. Леви, 1885. – VIII, VI, III, 458 с., 14 л. ил.

397. Щеглов Н. Н. Материал к судебно-медицинскому исследованию огнестрельных повреждений. – М.: Тип. Т. Рис, 1879. – 73 с.

398. Щегловитов И. Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года. – Пг.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. – 70 с.

399. Щегловитов И. Г. К сорокалетию Судебных Уставов 20 ноября 1864 года // Вестник права. – 1904. – Кн. IX. – С. 1-28.

400. Щегловитов И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 9, ноябрь. – С. 95-153.

401. Щегловитов И. Г. Судебная экспертиза документов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1891. – Кн. VI. – С. 45-72.

402. Эйсман А. А. «Заключение эксперта» (Структура и научное обоснование). – М.: Юрид. лит-ра, 1971. – 164 с.

403. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – 682 с.

404. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.

405. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. Учебник. – М.: Госюриздат, 1956. – 439 с.

406. Юдин Б. Г. Экспертиза // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 1138-1140.

407. Яблочков Т. М. Практический комментарий на Устав гражданского судопроизводства. – Ярославль: Тип.-лит. Е. Ф. Вахрамеева, 1913. – Т. I. Основы гражданского процесса (ст. 1-28). – 406, XVI с.

408. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Изд. 2-е, доп. – Ярославль: Книгоизд-во И. К. Гассанова, 1912. – VIII, 326 с.

409. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1925. – 430 с.

Авторефераты диссертаций

410. Абушов Р. И. Генезис института мировых судей в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2009. – 28 с.

411. Акишев М. О. Судебная реформа Петра I: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 2005. – 22 с.

412. Алехина Н. М. Состояние и развитие судебно-медицинского дела в России в межвоенный период (1918-1941 гг.): автореф. дис. … канд. мед. наук: 07.00.10; 14.00.24. – М., 2002. – 22 с.

413. Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (IX-XIX вв.): автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2009. – 57 с.

414. Бикмаева Н. Л. Историко-криминалистические тенденции развития судебной экспертизы и судебных экспертных учреждений России (XIX – конец XX века): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Н. Новгород, 2006. – 27 с.

415. Волчкова А. А. Институт судебных следователей в дореволюционной России (Историко-правовой анализ): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2005. – 29 с.

416. Долова М. О. Развитие науки гражданского процессуального права России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2017. – 25 с.

417. Захаров В. В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832-1917 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2009. – 45 с.

418. Исаева Л. М. Криминалистическое учение о специальных знаниях сведущих лиц: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. – СПб., 2009. – 60 с.

419. Калиниченко В. В. Сенат в системе судебной власти Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – Краснодар, 2011. – 28 с.

420. Ковтков Д. И. Кассационное производство в гражданском процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2015. – 32 с.

421. Кокорев Р. А. Использование медицинских знаний в расследовании преступлений против личности: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. – М., 2017. – 24 с.

422. Колиев В. В. Экспертно-криминалистическая деятельность в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Ростов н/Дону, 2011. – 28 с.

423. Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.12; 12.00.09. – М., 2013. – 57 с.

424. Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Л., 1990. – 39 с.

425. Лонская С. В. Мировой суд в России (1864-1917): историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 1998. – 17 с.

426. Медведев В. В. Формирования и эволюция полицейского государства в России (XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2009. – 23 с.

427. Мохов А. А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.15. – СПб., 2006. – 36 с.

428. Назарова Н. А. Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2007. – 24 с.

429. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 1999. – 40 с.

430. Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. – М., 2016. – 26 с.

431. Нестеренко Л. С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2012. – 18 с.

432. Новиков А. А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Калининград, 2007. – 26 с.

433. Павлова Е. В. Исследование и оценка прокурором заключений и показаний экспертов при судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2022. – 32 с.

434. Петрухина А. Н. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2012. – 25 с.

435. Печникова О. Г. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здравия» в России в XVI – начале XIX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук.: 12.00.01. – М., 2015. – 49 с.

436. Радуто Р. В. Развитие уголовного судопроизводства в России в XIX веке. Историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2010. – 24 с.

437. Рощина Е. В. Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2006. – 32 с.

438. Серебренников С. Ю. Развитие гражданского судопроизводства в Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2010. – 25 с.

439. Спиридонов М. С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Ульяновск, 2021. – 30 с.

440. Стус Н. В. Уголовно-судебное право России XII-XIX вв.: историко-юридическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Белгород, 2015. – 43 с.

441. Тарасов В. Н. Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 гг. (Историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2015. – 32 с.

442. Тарасова Л. А. Министерство юстиции в системе государственных органов и учреждений Российской империи (1802-1881 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – 22 с.

443. Харченко Д. А. Судебная экспертиза в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск, 2006. – 22 с.

444. Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898-1963 гг. (Концепции, учреждения, ученые): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2009. – 34 с.